

Ирина Вепрева

Метаязыковой привкус эпохи

Ирина Вепрева

Метаязыковой привкус эпохи
Избранные работы последнего десятилетия

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-639-69413-0

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

Оглавление

Общие вопросы

Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания.....	2
Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? (Постановочный аспект).....	23
Еще раз о деривационном критерии речевого напряжения.....	39
Роль метаоператора <i>в хорошем смысле слова</i> в создании идеализированной картины мира... 50	
Семантическая опустошенность модных слов	64
Метаязыковой аспект не прямой коммуникации.....	74
Метаязыковой голос в современном публицистическом дискурсе.....	88

Метавысказывания как средство диагностики активных процессов в современном русском языке

Метаязыковые высказывания как речевые сигналы обновления концептосферы постсоветского человека.....	95
Метаязыковые высказывания как сигналы стилистических сдвигов: к проблеме новых методов исследования.....	108
Метаязыковые стратегии в стилистически неоднородных текстах современных СМИ.....	120
Метаязыковой привкус эпохи.....	128
Метаязыковые измерения многогочия.....	140

Актуальные слова в свете языковой рефлексии

«Хочу сиять заставить заново...», или о прагматическом потенциале негативно заряженных слов.....	155
«Я ненавижу это слово», или о конфликте между словом и человеком.....	166
Лексема <i>мигрант</i> : о формировании негативного стереотипа.....	187
Слово <i>революция</i> : социокультурные настроения и семантические преобразования.....	193
Креатив <i>креатива</i> , или о функционировании лексемы <i>креатив</i> в современном русском языке.....	201
Авгиевы конюшни политической лексики, или о феномене грязного слова в современном русском языке.....	211
«Мы их в сортире замочим», или штрихи к риторическому портрету В.В.Путина.....	220

Общие вопросы

Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания¹

Автор аргументирует выбор термина «рефлексив» для обозначения высказываний, представляющих собой результат вербализации метаязыкового сознания, выделяет два основных типа рефлексивов: коммуникативные рефлексивы и концептуальные рефлексивы, определяет причины вербализации метаязыкового сознания, на основе которых формулирует критерии напряжения, стимулирующие экспликацию языковой рефлексии.

Наступление нового тысячелетия совпало в России с революционной сменой моделей поведения во всех областях жизнедеятельности. Реформирование российской экономики, кардинальные изменения в политической жизни общества в последние десятилетия стимулировали активное переустройство в системе современного лексикона. Интенсивные процессы в обществе и языке обостряют языковую рефлексию носителя языка. Современная речь изобилует **рефлексивами**, относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употребляемому слову или выражению. Высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей. Актуальность изучения рефлексивов определяется спецификой самого объекта, адекватно отражающего целесообразность ведущего принципа современной лингвистики – ее антропологического начала, фиксирующего поворот от изучения речи человека к изучению говорящего человека, к обращению пристального внимания к языковой личности.

Современная экстралингвистическая реальность определяет основной набор лексико-фразеологических доминант, быстрая смещаемость которых создает впечатление их резкой изменчивости и недолговечности. Языковое само-

¹ Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002, №6.

сознание чутко реагирует на активную смену опорных звеньев лексикона, поэтому закономерно повышение частотности рефлексивов в переломные годы истории общества. Отсюда и возрастание исследовательского интереса к проблеме речевой рефлексии, выступающей как часть культурного самосознания, как компонент национального самосознания.

Демократизация российского общества, гласность обусловили появление “концептуальной, оценочной и языковой свободы” [1, с. 16]. Многоаспектный фактор свободы стимулировал усиление личностного начала, особенно в публичной речи [2,3], коммуникативного права говорящего на открытое самовыражение, на “возможность подвергать индивидуально-субъективным оценкам любой предмет речи и компонент коммуникативного акта” [4, с. 50]. Инфантилизм сознания советского человека, порождавший “инфантилизм высказывания” (Капанадзе), сменился особой экспрессивностью публицистического текста, который открыто проясняет позицию автора, субъективную оценку говорящего.

В связи с происходящими изменениями в политической и экономической жизни общества пересматриваются и сложившиеся представления человека о мире. Обновление концептуального мира носителя языка, концептуализация знаний о преобразующемся мире при представлении их в языковой форме сопровождается оценочной интерпретацией языкового знака. Языковая личность с помощью интроспекции стремится разобраться в обстоятельствах появления и функционирования слова, дать ему оценку, осмыслить по-новому значения слов, реализуя функцию “сверх того”, передавая с помощью метаязыкового комментария “информацию не о мире вообще, а о человеке” [5, с. 11] в процессе его самовыражения. Например:

Сейчас в большой России, я не люблю слово «провинция», существует огромная жажда, тяга к прекрасному (РТР, Зеркало, 9.03.02); Есть замечательные молодые артисты, режиссеры, которых надо было бы – это плохое слово, но именно – «раскручивать». Периодически мы приглашаем «нераскрученных», и чутье нас не подводит (АИФ, март, 01); Года четыре назад от одного слова «национализация» российских предпринимателей бросало в дрожь. Вообще-то слова «национализация» бояться нечего: во всех странах с рыночной экономикой есть законы, при определенных обстоятельствах допускающие превращение частной собственности в государственную (МК-

Урал, янв., 02); *Только здесь жизнь, здесь постоянно что-то происходит. Из страны я уеду только в одном случае: если сменится власть, если в страну вернется слово «страх». Да и то десять раз подумаю* (МК-Урал, апр., 00); *Слово «демократия» стало ругательным в нашей стране по вполне понятным причинам* (АИФ, ноябрь, 98).

Исследовательский интерес к изучению метаязыкового обыденного сознания был отмечен давно и определялся разными задачами. В лингвистике проблема традиционного донаучного знания языка была поставлена на обсуждение в работе Хенигсвальда, по которой развернулась дискуссия на конференции в 1964 году в Калифорнийском университете UCLA (University of California, Los Angeles). Социолингвистический аспект проблемы заключался в выяснении различий между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других. Эта последняя сфера интересов была названа «народной лингвистикой» (folk-linguistics) [6].

В отечественной лингвистике обыденные представления о языке – это прежде всего предмет диалектологических изысканий [7; 8; 9; 10; 11; 12 и др.], которые посвящены изучению речи “людей устной культуры с необученным языковым сознанием, малограмотных носителей традиционного слоя диалекта” [8, с. 48]. Параллельно с исследованием диалектного материала лингвисты обращаются к обыденному сознанию “так называемых средних носителей русского языка” [13, с. 8], обычного человека – “наивного лингвиста” [14, с. 5], “природного лингвиста” [15, с. 34], носителей живой современной речи [16; 17; 18; 19; 20; 21], писательскому метаязыковому сознанию [22; 23; 24], к обыденному сознанию нелингвистов, представителей разных нефилологических специальностей – юристов [25;26], журналистов [27], политиков [28]. Ученые полагают, что “обыденное сознание – это не сознание второго сорта” [29, с. 41] и без учета языкового сознания рядового носителя языка картина языковой жизни социума будет неполной, так как “народная точка зрения, взятая сама по себе, есть часть социолингвистической ситуации и заслуживает самостоятельного рассмотрения” [30, с. 37]. В.В.Виноградов считал, что анализ личных или общественно-групповых оценок разнообразных речевых явлений необходим для изучения “всей полноты современной речевой жизни” [31, с. 9]. Вербализованная рефлексивная реакция наших современников на активные языковые про-

цессы является “поучительным материалом по истории зарождения вольномыслия” [32, с.65], поскольку проявляет эмоциональное отношение “со стороны по-новому дифференцированного общества” к новым фактам жизни [33, с.217].

Было бы наивно предполагать, что опора только на метаязыковой комментарий может реконструировать картину мира человека, воссоздать исторически меняющееся мировоззрение языкового коллектива, хотя особенностью метаязыкового знания является то, что оно входит одновременно в языковое и когнитивное сознание индивида. Эксплицитное их проявление прямо связано с развитием когнитивного сознания. Помимо этого языкового феномена, как, впрочем, и всего языка в целом, в культуре существует много других кодов, несущих в себе такого рода свидетельства. Однако данные языковые факты обязательно необходимо учитывать. Современная речевая действительность открывает уникальные возможности комплексного анализа метаязыкового дискурса, позволяющего рассмотреть вербализованные продукты речемыслительной деятельности как социокультурно значимую речевую деятельность, как феномен коммуникативной и концептуальной деятельности русской языковой личности на рубеже веков.

Понимая многоаспектность подхода к исследованию вербализованной метаязыковой деятельности, считаем необходимым в рамках данной статьи ограничить себя двумя, на наш взгляд, наиболее важными задачами, помогающими в дальнейшем осмыслить метаязыковой материал во всем его разнообразии: 1) выявить основные функциональные типы рефлексивов; 2) определить причины вербализации метаязыкового сознания в современном публицистическом тексте.

Материалом для решения поставленных задач послужили выборки из публицистических текстов российских средств массовой информации с 1990 по 2002 г. (включительно) [34]. Автором проводились записи устной речи теле-, радиоведущих, участников теле-, радиодialogов и полилогов, публичных выступлений общественных деятелей, ученых, политиков, разговорных dialogов.

Прежде чем приступать к обсуждению поставленных проблем, определимся с выбранным термином “рефлексивы”, которым мы обозначили метаязыковые высказывания по поводу употребления актуальной лексической единицы. Выбор термина “рефлексив” по отношению к метатекстам, эксплицирую-

щим отношение говорящего к употребляемому слову, продиктован несколькими причинами. Во-первых, разным содержательным объемом термина “метатекст”. Ученые, пользуясь термином “метатекст”, понимают его неоднозначно. Существует широкое и узкое понимание “метатекстов” [8, с.53–55]. При широком подходе “метатекст” понимается как строевой компонент текста, выполняющий иллокутивную функцию, связанную с “речевыми шагами Говорящего по порождению текста” [35, с.71], являющуюся отражением его речевого поведения [36]. Основы широкого понимания заложены в работе А.Вежицкой “Метатекст в тексте” [37]. А.Вежицка анализирует метатекстовые образования типа *В настоящем разделе я буду говорить о ..., Приведу пример..., повторяю, что...* и др. Для такого “метатекста” характерно ситуативно-прагматическое содержание.

При узком понимании “метатекстов” к ним относят вербальную экспликацию по поводу лексической единицы, представляющую собой “разнообразный комментарий к выбору слова” [14, с.40], развернутый носителями языка подчас до уровня суждения о языке [38, с.11]. В данном понимании “метатекст” как результат осознания языковой действительности также является эксплицированным проявлением метаязыкового сознания. В этом отношении достаточно условно можно принять исследовательское толкование широкого и узкого понимания “метатекста” [8, с. 52-55]. С одной стороны, процесс выбора слова, безусловно, представляет собой лишь один частный аспект речевой деятельности. Но, с другой стороны, нерасчлененность для обыденного сознания языкового средства с тем, для чего оно используется, позволяет считать метаязыковые высказывания исследовательской базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности, социокультурных умонастроений, психологического состояния человека и общества в целом. В данном случае «язык является средством выхода на образ мира» [39, с. 36].

Во-вторых, в современной лингвистической практике существует обилие терминологических единиц, характеризующих метавысказывания по поводу слова. Термин “рефлексив” находится в одном ряду с такими терминологическими единицами, как “оценка речи” [17], “контекст-мнение” [10], “метаязыковые высказывания” [38], “словесное само моделирование” [22], “показания метаязыкового сознания” [7], “метатекст” [8]. На наш взгляд, в перечисленных

выше терминах есть несколько недостатков: некоторые из них акцентируют какую-то одну из важных особенностей метаязыковых высказываний, другие не удобны для использования в силу их громоздкости. Выбранный нами термин “рефлексив” подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя. Подобная трактовка рефлексии восходит к терминологическому толкованию Джона Локка. Рефлексия, с его точки зрения, “особое оперирование субъекта с собственным сознанием, порождающее в результате идеи об этом сознании” [40, с. 25], сознательное отслеживание и анализ собственной мысли.

В-третьих, следует признать несостоятельность термина “метатекст” с позиций лингвистики текста: в большинстве случаев мы не можем констатировать представленность в речевой структуре, обозначаемой как “метатекст”, универсальных текстовых категорий: целостности, связности, смысловой завершенности, относительной оформленности. Материал исследования позволяет говорить о дискурсивной природе метаязыковой деятельности, так как рефлексивы могут быть представлены в различных текстовых формах – как канонических, так и неканонических: в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст, что соответствует существенным чертам дискурса – ослаблению нормоцентрических требований к формам смысловой и структурной организации продуктов речевой деятельности [41, с. 186-187] и акцентированию точки зрения адресанта, его предпочтений, оценки, эмоций по отношению к действительности и адресату [42, с. 19].

Несмотря на видимую простоту и удобство термина “рефлексив”, мы должны признать некоторые его недостатки. Рефлексив – не новый для лингвистики термин. Известно его традиционное использование в грамматике для обозначения кореферентных ситуаций и средств их выражения, например, местоимений [43], возвратных глаголов [44], возвратных конструкций, основанных на кореферентности подлежащего и дополнения, которые Т.Гивон называет «подлинными рефлексивами» [45, с.628]. Тем не менее понятие языковой рефлексии завоевывает “права гражданства” по мере возрастающего интереса лингвистов к метаязыковой деятельности говорящих. Можно сослаться на ряд работ, в которых термин “рефлексив” активно используется по отношению к язы-

ковой рефлексии [46; 27; 3; 28 и др.].

Обратимся к главной цели нашего рассмотрения – с одной стороны, определить функциональную нагрузку рефлексивов, которая может стать основой их типологии, с другой стороны, выяснить причины вербализации метаязыкового сознания.

Совместные усилия ученых разных направлений – психологии, социологии, когнитологии, этнографии, лингвистики (см. обзор [47, с.69–118]) – по выявлению роли сознания в организации человеческой деятельности привели к выводу: основу всякой деятельности, в том числе и речевой, составляет целая система стереотипов, которая позволяет нам жить в “режиме автопилота”. В широком смысле стереотип понимается как “традиционный привычный канон мышления, воспроизведения и поведения” [В.П. Гуревич – цит. по: 48, с.179], “суперустойчивое представление” о действительности с позиций обыденного сознания [47, с.73].

Стереотипность речевой деятельности многопланова и формируется, в частности, под влиянием повторяемости речевых ситуаций и конвенциональности языкового знака [49, с.5]. Стереотипы прежде всего упрощают, облегчают общение, делая его более надежным, обеспечивая взаимопонимание. В межличностном общении стереотипы не осознаются и являются предсознательными представлениями. Как обязательный компонент языковой способности метаязыковое сознание также обычно протекает на бессознательном уровне и обеспечивает автоматизм речевой деятельности, при этом выполняя функцию контроля, функцию проверки “настроенности” коммуникантов на одну волну. Сам механизм языкового контроля – это “механизм сличения и оценки соответствия значения и/или формы данной языковой структуры эталону в языковой памяти индивида и замыслу в целом” [50, с.10], а также коррекция реализации в случае расхождения с эталоном [51, с.41].

Однако при взаимодействии людей с различиями по полу, возрасту, национальности, религии, культурному уровню, социальному слою может возникнуть коммуникативный диссонанс. Коммуникативные трудности мобилизуют бессознательную избыточность метаязыковой способности, которая прорывается в сознание, и в этом случае мы имеем дело с экспликацией метаязыкового сознания в речи. Рефлексивы представляют собой вербализацию созна-

тельных интеллектуальных усилий по преодолению барьеров в речевой деятельности.

Выясняя причины вербализации метаязыкового сознания, мы пришли к выводу, что рефлексивы по линии связи с коммуникацией выступают как маркеры речевого толерантного взаимодействия, речевой координации говорящего и слушающего. Любое коммуникативное взаимодействие речевых партнеров подчинено доминирующей коммуникативной цели – установлению обратной связи и понимания между адресантом и адресатом. Создавая текст, говорящий бессознательно связывает его создание с определенным ожиданием понимания, им руководит постоянный страх не быть понятым (о страхе как фоновой способности человека, проявляющейся в виде самозащитной и социально ориентирующей реакций см. у В.И. Красикова [52, с. 328–362]). При этом вербализация метаязыкового сознания выступает как речеповеденческая адаптационная технология, которая оптимизирует речевое общение в сторону снижения риска не быть востребованным, снятия напряжения, осознается как операция интерпретирующего типа [53, с.30].

Мы полагаем, что типология рефлексивов зависит от особенностей метаязыковых знаний, которые одновременно входят в языковое и когнитивное сознание индивида². Думается, что когнитивное состояние индивида и акт употребления лексической единицы в контексте связаны между собой, совместно работают для объяснения общего феномена порождения и понимания языковых высказываний говорящего/пишущего “со всеми его интенциями, знаниями, установками, личностным опытом и всей его погруженностью в совершаемый им когнитивно-коммуникативный процесс” [55, с. 15].

Мы выделяем два функциональных типа рефлексивов: 1) рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие контроль на речепорождающем уровне; 2) рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение в речемыслительной деятельности и возникающие на уровне превербального этапа формирования речевого высказывания. Схема имеет измерение в глубину: на поверхностном уровне мы выделяем метаречевые высказывания, на

²¹² См. об этом у Е.М.Вольф: “Нецелесообразно жесткое противопоставление знания о языке знаниям о мире, между ними не существует четкой границы, и они во многих случаях взаимопроницаемы: представление о “картине мира” в оценочных стереотипах органически входит в модальную рамку оценки” [54, с. 203].

глубинном – метаконцептуальные. Можно говорить о двух достаточно автономных механизмах контроля “за реализацией семантической (смысловой) единицы (1-й механизм) и за реализацией конкретно-словных (2-й механизм) единиц” [51, с.43], которые сопровождают два крупных этапа порождения: иницирующий этап развертывания смысловой единицы и следующий за ним во времени этап словного развертывания. Данная классификация может быть поддержана работами А.А.Залевской, Ю.С.Степанова, Р.М.Фрумкиной, Г.В.Ейгера и других ученых, которые в том или ином аспекте развивали мысль о неразрывности процедур добывания знаний и операций с ними, о потенциальной коммуницируемости когнитивного опыта.

Обычно рефлексив выступает как опережающая реакция говорящего, реализующая принцип “вероятностного прогнозирования” [56]. Потенциальная сила напряжения, отрицательное метазнание, основанное на речевых ошибках прошлого опыта, заставляют говорящего мысленно прикидывать, моделировать последствия возможного сбоя (в этом суть механизма вероятностного прогнозирования), при этом происходит мобилизация бессознательной метаязыковой способности, которая проявляется в виде вербализованной проективной реакции. Рефлексивы в роли **метацензоров** выполняют “свою работу до того, как действительно возникнут проблемы, которые они призваны устранить” [57, с.288]. Так ведет себя дисциплинированное мышление. Коммуникативные сбои возникают при ослаблении языкового контроля, и тогда метаязыковой комментарий как постреакция позволяет говорящему исправить ошибку.

Обратимся к выявлению факторов, которые обуславливают данное напряжение и определяются по линии связи метаязыкового сознания с мышлением, отражающим как языковую реальность, так и свойства самих объектов действительности. Выделенные факторы используются в качестве критериев общей типологии рефлексивов.

В основе автоматизма речевой деятельности лежит стандарт, соответствие норме. По образному выражению В.Леви, “речь автоматизируется наподобие ходьбы” [58, с.172],³ и сознательное, принудительное управление тем и другим с целью придания нужного направления наступает, когда развертывающая-

³ См. об этом же у У.Марутаны: “Говорение, ходьба и игра на музыкальном инструменте различаются между собой не природой координированных нейронных процессов, которыми они специфицируются, а под-областями взаимодействий, в которых они приобретают свою значимость” [59, с. 122].

ся ситуация создает подходящие моменты. При речемыслительной деятельности сигналом к растормаживанию автоматизма речи является отступление от стандарта. Человек острее реагирует на те участки, где проявляется отход от языковой нормы, где сильнее ощущается языковая индивидуальность коммуниканта.

Отметим факторы напряжения, приводящие к нарушению автоматизма порождения речи. Их определение связано с разграничением нормативных и ненормативных речевых зон (данный подход, в частности, использовал Л.Н. Мурзин для разграничения речевого приема и ошибки [60]). Нормативным является такое употребление языкового знака, при котором он может быть адекватно и единообразно понят коммуникативным партнером. Критерий оценки нормативности языкового выражения – это прежде всего его способность обеспечивать понимание при коммуникации. В свете всего изложенного ненорма выступает как основание для выделения критериев напряжения, поскольку невозможность быть понятым вообще или понятым правильно большинством носителей языка – основная характеристика, которая дается учеными языковым аномалиям. Мы выделили четыре основных критерия.

1. **Статистический критерий.** Суть его заключается в следующем: норма предполагает наличие частотности, повторяемости. Употребление новой, незнакомой лексической единицы создает напряжение. В перестроечное и постперестроечное время впечатление революционных изменений в языке связывается прежде всего с фактором интенсивного пополнения лексики. Процесс расширения лексического состава языка обозначен А. Дуличенко как “лексический натиск”, “агрессия слов” [61, с.211]. Этот процесс нарушает стабильность языковой лексической системы, приводит к рассогласованию элементов на отдельных ее участках. Парадигматическое рассогласование проявляется в процессе речепорождения, и в этом случае метаязыковой комментарий по поводу нового слова выступает как механизм защиты, фиксируя внимание слушающего, создавая эффект предсказуемости ввода в текст лексической инновации, восстанавливая информативную устойчивость текста, которая нарушается за счет появления новой лексической единицы, например: *С легкой руки “кремлеведов” или “кремлесидельцев” был даже введен новый термин – управляемая демократия. По-моему, я теперь начал понимать, что он означает* (МК-Урал, сент., 00); Я

очень рад, что наконец-то появилась альтернатива. Теперь, когда в новостях говорят о Кавказе, чаще употребляют выражение “лицо славянской внешности” (В.Кикабидзе, Телемир, дек., 00); *Триллионер...* Этого слова пока еще нет даже в самом полном словаре английского или русского языка (МК-Урал, ноябрь, 00).

Статистический критерий выделения рефлексивов связан с динамизмом лексического состава языка, так как отражает временную характеристику употребления слова (новизну или архаичность), моду на слово, перераспределение активного и пассивного запаса словаря. Отражение лексического динамизма в рефлексиве подчеркивает важность эволюции словарного состава при выполнении коммуникативной функции языка.

2. Стилистический критерий, или критерий нейтральности/ отмеченности [60, с.7]. Нейтральная единица в силу своей неоценочности, немаркированности является широко употребительной, познается как безусловно нормативная, привычная, незаметная. Стилистически маркированная единица всегда в фокусе внимания носителя языка. Особое напряжение вызывает любая стилистическая инновация, так как подобная лексическая единица представляет собой отступление от нормы сразу по двум критериям – статистическому и стилистическому. В связи с усилением напряжения динамика стилистической нормы в рамках синхронной системы получает обязательный метаязыковой комментарий. Речемыслительные процессы, ориентированные на нормативно-стилистический отбор и сочетаемость, всегда протекают под особым контролем сознания, а период высокодинамического типа эволюции стилистических норм приводит к возрастанию роли метаязыковой деятельности этого типа, например: *Надо уберечь НТВ от выпадов, не хотел бы сказать, от наездов* (М.Горбачев, Екатеринбург, университет, 8.02.01); *Потребитель должен схватить, извините за это выражение, все, что ему дают* (ОТР, Процесс, 11.01.01).

3. Деривационный критерий. Дериватологи отмечают, что в оппозиции “производящие формы – производные формы языка” все производящие формы тяготеют к нормативности как более простые, а производные формы – как более сложные – к ненормативности. Лексические деривационные процессы в системе языка сводятся к двум разновидностям: 1) семантической деривации,

или отношениям семантического варьирования отдельного многозначного слова; 2) формально-семантической деривации, или отношениям словообразовательной производности.

В области лексической семантики этот критерий позволяет выявить следующую закономерность деривационно-мотивированной семантики: прямое значение нормативнее переносного, основное нормативнее вторичного, производного, эвфемистического, коннотативного. Такие же отношения распространяются и на единицы, связанные формально-семантической производностью: непроизводные единицы нормативнее производных [62, с.121]. Правомочность выделения этого критерия подтверждают наши материалы: рефлексивы отражают данный критерий простоты / сложности. Наличие метаязыкового комментария, помогающего разграничить значение многозначного слова в контексте, свидетельствует о возможности сбоя при понимании многозначного слова, особенно если контекст создаст условия одновременной актуализации двух значений, попадающих в фокус восприятия, осложняющих единообразие понимания. В этом случае возможна вербализация речемыслительной деятельности в виде рефлексива. Например: *Некурильщики добило отсутствие в помещении кондиционера и вентиляции. В общем, тусовка получилась в прямом и переносном смысле жаркой* (Наша газета, авг.,00); *Кириенко вообще в результате своего шага навстречу Кремлю стал своеобразным политическим рекордсменом – он во второй раз смог совершить политическое самоубийство. Если выражаться в переносном смысле – снова объявил дефолт, только теперь не России, а самому себе* (КП, март, 00).

Формально-семантическая мотивированность лексических единиц манифестируется в рефлексивах, выявляющих мотивировочный признак, лежащий в основе производного слова, например: *Я обыватель. И весьма этим доволен. Заметьте, слово не ругательное, а самое что ни на есть обиходное. От другого хорошего русского слова “«обитель”*. И дальше – *обитать, в смысле “чувствовать прелесть бытового уюта”* (Телемир, авг.,01). Небезразличие для функционирования слова факта его словообразовательной производности свидетельствует о важности учета “коэффициента мотивированности” для коммуникативной ориентации речи. Проявление обостренного внимания при речепрождении к мотивированности знака, к форме знака вообще свидетельствует о

стремлении коммуниканта максимально обеспечить взаимопонимание путем формальных сближений, преодолеть разобщенность слов, подключив их формальные связи.

4. Личностный критерий. Любой текст как продукт речевой деятельности заключает в себе противоречие: он стандартен в силу воспроизводства прежнего состояния языка, и он креативен в силу “индивидуального семиотического творчества” [60, с.9]. Творческое начало авторского текста многопланово. Для нас актуальна реализация креативности на уровне материализации речевого замысла. В первую очередь перед говорящим/пишущим встает проблема точности формулировки авторского замысла, выбора речевых средств, адекватно выражающих коммуникативную задачу. В этом случае рефлексивы выступают как вербализованная культурно-речевая оценка своих или чужих речевых усилий, как эксплицированный процесс переживания соответствия / несоответствия актуального смысла и словарного значения и – шире – как оценивание и характеристика нормативно-ценностного факта. Этот тип рефлексивов, традиционно присутствующий в речевой деятельности безотносительно к временному периоду, хорошо описан в литературе (см. известные работы Б. С. Шварцкопфа [17, 18, 19]), например: *Я не люблю слово «попса». Слово «эстрада» тоже как-то не подходит: слишком старомодно. Давайте называть это популярной музыкой, которую сегодня ругают все, кому не лень* (АИФ, окт., 1999); *Есть у меня одно сильное желание (не хочу употреблять слово “мечта”), но об этом я не хочу говорить* (С. Довлатов, Звезда, 2000, №8).

Таким образом, движущей силой вербализации метаязыкового сознания являются ненормативные факты языка. Норма при этом, являясь определенным фоном, обеспечивает автоматизм речи, а все новое, сложное, маркированное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством проявляется как отступление от нормы, что на самом деле столь же нормативно и органично в речевой деятельности. Если выделенные критерии рассматривать как независимые друг от друга, то все языковые факты, пропущенные через них, либо могут иметь тот или иной признак напряжения, либо этот признак может отсутствовать. По набору этих признаков все объекты рефлексии могут входить в различные классы нормативности, имеющие градуированный характер. Поэтому можно говорить о разных степенях напряжения или нормативности лексических (фразео-

логических) единиц, которые определяют разную степень метаязыкового комментирования слов.

Данные критерии выделены в группе коммуникативных рефлексивов. Поэтому мы называем эти критерии критериями коммуникативного напряжения. Выделенная нами 2-я группа рефлексивов названа концептуальной. Кроме коммуникативного напряжения, в любом тексте возможно и концептуальное напряжение, которое также эксплицируется в виде рефлексива. Критерии концептуального напряжения коррелируют с коммуникативными. Выявленные нами коммуникативные очаги напряжения находят особое преломление в когнитивной деятельности.

Усиление метаязыковой концептуальной деятельности индивида на современном этапе связано в первую очередь со **статистическим критерием**, а именно: с высокодинамическим развитием когнитивного сознания, следствием которого является перестройка мировоззренческих установок, приспособляющих человека к общественно-экономическим изменениям.

Интенсивные процессы в политической и экономической жизни России находят свое отражение в мене концептуальных стереотипов. Современная действительность способствует формированию новых культурных стереотипов сознания, новых мифов. Рефлексивы являются способом фиксации нового опыта, а зачастую и средством его формирования, оказываясь этнолингвистической переменной, влияющей на направление языковых процессов в современном языке новейшего времени, например: *“Средние русские” – это не класс и не элита. “Средние русские” – по-настоящему средние. Они настороженно относятся ко всем и всему, что отличается от них самих, от их привычных взглядов и манеры поведения. “Средние русские” не терпят слишком умных и инициативных, они аплодируют В.Путину, когда тот “прижимает” олигархов и “мочит” чеченцев. “Средние русские” – это огромная масса населения, президентом которого и является Владимир Владимирович. Это и хорошо, и плохо лично для него (АИФ, янв., 01). Объектом рефлексии является новый концепт “средний русский”. Индивидуальное осмысление этого понятия включает его в парадигму концептуального ряда нового времени: *новый русский, старый русский, старый новый русский, сверхновый русский* и др. [63].*

Стилистический критерий коррелирует на уровне концептуальных реф-

лексивов с ксеноразличительным (социальным) критерием. Фактором, обуславливающим этот критерий, является мировоззренческая установка языковой личности в социально неоднородном обществе. Оценивая одни и те же факты, носители языка реализуют разные мировоззренческие установки с помощью характеризованных речевых действий в рамках базовой системы координат “свой – чужой”. Рефлексивы в этом случае часто выполняют социально-оценочную функцию, эксплицируют идеологизированную оценку, производимую сознательно и целенаправленно со стороны социальных групп. Метаязыковые социально-оценочные высказывания дают возможность охарактеризовать психологическое состояние общества на данный момент, его социокультурные настроения. См., например, рефлексив, извлеченный из оппозиционной прессы: *Зюганов произнес в общем-то крамольную для всякого православного фразу: “Настроение масс явно клонится влево”. Только точнее было бы сказать не “влево”, а налево, т.е. в сторону дьявола, золотого тельца. Бес всегда тянет человека в левую сторону, потому что стоит за его левым плечом. Все партии, созданные с помощью еврейского золотого капитала (а компартия – одна из них) являются левыми партиями, т.е. сатанинскими. К ним же относятся и все демократические партии* (Россиянин, 1995, №3).

Деривационный критерий на концептуальном уровне реализуется как идеологическая переориентация общественной модели поведения. Причина переориентации – реформирование российской экономики и политическое переустройство страны. Следствием этого процесса стало, во-первых, переосмысление концептов политического и экономического дискурсов, во-вторых, – стирание с многих нейтральных по сути слов пейоративной оценки, появившейся в советское время, оценочных идеологических добавок, приращений советского времени – и шире – формирование новых коннотативных смыслов [64]. Приведем в качестве примера рефлексив периода перестройки: *Заметьте, слово “коммерциализация”, которое применительно к спорту было у нас таким же ругательным, как и “профессионалы”, переключало из раздела “Их нравы” в рубрику “Наши достижения”* (Огонек, 1989, №3). На наших глазах в современной речи наблюдается разнонаправленность оценочных смыслов данных единиц, связанная с динамикой развития рыночных и политических отношений в стране, например: *Сейчас слово “демократия” стало ругательством, а*

раньше в перестройку было гимном (Радио 101, 17.12.98).

Личностный критерий на концептуальном уровне выявляется в метавысказываниях, фиксирующих индивидуальные концептуальные признаки, отличные от признаков, характеризующих концептосферу другой языковой личности. Образ, составляющий содержание концепта в сознании индивида, подвергается определенной стандартизации. Концепты могут быть общенациональными, групповыми и личными. Кроме личных концептов, индивидуальные черты проявляют себя и в стандартизованных концептах. Индивидуальность выделения концептуальных признаков особенно ярко проявляется при интерпретации личностно значимых абстрактных понятий [65, с. 49], например: – *Марк Анатольевич, скажите, у вас есть своя формула любви и что такое слово «счастье» для вас?* – *Счастье – это воспоминание о радостных моментах в жизни, которые ты, к сожалению, не умеешь оценить в тот момент, когда ты их переживаешь. Я так устроен, что, когда случаются счастливые моменты, я их не ощущаю. А по прошествии некоторого времени вдруг осознаешь, что это были мгновения, которыми нужно было дорожить. А что касается любви, то на такой безграничный вопрос я могу сказать: лично мне больше всего в женщинах и мужчинах нравится чувство юмора. Юмор для меня является самым ценным и прекрасным качеством человеческого характера* (МК-Урал, ноябрь, 00).

Концептуальные рефлексивы, как и рефлексивы коммуникативные, могут включать характеристику концепта по разным основаниям напряжения, например, приведенный выше рефлексив о “средних русских”, кроме указания на новизну концепта, носит личностный характер, не совпадающий с общепринятым толкованием понятия “средний класс”. Таким образом, в сфере концептуальных концептов так же, как и в коммуникативных, можно говорить о классах нормативности.

Вместе с тем структура концептуальных рефлексивов двупланова. Поскольку связь рефлексива со звеном концептуального контроля осуществляется всегда через слово в речи, постольку планом выражения концептуальных рефлексивов являются рефлексивы коммуникативные. Коммуникативные рефлексивы, выступая, с одной стороны, в качестве формы для выражения концептуального рефлексива, с другой стороны, способа существования и выражения

содержания коммуникативного напряжения, представляют собой две разнородные по своей природе субстанции, объединенные в дискурсивном пространстве в функциональное целое.

Из сказанного выше следует, что у коммуникативного рефлексива двойная природа. В своей основной функции рефлексив является содержательным фактом, самостоятельным явлением, структурной организацией собственного содержания, связанного с маркированием очага коммуникативного напряжения на речепорождающем уровне. Но у коммуникативного рефлексива есть вторичная функция: по отношению к концептуальному рефлексиву коммуникативный рефлексив есть его форма. Каждый класс концептуальных рефлексивов может быть оформлен как коммуникативный рефлексив любой разновидности.

Подведем итоги. Предложенная типология рефлексивов позволяет выявить те участки речемыслительной деятельности индивида, которые требуют активного сознательного участия языковой личности в создании текста, мотивированного вхождения в речевое дискурсивное пространство. Обычно языковая рефлексия, отражая сущностный компонент языкового сознания, ограничивается тенденцией к невербализации языкового сознания как внутреннего качества, как подсознательной работы по выбору языковых знаков в процессе общения. Отмеченная особенность обуславливает, с одной стороны, потенциальную возможность и готовность к вербализации метаязыкового компонента сознания, с другой стороны, – факультативность проявления в речи языковой рефлексии.

Проявление языковой рефлексии может быть связано с любым словом, метаязыковая деятельность говорящего субъекта движется в непрерывном и всевозможном спектре модальных оценок. Но прежде всего функциональные типы рефлексивов реализуют свой потенциал в тех активных зонах языкового сознания, которые связаны с разрушением языковых и концептуальных стереотипов, формированием новых, с речемыслительной и социально-психологической ориентацией человека в современном мире.

Литература

1. *Стернин И.А.* Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века. Туапсе, 2000.
2. *Земская Е.А.* Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С.9–31.

3. *Кормилицына М.А.* Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Активные языковые процессы конца XX века. Тез. докл. междунаrodn. конф. 1У Шмелевские чтения. 23-25 февр. 2000 г. М., 2000. С.89–91.
4. *Матвеева Т.В.* Нормы речевого общения как личностные права и обязанности // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С.46–55.
5. *Мурзин Л.Н.* Полевая структура языка // Фатическое поле языка. Памяти профессора Л.Н. Мурзина. Пермь, 1998. С.9–14.
6. *Hoenigswald H.M.* F proposal for the study of folk linguistics // Sociolinguistics: Proc. Of the UCLA socioling.conf., 1964. The Hague, Paris, 1966. P. 16– 21.
7. *Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С.122–126.
8. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.
9. *Лютикова В.Д.* Языковая личность и идиолект. Тюмень, 1999.
10. *Лукьянова Н.А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.
11. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
12. *Никитина С.Е.* Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34–40.
13. *Кёстер – Тома З.* Некоторые размышления по поводу состояния современного русского языка // Русистика, 1998, № 1-2. С. 7– 15.
14. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб, 1994.
15. *Виноградов В.В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. №1. С.5–36.
16. *Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С.* Об изучении отношения говорящих к языку // Вопросы культуры речи. М., 1966. №7. С. 23 – 36.
17. *Шварцкопф Б.С.* Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277– 304.
18. *Шварцкопф Б.С.* Глава 16. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи // Культура русской речи и эффективность обще-

ния. М., 1996. С.415 – 424.

19. *Шварцкопф Б.С.* Оценки говорящими фактов речи: автореф. дис... канд.филол.наук. М., 1971.

20. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Folk linguistics // Русский язык в его функционировании. Тез. докл. международн. конф. Третьи Шмелевские чтения. 22-24 февраля 1998 г. М., 1998. С.13–15.

21. *Вепрева И.Т.* Рефлексия как аксиологическая основа формирования стилистической нормы // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С.42–57.

22. *Ляпон М.В.* Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24 – 34.

23. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 260 – 276.

24. *Ляпон М.В.* Картина мира: языковое видение интроверта // Русский язык сегодня. М., 2000. С.199 – 207.

25. *Лебедева Н.Б.* О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С.56–71.

26. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 9–45.

27. *Васильев А.Д.* Слово в эфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.

28. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. М. – Волгоград, 2000.

29. *Голев Н.Д.* Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 9–45.

30. *Брайт У.* Введение: параметры социоллингвистики // Новое в лингвистике. Вып.7. Социоллингвистика. М., 1975. С. 34–42.

31. *Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. №3. С.3–18.

32. *Хлебда В.* Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании //

Русистика. СПб, 1999. С.62–67.

33. *Карцевский С.И.* Язык, война и революция // Из литературного наследия. М., 2000. С.215–218.

34. Принятые в статье сокращения периодических изданий: АИФ – “Аргументы и факты”, КП – “Комсомольская правда”.

35. *Шаймиев В.А.* Об иллокутивных функциях метатекста, или пересчитывая А.Вежбицку... (на материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб, 1999. С. 68–76.

36. *Рябцева Н.К.* Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С.82 – 92.

37. *Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. УШ. Лингвистика текста. М., 1978. С.402–424.

38. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. 1. М., 2000. С.9–18.

39. *Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М., 1999.

40. *Лефевр В.А.* От психофизики к моделированию души // Вопросы философии. 1990. №7. С.25–31.

41. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001. С.408.

42. *Формановская Н.А.* Высказывания и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. Труды и материалы. М., 2001. С.18–19.

43. *Рудницкая Е.Л.* Локальные и нелокальные рефлексивы в корейском языке с типологической точки зрения – формальное или прагматическое описание // Вопросы языкознания. 2001. №3. С.83–95.

44. *Берестнев Г.И.* Самосознание личности в аспекте языка // Вопросы языкознания, 2001. ¹1. С.60–84.

45. *Givon Talmy* Syntax: A functional-Typological Introduction, ii Amsterdam: John Benjamins. 1990.

46. *Шмелева Т.В.* Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып.1 (8). Красноярск, 1999. С.108–110.

47. *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого

общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1997.

48. *Кожаневска-Берчиньска И.* Функции советских стереотипов в современном публицистическом тексте. Проблемы восприятия и перевода // *Slowo. Tekst. Czas. Szczecin*, 1996. С.179 – 184.

49. *Котюрова М.П.* Многоаспектность явлений стереотипности в научных текстах // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. С.5–30.

50. *Ейгер Г.В.* Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.

51. *Красиков Ю.В.* Некоторые аспекты психолингвистической детерминации речевых отклонений // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М., 1989. С.35–43.

52. *Красиков В.И.* Этюды самосознания. Кемерово, 2000.

53. *Демьянков В.З.* Ошибки продуцирования и понимания (интерпретирующий подход) // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М., 1989. С.22–34

54. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.

55. *Кубрякова Е.С.* Словообразование и другие сферы языковой системы в структуре номинативного акта // Словообразование в его отношениях к другим сферам языка. Materialien der 3. Konferenz der Kommission fur slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee Innsbruck. 28.9 – 1.10.1999. Игорю Степановичу Улуханову к 65-летию со дня рождения. Innsbruck, 2000. С.13–26.

56. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

57. *Минский М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С.281–309.

58. *Леви В.* Охота за мыслью. М., 1967.

59. *Марутана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996. С.95–142.

60. *Мурзин Л.Н.* Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М., 1989. С.5–13.

61. *Дуличенко А.В.* От агрессии слов к ономастическому перевороту (За-

метки о русском языке перестроенного времени) // Russian Linguistics. 1993. 16. С. 211–224.

62. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

63. Венрева И.Т. Эксплицированное отношение к слову в современной речи // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997. С.88–96.

64. Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000. С.182 – 189.

65. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // ИАН СЛЯ. 2001. Т.60. №6. С.47–58.

Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? (Постановочный аспект)⁴

В условиях кардинальной смены социально-экономических устоев государства, когда интенсифицируется психическая и интеллектуальная деятельность языковой личности по обновлению и перестройке концептуального мира, языковой картины мира, наблюдается и смена речевого поведения индивида. В современной публицистической речи мы отмечаем обострение языковой рефлексии носителя языка, которая проявляется в актах вербализации метаязыкового сознания. Языковая личность в речемыслительной деятельности, направленной на «ословливание» мира, эксплицитно выражает свое отношение к употребляемому слову или выражению. Метаязыковые высказывания погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей. Например: *Стабильность – слово, с трудом приживающееся в нашей многострадальной стране, история которой складывается «вопреки обстоятельствам»... Однако постепенно понятие «стабильность» приобретает то значение и ту мощь, которые в него заложены изначально (согласно словарям, стабильность – это устойчивое положение)* (Наша газета, март, 02); *Где еще, как не на границе, сгущается до осязательности, перестает быть абстрактным слово «патриотизм»* (МК-Урал,

⁴ Известия Уральского университета. Гуманитарные науки. Вып.5. №24, 2002.

апр.,02) и др. Подобные метаязыковые комментарии по поводу употребления актуальной единицы в естественной речи мы назвали *рефлексивами*.

Цель данной работы – определить структуру и границы метаязыковых высказываний в современной речи, описать речевой портрет адресанта метаязыкового дискурса.

Предварительных замечаний требует выбранный нами термин «рефлексив». Выбор термина «рефлексив» по отношению к метатекстам, эксплицирующим отношение говорящего к употребляемому слову, продиктован несколькими причинами. Во-первых, разным содержательным объемом термина «метатекст». Ученые, пользуясь термином «метатекст», понимают его неоднозначно. Существует широкое и узкое понимание метатекстов [Ростова 2000: 53–55]. При широком подходе «метатекст» понимается как строевой компонент текста, выполняющий иллокутивную функцию, связанную с «речевыми шагами Говорящего по порождению текста» [Шаймиев 1999: 71], являющуюся отражением его речевого поведения [Рябцева, 1994]. Основы широкого понимания заложены в работе А.Вежицкой «Метатекст в тексте» [Вежицка, 1978]. Для такого «метатекста» характерно ситуативно-прагматическое содержание.

При узком понимании «метатекстов» к ним относят вербальную экспликацию по поводу лексической единицы, представляющую собой «разнообразный комментарий к выбору слова» [Норман 1994: 40], развернутый носителями языка подчас до уровня суждения о языке [Булыгина, Шмелев 2000: 11]. В данном понимании «метатекст» как результат осознания языковой действительности также является эксплицированным проявлением метаязыкового сознания. В этом отношении достаточно условно можно принять исследовательское толкование широкого и узкого понимания «метатекста». С одной стороны, процесс выбора слова, безусловно, представляет собой лишь один частный аспект речевой деятельности. Но, с другой стороны, нерасчлененность для обыденного сознания языкового средства с тем, для чего оно используется, позволяет считать метаязыковые высказывания исследовательской базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности, социокультурных умонастроений, психологического состояния человека и общества в целом. В данном случае «язык является средст-

вом выхода на образ мира» [Залевская 1999: 36].

Во-вторых, в современной лингвистической практике существует обилие терминологических единиц, характеризующих метавысказывания по поводу слова. Термин «рефлексив» находится в одном ряду с такими терминологическими единицами, как «оценка речи» [Шварцкопф, 1970], «контекст-мнение» [Лукьянова, 1986], «метаязыковые высказывания» [Булыгина, Шмелев, 2000], «словесное само моделирование» [Ляпон, 1989], «показание метаязыкового сознания» [Блинова, 1989], «метатекст» [Ростова, 2000]. На наш взгляд, в перечисленных выше терминах есть несколько недостатков: некоторые из них акцентируют какую-то одну из важных особенностей метаязыковых высказываний, другие не удобны для использования в силу их громоздкости. Выбранный нами термин «рефлексив» подчеркивает главную, родовую черту метаязыковых образований – наличие языковой рефлексии, направленность языкового сознания на познание самого себя.

В-третьих, следует признать несостоятельность термина «метатекст» с позиций лингвистики текста: в большинстве случаев мы не можем констатировать представленность в речевой структуре, обозначаемой как «метатекст», универсальных текстовых категорий: целостности, связности, смысловой завершенности, относительной оформленности. Материал исследования позволяет говорить о дискурсивной природе метаязыковой деятельности, так как рефлексивы могут быть представлены в различных текстовых формах – как канонических, так и неканонических: в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст, что соответствует сущностным чертам дискурса – ослаблению нормоцентрических требований к формам смысловой и структурной организации продуктов речевой деятельности [Борисова, 2001: 186–187] и акцентированию точки зрения адресанта, его предпочтений, оценки, эмоций по отношению к действительности и адресату [Формановская, 2001: 19].

Несмотря на видимую простоту и удобство термина «рефлексив», мы должны признать некоторые его недостатки. Рефлексив – не новый для лингвистики термин. Известно его традиционное использование в грамматике для обозначения кореферентных ситуаций и средств их выражения, например, местоимений и возвратных глаголов. Тем не менее понятие языковой

рефлексии завоевывает “права гражданства” по мере возрастающего интереса лингвистов к метаязыковой деятельности говорящих. Можно сослаться на ряд работ, в которых термин «рефлексив» активно используется по отношению к языковой рефлексии [Шмелева, 1999; Васильев, 2000; Кормилицына, 2000; Шейгал, 2000 и др.].

Современный метаязыковой дискурс представляет собой сложное многомерное образование, составные элементы которого получают различное языковое оформление. Определимся в общих закономерностях построения рефлексивов, которые не имеют жестко организованной формы и обычно достаточно вариативны. Речевая организация рефлексива представляет собой «скорее систему возможных предпочтений, чем строгих предписаний» [Ростова, 2000: 60]. Объединяет всю совокупность рефлексивов тематическая общность – рефлексия носителя языка по поводу своего лексикона, разнообразная лингвистическая информация о слове. Способность языка к автореференции в контексте манифестируется рядом формальных показателей – дискурсивных маркеров, метаоператоров. Формальным сигналом к определению рефлексива служит прежде всего наличие в анализируемом отрезке метаоператора, к которому относится лексическая единица «слово», а также наиболее частотные «речевые слова» (В. Г. Гак), глаголы и существительные, обозначающие речевые действия: *речь, имя, говорить, называть, подбирать, понимать, употреблять, использовать* и др. К речевым глаголам относятся не только глаголы речевой деятельности, а шире – глаголы подполя интеллектуальной деятельности [Лексико-семантические группы русских глаголов, 1988: 47–55], куда входят слова, относящиеся к сфере знания, мышления, понимания, поскольку эти сферы в совокупности с речью «суть этапы единого мыслительно-речевого процесса, этапы взаимосвязанные и постоянно переходящие друг в друга» [Гак, 1994: 10], а также глаголы подполей других видов деятельности, употребляющихся в переносном значении в сочетании с лексической единицей «слово». Конструкции, в которых языковой объект имеет референцию к самому себе, «принято называть автонимным употреблением языкового знака» [Шмелев, 1996: 171]. В рефлексивах автонимным статусом характеризуются лексические единицы, стоящие в позиции несогласованного приложения при родовом обозначении:

Слово «тайна» имеет только один эпитет: «коммерческая» (АИФ, янв.,02); Слова «мода» я не люблю (ОРТ, Ночная смена,10.01.02); Вообще-то слова «национализация» бояться нечего (МК-Урал, янв.,02) и т.д. Однако во многих контекстах не всегда четко обеспечивается автономное понимание имени, способ определения метаязыковой конструкции может зависеть от целого ряда факторов и прежде всего от функционального типа рефлексива и коммуникативного модуса говорящего [Рябцева, 1994].

Коммуникативный модус говорящего варьируется: так, субъект речи может, во-первых, комментировать слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию – данный тип рефлексива можно назвать метаязыковым комментарием, который по своей природе эпистомичен, пополняет информационный фонд адресата:

Слово «авоська» впервые прозвучало со сцены именно из уст Райкина. Вообще-то этот монолог написал Владимир Поляков, но в народ слово вошло с легкой руки Аркадия Исааковича (Телемир, март, 01); Термин «раскрутка» чаще всего, кажется, эксплуатируют в шоу-бизнесе. Но любим он и в политике (В каждый дом, янв., 00); Мы привыкли к слову «имидж» и даже примерно знаем, что оно означает. Кстати, с английского «имидж» переводится, как «образ» (Наша газета, ноябрь, 01).

Во-вторых, говорящий может выразить к слову свое отношение. Рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но аппелирующей к мнению адресата. Этот тип оценочных метавысказываний при сопоставлении с простым комментированием мы можем назвать метаязыковой интерпретацией, поскольку говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует и интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации – «психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п.» [Кобозева, Лауфер, 1994: 64]. В данном контексте интерпретация определяется как оценочное метаязыковое действие говорящего, как его «аудиоdialog, разговор с самим собой» [Кухаренко, 1979: 83], поскольку в субъективном понимании «слиты воедино два компо-

нента – чисто интерпретационный и оценочный» [Нахратова, 1990: 9]. Например:

И на протяжении всей его карьеры, если можно назвать его певческий путь таким противным словом, он оставался человеком (ОТР, Юбилейный концерт Л.Лещенко, 1.02.02); Слово «мода» я не люблю. Лучшие быть стильным (ОТР, Ночная смена, 10.01.02); Года четыре назад от одного слова «национализация» российских предпринимателей бросало в дрожь. Вообще-то слова «национализация» бояться нечего: во всех странах с рыночной экономикой есть законы, при определенных обстоятельствах допускающие превращение частной собственности в государственную (МК-Урал, янв., 02).

Выражая языковую информацию опосредованно через специальные, маркированные формы, говорящий помещает себя «на некоторой дистанции от того, что он говорит» [Майсак, Татевосов, 2000: 79]. Он расщепляет себя некоторым образом на два индивида, его «самосознание диалогизируется» [Бахтин, 1963: 297], и эта операция, дистанцируя говорящего от его собственного дискурса, позволяет ему быть интерпретатором собственного текста, постигающим и осознающим его⁵.

Мы встречаемся чаще всего с оценочными сообщениями, чем с беспристрастным комментарием. Рациональная оценка обычно связана с выражением мнения говорящего-слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Отсюда разнообразные варианты выражения речевой критики: *правильно – неправильно, точно – неточно, верно – неверно* и т.д. Помимо них, существуют речевые стереотипы критики речи: *строго говоря, точнее говоря, грубо говоря, мягко говоря, одним словом, короче, не знаю, как выразиться, не нахожу слов, другого слова не подбираешь, лучше сказать, если можно так выразиться*, которые носят характер попутных замечаний, коротких реплик. Концепт правильности имеет

⁵ Широкое понимание интерпретации находит подтверждение в следующем высказывании Т. Винограда и Ф. Флореса: «Когда говорят об “интерпретации”, скорее всего возникают ассоциации с художественными и литературными произведениями. Музыкант, литературный критик и обычный читатель стихов или романа – все они в некотором ...смысле “интерпретируют” совокупность знаков на листе бумаги. ...Деятельность интерпретатора не ограничивается подобными ситуациями, а пронизывает всю нашу повседневную жизнь. Для осознания того, что значит думать, понимать и действовать, нам необходимо признать роль интерпретации» [Виноград, Флорес, 1996: 185].

«своим источником нормативную оценку действия» [Арутюнова, 1993: 69], лежит в основе практического мировоззрения и оценивает любое целенаправленное действие. Самыми частотными и действенными операторами эмоциональной оценки являются глаголы *люблю/не люблю, нравится/не нравится*, «подсказывающие выбор лексических средств, грамматической модели, композиционный рисунок фразы, синтаксический строй» [Ляпон, 1989: 27]. Эти операторы относятся к предикатам сенсорно-вкусовой оценки, являющейся наиболее индивидуализированной. Н.Д. Арутюнова отмечает, что высказывания сенсорной оценки не имеют выраженного модуса. «Их не может вводить пропозициональная установка мнения. Не говорят **Я думаю (считаю), что мне хорошо спалось (что я вкусно поел)*» [Арутюнова, 1988: 190]. Сенсорная оценка всегда истинна, так как она искренна. Она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» [Там же, 191], поэтому не требует никаких мотивировок. Оценка «люблю – не люблю», обладая параметром субъективной истины, совмещает в себе эмотивное и рациональное начало, что способствует обостренному видению слова, активизации языковых способностей.

«Эмоциональная активация является необходимым условием продуктивной, интеллектуальной деятельности» [Шаховский, 1988: 194]. Оценка функционирует на уровне обыденного сознания наряду и совместно с познанием, мысль в обыденном сознании не отчленена от эмоций. «В этом смысле оценка не просто акт выбора или реакция на ценность, она представляет собой реализацию *оценочной составляющей сознания* (выделено автором – И.В.), которое само нужно рассматривать как единство и взаимодействие познавательной и оценочной составляющих» [Выжлецов, 1996: 39]. Рефлексив, содержащий субъективную модальность, нацелен на оценочное или эмоциональное воздействие на адресата речи, глаголы *люблю /не люблю, нравится/ не нравится* «репрезентируют расчет на согласие собеседника» [Маркелова, 1995: 71]. Оценочная субъективность является дополнительным аргументом в рефлексивном высказывании.

Сенсорные оценочные операторы информативно недостаточны, поэтому они всегда нуждаются в экспликации и конкретизации. Обычно в рефлексиве после общей сенсорной оценки идет содержательный комментарий,

объясняющий оценку слова:

Мне не нравится определение «песенник» – похоже на «гусяр», Садко эдакий... Хотя поэт-песенник ближе к народу, чем просто поэт, и ответственности на нем больше (АИФ, янв., 98); Мне не нравится слово «параспсихология», оно неправильно для обозначения того, чем я занимаюсь (МК – Урал, февр., 99); Я не люблю слово «меценатство». Оно сильно напыщенно (ОРТ, Доброе утро, 27.10.98); Я не очень люблю это слово «зомбирование», но если уж оно разошлось, то я не верю в зомбирование (ОРТ, Час пик, 27.08.98).

Содержательная часть высказывания является факультативной и, распространяя метавысказывание, включается в его состав. Именно поэтому границы рефлексива не всегда могут быть определены четко. При условии, что рефлексив задает самостоятельную тему внутри текста, эксплицируя ее в метаоператоре, его начало легко вычленяется. Нижняя граница бывает размытой или прерванной, «растворяется» в структуре основного текста [Ростова, 2000: 64], обеспечивая естественность и незаметность перехода в основную ткань текста. Покажем факультативность определения нижней границы рефлексива на следующем примере: *–Вы выступаете за то, чтобы однополом семьям разрешили усыновлять детей. Не слишком ли это смелый эксперимент? – Не знаю, уместно ли здесь слово «смелый»* (выделенный фрагмент составляет ядерную часть рефлексива. Распространение ядерной части может составлять ближайшую и дальнейшую периферию метатекстового отрезка). *Мое понимание этой ситуации таково: чем меньше будет одиноких, несчастных детей, тем богаче общество* (ближайшая периферия). *Ребенок нуждается в заботе, в лекарствах, в хорошем питании, отдыхе, учебе. Если люди берут на себя обязательства дать все это маленькому мальчику или девочке, то почему нет? Зачем мы будем им препятствовать. Нам нужно думать о том, чтобы как можно меньше выросло озлобленных людей* (дальнейшая периферия). Расширение рамок рефлексива зависит от исследовательских задач. Если исследователю важна аргументативная часть рефлексива, выявление в данном случае социальных установок говорящего, то должна учитываться дальнейшая периферия отрезка. При типологическом анализе метаоператоров достаточно объема ядерной части

рефлексива.

Кроме нейтральных операторов оценки «люблю – не люблю», «нравится – не нравится», в рефлексивах присутствуют синонимические выражения отрицательной или положительной оценки, которые создают экспрессивные варианты метаязыкового фона, направленные на максимальное воздействие на слушающего, например: *ненавижу; мне глубоко противна формулировка; не подташнивает ли вас от этих слов; кого не бросает в дрожь; обожаю это слово* и т.д. Общеотрицательное варьирование оценки более разнообразно, поскольку «общеплохое предполагает наличие частно-плохого» [Арутюнова, 1988: 82], рефлексивные контексты дают возможность наблюдать градационную конкретизацию общеотрицательной оценки.

Общие аксиологические значения могут быть представлены в рефлексивах прилагательными, характеризующими то или иное употребляемое слово, например: *хорошее, замечательное, прекрасное, плохое, отвратительное, дьяволоподобное слово*. Частнооценочные прилагательные связаны с разнообразными типами оценок, среди которых гедонистические по-прежнему стоят на первом месте: *гордое, здоровое, ласковое, сладкое, заветное, любимое, емкое, громкое, мягкое, теплое, корявенькое, неприятное, жесткое, горькое, соленое, дикое, нудное, оскорбительное, отвратительное, уничижительное, дурацкое слово*.

Заключая разговор о различных типах оценочности метаязыкового комментария, скажем, что различная степень интенсивности аксиологического утверждения скорее характеризует субъект оценки, чем ее объект [Чернейко, 1990: 73], являясь одним из параметров языкового паспорта говорящего.

Обратимся к краткой характеристике речевого портрета адресанта метаязыкового дискурса.

Мы исследуем рефлексивы, выбранные нами из публицистики. СМИ (печатные и электронные средства связи) на современном этапе демократического развития российского общества формируют общественное мнение при разнообразии взглядов на современные проблемы. За прошедшие десятилетия изменилась сама тематика обсуждаемых проблем, заставляющая вникать в суть новых явлений, которые не были раньше предметом общест-

венного диалога, явлений, которые требуют новых наименований и оценок. Кроме того, в политику, экономику, СМИ пришли новые люди, по-новому обсуждающие как старые, так и новые проблемы, по-новому использующие языковые средства. В условиях действия этих факторов отмечается усиление метаязыковой деятельности говорящего с телеэкрана, в радиоэфире, в живом публичном общении, пишущего на газетной полосе.

Современные СМИ – своеобразный полигон для раскованной, незажатой личности, находящейся в процессе самопознания. СМИ становятся способом формирования языкового сознания общества в целом, средством создания языковой картины мира. Корпус метаязыковых высказываний в публицистике позволяет создать «лингвоментальный “автопортрет” россиян» (В. Хлебда), реализованный как когнитивная и коммуникативная стратегии говорящего. Метаязыковой дискурс дает материал для осмысления речевого портрета homo reflectens, человека рефлексирующего, языковой личности эпохи общественных и языковых перемен.

Среди разнообразных условий, которые влияют на характер коммуникативных намерений говорящего, выражающихся, в частности, в эспликации языкового сознания, можно выделить наиболее значимые, фокусирующиеся в самой характеристике понятия «говорящий» («адресант», «языковая личность», «индивид» и др.) и реализующиеся в его речевом поведении, которое определяется «коммуникативной ситуацией, <...> языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, <...> психическим типом, мировоззрением, особенностями биографии и другими константными и переменными параметрами личности» [Никитина, 1989: 34].

Если обратиться к характеристике современного носителя литературного языка, то в первом приближении – это средняя языковая личность, речевое поведение которой свойственно повседневному языковому существованию человека в России [Караулов, 2001: 45]. Следующие параметры, включаемые обычно в языковой паспорт говорящего, конкретизируют, варьируют этот обобщенный облик. Во-первых, нельзя не согласиться с точкой зрения В. Хлебды, который считает, что «употребление метаязыка – удел отнюдь не всех. Метаязыком пользуются те, кто нуждается в сознательном оформлении своего говорения, кто чувствует потребность сообщить себе-

седнику, что отдает себе отчет в языковом статусе слагаемых своего высказывания» [Хлебда, 1999: 65].

Способность к языковой рефлексии определяется психологическим типом личности. С одной стороны, рефлексивный дискурс будет преобладать у эгоцентрической личности, личности-интроверта мыслительного типа [Юнг, 1997: 469], склонного к внутреннему процессу самооценки, настроенного порождать тексты, осложненные обоснованием своего словесного выбора. М. В. Ляпон попыталась сформулировать ключевые черты речевого почерка интроверсии М. Цветаевой, выявив на материале дневниковых записей цепочку закономерностей, иллюстрирующих речевое поведение писателя-интроверта, очень метко назвав это поведение состоянием «блуждания вокруг денотата» [Ляпон, 1989: 25] в поисках формы, адекватной коммуникативному замыслу. Это состояние коррелирует с имплицитным оценочным предикатом мнения – «такого рода: “Я выбираю данное слово, потому что считаю, что именно оно адекватно сущности обозначаемого”; либо “я пользуюсь данным словом, хотя сомневаюсь, что оно адекватно существу изображаемой картины мира”; либо “я нахожусь в состоянии поиска словесной формы, адекватной коммуникативной задаче” и т.п.» [Ляпон, 1989: 25–26]. С другой стороны, нельзя исключить наличие языковой рефлексии у экстраверта с его установкой на адресата. Экстраверт своим мета-языковым комментарием апеллирует к адресату, чтобы установить обратную связь; он всегда озабочен тем, чтобы его текст был понятен слушающему.

Следующие параметры портрета языковой личности – профессиональный и социальный статус, а также связанная с профессиональным статусом языковая и культурная компетенции. В нашем случае прежде всего это человек, владеющий навыками как устной, так и письменной публичной речи, ориентированной на массового адресата, – журналист, комментатор, телеведущий, политик, писатель, экономист, юрист, деятель искусства, общественный деятель. Одним словом, человек, занимающийся интеллектуальной деятельностью. В России таких людей привыкли причислять к интеллигенции. Смысловые параметры концептов «интеллигент», «интеллигенция» претерпевали изменения в отечественной культуре [Бельчиков, 1995]. К реабилитации этих концептов в советской культуре обращались В. В. Виногра-

дов, Д.С. Лихачев, Ю. С. Сорокин, Ю.С. Степанов и др.

Л.П. Крысин проводит разграничение понятий «интеллигенция» и «интеллигент». Интеллигенция – определенный социальный слой в структуре современного русского общества, а интеллигент – «это не просто, так сказать, один “квант” интеллигенции и даже не обязательно представитель этого социального слоя, а человек, обладающий большой внутренней культурой (высшее образование при этом может и отсутствовать)» [Крысин, 2001б: 92]. В русской культуре за понятием «интеллигент» закрепился мощный культурологический ореол: интеллигент – не просто образованный человек, «но личность с высоким моральным самосознанием и духовной культурой» [Зеленин, 1999: 27], «духовная элита общества» [Коган, Чернявская, 1996: 65]. Отстраняясь от разнонаправленной (позитивной и негативной) социальной коннотации понятия «интеллигент», оставляем в структуре лексического значения слова важный семантический компонент: интеллигент – это человек, обладающий «определенным уровнем образования и культуры и занятый умственным трудом» [Крысин, 2001б: 92], типичный представитель интеллигенции как социального слоя (разумеется, мы учитываем неоднородность данной группы людей).

Для речевой деятельности интеллигента свойственна рефлексия и разномыслие, которые обостряются в постсоветский период как реакция на отторжение тоталитарных принципов мышления, одним из которых было единство семантической информации (принцип демократического централизма). Инструментом этого единства была категория партийности, понимаемая как коллективная оценка, «модальность речи и речевого поведения, жестко заданная партийным документом и исключая поэтому любую другую модальность» [Романенко, 2001: 70]. Взамен внешнего партийного контроля над словом, внутренней партийной цензуры как обязательной социальной установки любой творческой личности появляются другие типы контроля, обусловленные психологическим устройством языковой личности и эксплицируемые в метаязыковой деятельности говорящего/пишущего.

Естественно возникает вопрос, можно ли отнести уровень языкового сознания этих людей к обыденному типу мышления, как это принято делать при исследовании метаязыковой деятельности носителя диалекта, человека

не владеющего такими полными знаниями о языке, какими владеет профессионально пишущий человек. Судя по речевой практике, мы имеем основание считать метаязыковые высказывания интеллигентов-нефилологов проявлением языкового обыденного сознания. Повседневное языковое существование говорит о невысоком уровне лингвистической культуры образованной части нашего общества. «Она весьма низка, даже в тех слоях (например, в журналистской среде), представители которых в силу своего образовательного и интеллектуального статуса должны иметь правильное представление о языке и нормах его использования в разных сферах общения» [Крысин, 2001a: 58]. Л.П. Крысин в качестве аргумента к своему утверждению приводит самый свежий пример – дискуссию в печати о предстоящей «реформе русского языка». Специалисты-языковеды буквально скорбят по поводу лингвистически неточных рассуждений об изменениях в русской орфографии, предлагаемых Орфографической комиссией Академии наук, которые помещают журналисты на страницах различных газет и оглашают телекомментаторы на центральных каналах. Материалы этой дискуссии обнаруживают отличие научного и обыденного типов сознания. Так, Н.Д. Голев считает, что орфографоцентризм, под которым понимается отождествление языка и орфографии, является национальным свойством метаязыкового сознания русского языкового сообщества [Голев, 1997: 72]. Представление о русском языке через орфографию обострилось в советское время, когда письменное слово стало наиболее авторитетным, «благоговейно-почтительное отношение к печатному слову» [Панов, 1990: 87] распространилась прежде всего в среде тех, для кого грамотность была внове и ценилась высоко. Подобная склонность обыденного метаязыкового сознания к отождествлению языка с письмом у современных журналистов сыграла свою печальную роль. «И вот уже паническое настроение проникло в ряды читателей: писательница Татьяна Толстая, откликаясь на призыв газеты «Коммерсант» высказать свое мнение о подготавливаемых Академией наук изменениях в русском языке, советует Академию наук заколотить, а придурков-академиков заставить заниматься настоящим делом» [Крысин, 2001a: 58].

Ученые приходят к выводу, что метаязыковому мышлению образованной части современного общества (нелингвистов) свойственна «та же ар-

хаическая наивность и мифологичность, которая была характерна для древнего мира и средневековья, как европейского, так и восточного» [Лебедева, 2000: 56].

Подведем итоги общему взгляду на феномен метаязыкового комментирования в современной публицистической речи. Поворот современной лингвистики к изучению говорящего человека подчеркивает актуальность изучения любых проявлений личностного начала языковой личности. Одним из таких проявлений является вербализация языковой рефлексии, которая выступает как часть культурного самосознания, как компонент национального самосознания. Корпус рефлексивов дает возможность на основе метаязыковых высказываний создать лингвоментальный портрет носителей русского языка в переломный период развития общества, определить круг языковых явлений, которые подвергаются рефлексивному осмыслению, выявить «болевые точки» современных языковых процессов, на которые реагирует языковая личность.

Литература

Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С.67– 78.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Бельчиков Ю. А. К истории слов *интеллигенция*, *интеллигент* // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика В.В.Виноградова. М., 1995. С.62– 69.

Блинова О. И. Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. С.122–126.

Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) // Русский язык сегодня. 1. М., 2000. С.9–18.

Васильев А. Д. Слово в эфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. Красноярск, 2000.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике.

Вып. УШ. Лингвистика текста. М., 1978. С.402–424.

Виноград Т., Флорес Ф. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1996. С. 185–229.

Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб, 1996.

Гак В. Г. Речевые рефлексы с речевыми словами // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С.6–10.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул, 1997.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.

Зеленин А. В. *Интеллигент и интеллигенция* в русской эмигрантской публицистике // Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. Красноярск, 1999. С.26– 36.

Караулов Ю. Н. Культура речи и языковая критика // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. М., 2001. С.44–50.

Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С.63– 71.

Коган Л., Чернявская Г. Интеллигенция. Екатеринбург, 1996.

Кормилицына М. А. Усиление личностного начала в русской речи последних лет // Активные языковые процессы конца XX века. Тез.докл.международн.конференции. 1У Шмелевские чтения. 23-25 февр.2000 г. М., 2000. С.89–91.

Крысин 2001а: Крысин Л. П. Популяризация лингвистических знаний в средствах массовой информации // Русский язык в эфире: проблемы и пути их решения. Материалы круглого стола. Москва, 14 ноября 2000 г. М., 2001. С.57–61.

Крысин 2001б: Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении, 2001, №1. С.90–106.

Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Л., 1979.

Лебедева Н. Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С.56–71.

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-

справочник. Свердловск, 1988.

Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск, 1986.

Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М., 1989. С. 24–34.

Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкознания, 2000, №5. С.68–80.

Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки, 1995, №3. С.67–79.

Нахратова С. Ю. Проблема понимания: психолингвистический аспект // Структуры языкового сознания. М., 1990. С.5–17.

Никитина С. Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34–40.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб, 1994.

Панов М. В. История русского литературного произношения ХУШ-ХХ вв. М., 1990.

Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. Дис. ...докт.филол.наук. Саратов , 2001.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск, 2000.

Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С.82–92.

Формановская Н. А. Высказывания и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Москва, МГУ, 13-16 марта 2001г. Труды и материалы. М., 2001. С.18–19.

Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. СПб, 1999. С.62–67.

Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки, 1990, № 2. С.72 - 82.

Шаймиев В. А. Об иллокутивных функциях метатекста, или перечитывая А.Вежбицку... (на материале лингвистических текстов) // Русистика. СПб, 1999. С. 68–76.

Шаховский В. И. Эмоции в структуре сознания и языка личности // Тезисы IX Всесоюзн. Симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». М., 1988. С.194–195.

Шварцкопф Б. С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 277–304.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М. – Волгоград, 2000.

Шмелев А. Д. Именование и автонимность имени // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С.171–179.

Шмелева Т. В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып.1 (8). Красноярск, 1999. С.108–110.

Юнг К. Г. Психологические типы. М., 1997.

Еще раз о деривационном критерии речевого напряжения⁶

Я бы не стала так явно присоединяться к утверждению И.Т.Вепревой о том, что переносные значения всегда ненормативнее прямых, а производные слова ненормативнее непроизводных. В разное время актуальность прямых и переносных значений может быть различной.
О.П.Ермакова (Из официального отзыва)

Большой честью, оказанной мне, я считаю согласие О.П.Ермаковой быть одним из официальных оппонентов моей докторской диссертации. Та аура душевного расположения к людям, которая присуща Ольге Павловне, распространяется на все сферы ее деятельности. Такой же доброжелательной Ольга Павловна была и на защите. Но это не помешало ей высказать ряд точных и верных замечаний, с которыми трудно было не согласиться. Ситуация защиты требует лаконичности ответов. Поэтому, пользуясь случаем, мне хотелось бы в рамках статьи дать развернутые соображения по одному из замечаний, связанных с деривационными процессами в языке, которые всегда были в поле научного внимания Ольги Павловны [Ермакова 1984, 1975, 1996].

Но прежде необходимо, хотя бы коротко, коснуться сути диссертацион-

⁶ Семантика и прагматика языковых единиц. Калуга, 2004.

ного исследования [Вепрева 2003]. Оно вызвано интересом к речевому поведению носителя языка в эпоху сверхдинамичных изменений современного общества и языкового сознания россиян. Яркой приметой современной речи, а особенно языка СМИ, является изобилие высказываний, содержащих комментариев к употребляемому слову или выражению, например: *Фильм получился, не побоюсь этого слова, гениальный* (Наш город, окт., 2003); *Наши олигархи, хотя я не люблю этого слова, считают...*(ОРТ, «Времена», 19.10.03); *Я рад, что это емкое, короткое слово «Россия» вновь вернулось в нашу историю* (АИФ, окт., 2003); *Слово какое ...трудновыговариваемое. Фингерборд – это модель скейтборда* (Наша газета, окт., 2003) и др. Эти высказывания, названными нами рефлексивами, эксплицитно вербализуют результаты метаязыковой деятельности говорящего.

Известно, что метаязыковое сознание выполняет функцию языкового контроля при порождении речи [Ейгер 1990, Красиков 1989] и обычно протекает на бессознательном уровне. Но время от времени мы имеем дело с экспликацией метаязыкового сознания в речи. И в этом случае метаязыковые высказывания представляют собой вербализацию сознательных интеллектуальных усилий по преодолению автоматизма речевых действий.

Выясняя причины вербализации метаязыкового сознания, причины нарушения автоматизма речевой деятельности, мы пришли к выводу, что механизмом процесса вербализации является преодоление коммуникативно-когнитивного *напряжения*, возникающего при речепорождении вследствие отступления от нормы. Причем в одних случаях, рефлексивы становятся реакцией на коммуникативное напряжение, а в других – на напряжение *концептуальное*.

В основу теоретической схемы было положено представление о норме как о факторе, обеспечивающем адекватное и единообразное понимание сообщения адресатом. Было выделено четыре критерия напряжения – динамический, стилистический, деривационный и личностный. Все новое, сложное, маркированное, окказиональное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством рассматривается с этих позиций как отступление от нормы. Вместе с тем, такое отступление, выражая природу речевой деятельности, уже в ином смысле само становится нормой. Модель описания материала соответствовала представленной концепции и позволяла выявить наиболее существенные типологические

признаки корпуса рефлексивов. Такова общая суть работы.

Теперь наступила очередь обратиться к выбранной теме статьи. Формулировка деривационного критерия в работе носила достаточно категоричный характер: в оппозиции «производящие формы – производные формы языка» все производящие формы как более простые тяготеют к нормативности, а производные формы как более сложные – к ненормативности. А поскольку все лексические деривационные процессы в системе языка сводятся к двум разновидностям – к семантической деривации, или отношениям семантического варьирования отдельного многозначного слова, и к формально-семантической деривации, или отношениям словообразовательной производности, то вывод был таким: прямое значение нормативнее переносного, основное нормативнее вторичного, производного, коннотативного, непроемные единицы нормативнее производных. Следовательно, метаязыковой комментарий в речи получают деривационно сложные единицы, например: *«Ограниченность интересов, узость кругозора» – вот одно из словарных значений слова «провинциальность» (помимо простого, первоначального и, конечно, ничуть не обидного, означающего место проживания)* (Ст. Рассадина. Самоубийцы., М., 2002); *Можете написать, что самые дорогие собаки живут у Лаймы. У слова «дорогой» есть множество значений – в данном случае я имею в виду, что они у меня бесценные, потому что я их обожаю!* (КП, апр., 2003); *Я обыватель. И весьма этим доволен. Заметьте, слово не ругательное, а самое что ни на есть обиходное. От другого хорошего русского слова «обитель». И дальше — обитать, в смысле «чувствовать прелесть бытового уюта», не только домашнего, но и в городской среде, да на тех же дорогах городских, наконец (4 канал + все ТВ, авг., 2000).*

О.П. Ермакова не согласилась с подобной формулировкой деривационного критерия. Вот в чем суть ее замечания: «Мне представляется, что именно прямые значения, осуществляющие номинацию реалий внеязыковой действительности, чаще уходят в тень по социальным и другим причинам, уступая место своим переносным. Это касается и коннотативных значений. Ср., например, соотношение прямых и переносных значений у слов *идол, кумир, пленить, болван, чиновник, фискал, чурбан*, ср. также активность переносных значений в советское время у слов *колдун, ведьма, ясновидящий, домовый* и т.п. и у слов *испо-*

ведь, исповедаться, отпевать и т.д. и возрождение активности у них прямых значений в постсоветский период. И вряд ли можно согласиться с тем, что всегда производное менее нормативно, чем непроизводное. Почему *учитель* менее нормативно, чем *учить*, или *зимний* ненормативнее, чем *зима* (примеры мои)».

Трудно было не согласиться с подобным рассуждением. Действительно, в языке мы отмечаем процессы, которые приводят к тому, что в качестве основных начинают осознаваться производные значения, а первичные уходят на второй план. И в этом случае, на первый взгляд, деривационный критерий речевого напряжения как бы не действует. Но тем не менее он действует всегда. Только его нужно понимать, может быть, несколько иначе, чем так, как он был обозначен в работе. И в этом Ольга Павловна Ермакова права.

В языковом сознании говорящего заложена информация о **сложности** многозначной или производной единицы. Именно в этом заключается расширенная суть деривационного критерия: ненормативнее сложные многозначные и производные слова по сравнению с однозначными и непроизводными независимо от того, какое значение, прямое или переносное, актуально на сегодняшний период.

Актуализация того или иного производного значения слова в процессе порождения и понимания речи предполагает актуализацию сочетательных способностей выбираемой лексемы, разграничение значений многозначного слова. В психолингвистике на сегодняшний день существует несколько теорий, в которых разработаны разные типы моделей доступа к многозначному слову в процессе порождения и понимания текста [см. обзор теорий: Рафикова 1998]. Суть данных теорий состоит в определении принципов, положенных в основу описания моделей доступа к слову, зависящего от параметра частотности значения слова и параметра влияния контекста на разрешение неоднозначности. Экспериментальные исследования подтверждают реальность большинства моделей понимания неоднозначного слова, которые базируются на допущении одновременной активизации всех значений на начальных этапах доступа к полю его значений, при этом контекст может замедлять и ускорять этот процесс.

Наш материал опосредованно проливает свет на решение данной проблемы. Наличие метаязыкового комментария, помогающего разграничить значение

многозначного слова в контексте, свидетельствует о возможности сбоя при понимании многозначного слова, особенно если контекст создает условия для того, чтобы оба значения (основное и производное) становились одинаково доступными для понимания. Между ними начинается борьба за интеграцию в контекст, следовательно, понимание замедляется, и требуются дополнительные когнитивные ресурсы для обработки информации. В этом случае возможна вербализация речемыслительной деятельности в виде рефлексива.

Если актуальным в языке является вторичное, производное значение, то метаязыковое высказывание комментирует генетически первичное значение, например: *Я говорю слово пленить в том, первоначальном смысле слова* (КП, окт., 2001); *– Вас театр пленил? – Пленил в значении «взял в плен»?* (Канал «Культура», 17.02.02); *Как привычен был простодушно-хитроумный расчет на то, что стихи, написанные «про это» (о, отнюдь не в нынешнем распространенном смысле) не посмеют не напечатать* (Ст. Рассадин, Самоубийцы, М., 2002); *Слово «ботаник» уже прочно прижилось в студенческом языке. Настолько прочно, что некоторые даже забывают о существовании такой профессии. Аня Фиш – будущий ботаник* (Наша газета, авг., 2003). Наличие в сознании сразу нескольких актуальных значений позволяет говорящему актуализировать то или иное значение в зависимости от коммуникативной задачи говорящего, и при этом непременно опираться на метаязыковой комментарий. Например, 19 апреля 2003 года на субботнике в Москве журналист берет интервью у Ю. Лужкова, который сажал березу. Журналист спрашивает его: *А какое дерево Вы больше всего любите? Липу*, – отвечает Ю. Лужков. А потом без всякого наводящего вопроса или ответной реплики, засмеявшись, добавляет: *Но липу не в том смысле, который Вы подразумеваете*. В данном случае идет комментирование основного актуального значения, но на фоне деривационной сложности этого слова, на фоне возможной актуализации частотного переносного значения.

Наиболее частотны рефлексивы, разграничивающие два близко связанных значения многозначного слова — прямое и переносное. Контекст не всегда дает возможность четко разграничить эти семемы, метаязыковой комментарий помогает уточнить или акцентировать характер значения слова. Собранный материал показывает, что чаще говорящий уточняет прямое значение слова. Например:

Одним словом, все, что он принимает на грудь (**в полном смысле, а не переносном**, насчет алкоголя Калецков – ни-ни), на нем висит и не падает (АИФ, июнь, 2002); Привычные нам 134-е и 154-е «тушки» **в прямом смысле слова** катастрофически стареют, не говоря уж о старении моральном (КП, авг., 2003); Мы стараемся приблизить кино к зрителю. **В прямом смысле слова:** чтобы кинотеатры были в каждом районе (Наш город, авг., 2003); Зебра так загрустила, что мы просто испугались, что она **полном смысле слова** откинет копыта – плохо ела, не выходила на улицу, стояла не двигаясь (МК–Урал, февр., 2002); Россия – такая страна, где можно обхохотаться до смерти **в самом прямом смысле** (АИФ, сент., 2003). Говорящий / пишущий не упускает возможности при речепорождении использовать тождество сочетательных возможностей прямого и переносного значений, употребляя в контексте многозначное слово одновременно в двух значениях, подчеркнув при этом рефлексивом двойной смысл высказывания: После появления синтетического аналога настоящей крови в аккредитованных допинг-лабораториях поняли: без крови не обойтись. **И в прямом, и в переносном смысле** (МК–Урал, февр., 2002); В Видяеве практически до самого отхода ждут капитана 1 ранга Лариона Бозина (одного из самых прожженных, **в прямом и переносном смысле**, торпедистов ВМФ) и его товарищей (КП, февр., 2002).

Обратимся к формально производным словам с точки зрения их синхронного функционирования. Широкое распространение в лингвистике получил тезис о необязательности и даже избыточности мотивированности в готовом слове. В.А.Богородицкий, автор учения об исторических изменениях в морфемной структуре слова, писал о преимуществах процесса опрощения: «То, что генетическое значение уступает свое место реальному значению слова, представляет огромную экономию и важность для мысли (выделено автором – И.В.); если бы рядом с реальным значением слова в нашем уме всякий раз являлось и генетическое, то это служило бы невообразимым тормозом мышления» [Богородицкий 1935: 100]. Идеальный знак должен быть немотивированным, поэтому всякий мотивированный знак стремится к условности связи между формой и значением. Сошлюсь в данном случае также на Б.Ю.Нормана, который образно слова с этимологическим «привкусом» в одной из своих статей называет в определенном смысле уродами [Норман 1999: 210].

Анализ метаязыковых высказываний позволяет утверждать, что положение об идеальности немотивированного знака, его предпочтительности перед знаком мотивированным своего рода мифологема. Речевая деятельность свидетельствует об обратном: говорящий при речепорождении всегда опирается на внутреннюю форму слова, если он ее осознает, и ищет эту внутреннюю форму в словах немотивированных, если внешний облик слова дает основания для этого поиска. Последняя процедура проявляется в фактах народной этимологии или языковой игры. В речевой деятельности действует другая тенденция – к мотивированности знака, к обретению словом своего места в языковой системе.

Таким образом, природа сложных в формально-семантическом плане единиц носит противоречивый характер, что выражается в наличии у них антиномии синхронно-функционального и генетического. Тенденция к произвольности языкового знака, с одной стороны, и тенденция к мотивированности, с другой, создает особую энергетику данных единиц, формирует характер их функционирования. Обе названные тенденции действуют в одной связке: языковое сознание способно не замечать мотивированность, которая служит помехой при функционировании производного слова в качестве коммуникативного средства, и в то же время мотивированность создает предпосылки для проявления метаязыковой рефлексии.

В речи достаточно регулярно происходит процесс оживления внутренней формы производного слова, актуализируется морфемная структура слова. В метаязыковой способности человека существует синхронное ощущение сложности производного слова, а следовательно, по нашему определению, ненормативности. Если канал восприятия по морфемам у производных слов включен всегда, то при восприятии непроемких слов этот канал обращается к звуковой стороне слова. Психолингвистические исследования [Сазонова 1994, Тогоева 1994] показывают, что множественность параметров поиска слова в памяти предполагает чисто формальные признаки, и обращение говорящего к формальной стороне слова обусловлено многоступенчатыми связями между единицами лексикона. Как писал М.В.Панов, «если язык специфичен, ...то материальная данность, войдя в состав знака, начинает жить особой жизнью: свои качества получает в сети функциональных связей и ими определяется. Поэтому не следует “оголять” язык, лишив его “поверхностной структуры”, т.е. отделив от

звуковой (фонемной) стороны: она глубинно связана со значениями» [Панов 1998: 284].

Другой вопрос, возникающий при анализе подобных рефлексивов, – когда возникает потребность в актуализации внутренней формы. Совершенно очевидно, что оживление внутренней формы осуществляется при определенных условиях, определяемых целями высказывания.

Назовем ряд причин, обуславливающих появление рефлексивов, вызванных деривационным критерием речевого напряжения. Общей причиной появления метаязыковых высказываний, в том числе и высказываний данного типа, является устранение возможного непонимания, когда говорящий ориентирован на адресата сообщения. Чаще всего опора на мотивировочный признак, лежащий в основе производного слова, происходит в контексте выяснения значения новой единицы, например: *Эвтаназия – буквально «хорошая смерть»* (НТВ, «Намедни», 5.10.03); *В стране шел процесс «ползучего унионизма» (от слова «уния» – объединение с Румынией)* (КП, февр., 2002); *А потом наступило время героев-болтунов. На трибуну высказывали люди и, сбивая друг друга с ног, начинали выкрикивать что попало. — Кто они? — Успешники. Те, кто успел. Слова «успех» и «успел» в русском языке очень красиво сочетаются. Вот я их и называю «успешники» — в двух смыслах* (АИФ, февр., 1999).

Метаязыковой комментарий сопровождает лексические единицы, неоднозначно понимаемые массовым сознанием. В постсоветский период был актуализирован целый ряд концептов, по отношению к которым в обыденном сознании существует определенный «когнитивный вакуум». Смысловая размытость показывает амбивалентность постсоветского сознания в процессе перехода от тоталитарной к демократической исторической эпохе. В обществе возникает острая необходимость однозначно усвоить эти понятия. Динамика смысла обостряет познавательную ориентацию носителя языка. Одним из путей познания противоречивой единицы – это обращение к внутренней форме как к источнику первоначального смысла. Например: *По-русски «бизнес» означает «дело, работа». Значит, бизнесмен – это тот, кто не бездельничает, не пьянствует, не ворует* (АИФ, окт., 2003); *С детства мы знаем, что слово «демократия» произошло от слов «demos» и «kratos», что означает «народ» и «власть», «власть народа», «народовластие»* (КП, дек., 2001).

Непонимание узуальной, освоенной единицы может быть вызвано возможностью неединственной трактовки производного слова, и метаязыковой комментарий помогает устранить эту множественность, например: *Я человек командный. Но не в значении, что я люблю командовать, а в том, что я люблю работать в команде* (ОРТ, «Времена», В.Матвиенко, 25.06.03).

Кроме ликвидации непонимания при функционировании слова, неоднозначности его понимания, процесс оживления внутренней формы слова одновременно выполняет дополнительную эмоциогенную функцию: окрашивает работу языкового сознания положительными эмоциональными переживаниями. Внутренняя форма дает представление о том, почему именно так названо нечто. Проникновение в «тайны языка», обретение в форме слова объяснительной опоры формирует у носителя языка эстетическое отношение к слову, активизирует его познавательные способности.

Слово с внутренней формой является своеобразным способом структурирования информации. При речепорождении морфемы выступают как единицы-операторы, способные создать между номинативными единицами в тексте функциональные отношения. Поэтому метаязыковой комментарий может интенсифицировать значение узуального производного слова. Через комментарий устанавливается системная связь между единицами словаря, вербализуется контекстно важный компонент семной структуры слова, например: *Ты же учитель! Вдумайся в это слово: учи-тель! Ты обязан учить их хорошо, грамотно. Вот и наставляй, учи* (Устная речь, 20.02.02).

Образ слова, фиксируясь зрительной памятью, вызывает определенные ассоциации. Для обыденного сознания типично сближение исходно неродственных, но семантически и фонетически близких, похожих слов. На базе фонетического сходства устанавливаются окказиональные системные связи, являясь средством выполнения коммуникативной задачи говорящего и демонстрируя творческое проявление речемыслительной деятельности. Таких метаязыковых контекстов с игровым началом не меньше, чем контекстов с началом разъясняющим. Носитель языка, придав слову ложную внутреннюю форму, устанавливает необходимые ему смысловые связи и тем самым создает дополнительную семантическую насыщенность текста, например: Слово «страхование» образовано от слова «страх» (Реклама); Участковый – от слова «участие»

(АИФ, февр., 2002); *Забавно, не правда ли, что на Руси слова «дорога» и «дорого» всегда были рядом в словарях?* (КП, окт., 2003); *Было все: референдумы, поiski темы для дискуссий, что делать всем «с этой страной»... Странно: все, что в речах начиналось на «демо»..., пахло даже не демоном, а сатаной* (С.Гончаренко); *Старые хозяева разбегутся, а вместо них придут заезжие временники: купил – продал – сбежал. Это мы уже проходили. Может быть, потому и фамилия у главного пострадавшего – Ходорковский?* (МК–Урал, ноябрь, 2003). Попытки преодоления разобщенности слов, упрочение системных связей между словами – вот причина активной ремотивации, поиска вторичной внутренней формы слова [Голев 1989: 120].

Метаязыковые контексты, сближающие по воле автора слова на базе фонетических ассоциативных связей, явно рассчитаны на комический эффект: *Художник от слова «худо»*; *Погранычник (от глагола ныкать – прятать)*; *«Скидка» – от слова «кидать»*; *Женьшень – это от слова женьшына? Нет, это от двух слов – Жень и шына* (Электронные СМИ). Оказиональная внутренняя форма слова как прием имеет безусловное сходство с различного рода языковыми играми, основанными на переосмыслении слов (см., например, описание подобной игры в статье Е.В.Красильниковой «Почему не говорят...? [Красильникова 1975], историю создания шутливой «Этимологического словаря» [Норман 1987: 199–221]). Комический эффект основывается либо на правдоподобности ложного толкования, либо, наоборот, на парадоксальности морфемного членения. Языковые шутки как форма сознательного языкового творчества демонстрируют нереализованные потенциальные или глубинные возможности словообразовательной системы языка.

Подведем итоги нашим рассуждениям. Анализ зон коммуникативного напряжения, обусловленных деривационным критерием, позволяет показать, как говорящий помогает понять адресату передаваемое содержание, выраженное сложными в семантическом или формально-семантическом отношении лексическими единицами. В том случае, когда механизм языкового контроля напоминает о возможных трудностях использования слова, происходит вербализация языкового сознания в виде метаязыкового высказывания. Зачастую говорящий, опираясь на возможности языковой системы, использует деривационный рефлексив как экспрессивный прием, являющийся инструментом для «возникнове-

ния нового родства с чужими словами»[Тынянов 1965: 292]. орудием изменения смысла.

Литература

Богородицкий В.А. Общий курс грамматики. М.–Л., 1935.

Вепрева И.Т. Метаязыковая рефлексия в функционально-типологическом освещении (на материале высказываний-рефлексивов 1991–2002 гг): автореф. дис. ...докт. филолог. наук. Екатеринбург, 2003.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической деривации. Томск, 1989.

Ейгер Г. В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. Харьков, 1990.

Ермакова О.П. Лексические значения производных и членимых слов в русском языке. М., 1984.

Ермакова О.П. Соотнесение формальной и смысловой членимости у некоторых типов производных слов, имеющих только переносное значение // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.

Красиков Ю. В. Некоторые аспекты психолингвистической детерминации речевых отклонений // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М., 1989.

Красильникова Е.В. «Почему не говорят...?» // Развитие современного русского языка. 1972: Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Норман Б. Ю. К понятию внутренней формы // Ветроградъ многоцвѣтнѣй: Festschrift fur Helmut Jachnow. Munchen, 1999.

Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.

Панов М.В. Трансформы и нейтрализация // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М., 1998

Рафикова Н.В. Влияние внутреннего контекста на понимание слова и текста: обзор моделей понимания // Семантика слова и текста: психолингвистические исследования. Тверь, 1998.

Сазонова Т.Ю. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. Тверь,

1994.

Тогоева С.И. Факторы, влияющие на процесс идентификации значения нового слова // Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. Тверь, 1994.

Тынянов Ю. Проблемы стихотворного языка. М., 1965.

Роль метаоператора в хорошем смысле слова в создании идеализированной картины мира⁷

В статье рассматривается функционирование в современной речи метаоператора «в хорошем смысле слова», который наряду с другими типами оценок участвует в создании идеализированной картины (модели) мира. Автором выделено два типа рефлексивных высказываний на основании особенностей прагматической семантики. В первом типе метаоператор «в хорошем смысле слова» выполняет функцию полной нейтрализации отрицательных семантических компонентов, присутствующих в лексическом значении слова. Второй тип объединяет высказывания, в которых функция метаоператора сводится к нейтрализации негативных узусальных или индивидуальных коннотаций, не входящих в понятийное ядро слова. В статье также представлены результаты проведенного экспериментального исследования, которое призвано опытным путем, во-первых, проверить потенциальную возможность аксиологической перекодировки любого негативного слова, во-вторых, возможность оценки безоценочного слова. Эксперимент дал положительные ответы на обе поставленные задачи, что позволило автору сделать вывод о том, что идеализированная модель мира практически накладывается на языковую картину мира в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метаязыковое высказывание, оценка, лексическая семантика, прагматическая информация, коннотация.

Одна из первых работ, посвященная кардинальным языковым изменениям в России, – книга В.Г. Костомарова с емким названием «Языковой вкус эпохи» (Костомаров 1994). Если определить одним словом, что лежит в основе языкового вкуса современной эпохи, то это – самое общее стремление к свободе выражения. Многоаспектный фактор свободы (концептуальной, оценочной, языковой) стимулировал усиление личностного начала, особенно в публичной речи, коммуникативного права говорящего на «возможность подвергать индивиду-

⁷ RESPECTUS PHILOLOGICUS, 2012, №21 (26).

ально-субъективным оценкам любой предмет речи и компонент коммуникативного акта» (Матвеева 2000, с. 50).

Проявлением личностного начала является, в частности, оценочная интерпретация языкового знака, обостренная рефлексия носителя языка. Одна из ярких примет современного дискурса – широкая включенность в языковой контекст эпохи метаязыковых высказываний, которые комментируют, интерпретируют, обсуждают употребление той или иной лексической единицы, например: *Мне не нравится слово «позиция», лучше «гражданский темперамент» – у кого-то он есть, у кого-то нет* (Деловой Петербург (Санкт-Петербург); 13.01.2012); *Вслед за европейскими финансовыми аутсайдерами страшное слово «дефолт» начинает применяться в отношении США* (Известия; 15.07.2011); *Одно то, что в сборной начались процессы, описываемые модным словом «движуха», уже хорошо* (Спорт-экспресс; 16.01.2012); Патриарх Кирилл: *«Я использую это слово «кошмарить» не потому, что это слово из моего лексикона, а потому что это слово сейчас широко распространено, и люди понимают, о чем речь идет»* (Вечерний Магадан; 12.01.2012). Можно сказать, переключаясь с названием монографии В.Г. Костомарова, что современная эпоха имеет метаязыковой привкус: как щепотка соли, метаязыковые высказывания помогают выявить антропоцентрический характер современного языкового существования, подчеркнуть значимость личности в языке, осознающей себя в свободном выражении своей оценочной позиции (см.: Вепрева 2005).

Спектр оценочных метавысказываний в современной речи широк. Рациональная оценка обычно связана с выражением мнения говорящего–слушающего о пригодности, точности, верности языкового средства в данном высказывании. Отсюда разнообразные варианты выражения речевой критики: *правильно — неправильно, точно — неточно, верно — неверно* и т. д. Самыми частотными и действенными операторами эмоциональной оценки являются глаголы *люблю — не люблю, нравится — не нравится*. Общие аксиологические значения могут быть представлены прилагательными, характеризующими то или иное употребляемое слово, например: *хорошее, замечательное, прекрасное, плохое, отвратительное слово*.

Оценочные метаязыковые действия говорящего показывают, что носитель языка вполне свободно оперирует оценочным потенциалом разнообразных

единиц языковой системы. Познавая мир через аксиологическую шкалу «хорошо» — «плохо», он создает идеализированную картину (модель) мира, в которую входит то, «что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. <... > В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью и сам человек» (Арутюнова 1988, с.58–59). Метаоценки наряду с другими типами оценок участвуют в создании идеализированной модели мира, поскольку они одновременно являются и аксиологическими высказываниями по отношению к объектам действительности. Часто основанием метаоценки оказывается предметно-логическое содержание слова. Так, слово ненавидят, если явление, им обозначенное, представляет собой угрозу для человека или способно вызвать у него состояние страха или тревоги, например: *В марте всё чаще слышится страшное слово «авитаминоз», на который принято списывать все весенние болячки* (Аргументы и Факты; 06.04.2011). Или слово нравится, если говорящий переживает положительные эмоции и у него поднимается настроение, когда он сталкивается с объектом, номинированным данным словом: *Ах, это сладкое слово десерт!* (Комсомольская правда; 21. 01.2012).

Среди разнообразия метаязыковых комментариев особый интерес вызывают конструкции, включающие метаоператор *в хорошем смысле слова*, который служит средством обозначения объекта идеализированного мира. Данный речевой стереотип выступает как оператор семантического преобразования лексемы, переполюсирования ее аксиологической составляющей. Общая функция, которую «назначает» говорящий метаоператору, включая его в своё высказывание, сводится к стремлению с его помощью изменить отношение адресата к тому, о чем идет речь, изменить очевидный смысл сказанного. «В языке-системе обозначения плохого более дифференцированы, чем обозначения хорошего, что обусловлено психической предрасположенностью человека считать хорошее нормой» (Чернейко 1996, с. 47). Существующая в языке разветвленная сеть средств негации активно эксплуатируется в речи. На фоне этой тенденции метаоператор *в хорошем смысле слова* является своеобразным навигатором в поиске оценочных смыслов «хорошести», вовлекая в круг лексических единиц с данным оператором прежде всего слова с негативной семантикой. Для человека

свойство «хорошести» обладает неким магнетизмом (см.: Арутюнова 1988, с.52), найти хорошие смыслы в плохом слове – значит обнаружить соответствие идеализированной модели макромира человека, осознаваемого как цель бытия человека, отразив точку зрения говорящего на данную внеязыковую ситуацию.

Наша исследовательская задача – определить функциональную нагрузку, выполняемую метаоператором *в хорошем смысле слова* в составе рефлексивных высказываний, описать механизм актуализации положительного оценочного компонента в семантике слова, сопровождаемого данным метаоператором. Материалом исследования послужили высказывания, содержащие анализируемый метаоператор, извлеченные из текстов современных СМИ с помощью информационно-поисковой базы данных Интегрум ([www. Integrum.ru](http://www.Integrum.ru)). В банке данных содержатся полные архивы СМИ, большинство из которых начинается с середины 90-х годов XX века. Таким образом, наш материал (около 10 тысяч документов, содержащих сочетание *в хорошем смысле слова*) охватывает почти два десятилетия.

Наблюдения за варьированием лексической семантики, которая аксиологически трансформируется с помощью метаоператора *в хорошем смысле слова*, требуют от нас остановиться на некоторых общих вопросах семной структуры слова. Оценочное отношение адресата сообщения к описываемой знаком действительности входит в прагматическую информацию о слове, которая в семасиологической практике рассматривается как коннотативный макрокомпонент лексической семантики, как субъективно-модальное приращение к объективному значению слова (Арутюнова 1988; Апресян 1995а; Кобозева 2000; Телия 1996 и др.). В работах по лексической семантике выделяют два типа прагматической информации: 1) прагматические компоненты, которые дополняют понятийную информацию; 2) прагматическая информация, которая «впрессована в лексическое значение слова» (Апресян 1995б, с. 144) и не может быть изъята из толкования. Для обыденного сознания эти типы прагматической информации оказываются нерасчлененными и передаются одним видом метаязыкового комментирования – *в хорошем смысле слова* или *в плохом смысле слова* – в зависимости от типа оценочной информации.

Охарактеризуем полученные группы рефлексивных высказываний на основании типа прагматической семантики.

I. В первую группу вошли высказывания, в которых метаоператор *в хорошем смысле слова* выполняет функцию полной нейтрализации отрицательных семантических компонентов, присутствующих в лексическом значении слова. Необходимо отметить, что в современной языковой ситуации активно используется именно такой тип метаоценки, к которому говорящий прибегает в постоянном поиске новых выразительных средств. Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождая лексические единицы, обладающие сильной энергетикой отрицательно заряженного слова, приводит к его аксиологической переориентации. Метатекстовый ориентир направляет сознание адресата по нужному пути, определяя информативную ценность слова, указывает, как следует оценивать ту или иную информацию. Своим метакомментарием говорящий сообщает читателю: «Знай, что это слово имеет семантические компоненты, которые оцениваются как плохие. Отметай в слове то, что плохо, и ищи то, что хорошо». Метаоператор является своеобразным предписанием, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии лексемы. При этом сильная энергетика негативно заряженной лексемы сохраняется, парадоксальным образом воспринимаясь как положительная. Например: *Но и сейчас тоже я вижу, как «Прожекторперисхилтон» хулиганит в хорошем смысле слова* (Московский Комсомолец; 21.11.2011). Словарное значение глагола *хулиганить* – «(разг.) Заниматься хулиганством, грубо нарушать общественный порядок, безобразничать» (Толковый словарь русского языка 2008, с.1074). Глагол *хулиганить* относится к лексико-семантической группе глаголов поведения, в которую входят такие лексемы, как *безобразничать*, *буянить*, *бесчинствовать*, *дебоширить*, *озорничать* и др. Глаголы объединяет общий семантический компонент ‘бесцеремонное поведение, нарушающее общественный порядок’. Метаоператор *в хорошем смысле слова* нейтрализует отрицательные смыслы негативного с морально-нравственной точки зрения поведения, оставляя при этом у глагола признак ‘неординарность, смелость, ненормативность в поведении’. Контекстные условия помогают реализовать положительное значение глагола *хулиганить*. В позиции субъекта поведения находится не бесчинствующий хулиган, грубо попирающий устои общества, а группа молодых телеведущих программы «Прожекторперисхилтон», смело экспериментирующих в формате телевизионных ток-шоу. Яркое проявление креативности может только поощряться в обществе, по-

сколько свидетельствует о творческом потенциале, желании личности реализовать себя в работе, преодолевая стандартность мышления и нормативность поведения.

Собранный материал позволяет выделить несколько продуктивных подгрупп, в рамках которых проявляется эффект подобного переполюсирования. В них включаются прежде всего агентивные имена, носители признаков, определяющихся наклонностями человека. Это могут быть также атрибутивные и процессуальные характеристики или отвлеченные свойства предмета (одушевленного и неодушевленного) / явления. Например: *Он сумасшедший в хорошем смысле слова* (Метро (г. Москва); 03.11.2011); *Эти в хорошем смысле слова безумцы* ежегодно отдают себя Московскому фестивалю до остатка, целыми днями курсируют по Новому Арбату от «Октября» до «Художественного», где проходят пресс-показы (Литературная газета; 06.07.2011); *Нельзя не отметить сумасшествие (в хорошем смысле слова), которое творилось на трибунах во время женского финала* (Красная звезда; 25.10.2011).

Лексемы *сумасшедший, безумец, сумасшествие* в прямом значении номинируют людей с крайне неуравновешенным поведением (или само это поведение), отличающее их от поведения людей с нормальной психикой, поступающих в соответствии с общепринятыми нормами. Эти единицы объединяются также общим переносным значением, которое формулируется как «крайний, исключительный (по величине, степени)» (Толковый словарь русского языка 2008, с. 959). Нейтрализация с помощью метаоператора прямого отрицательного значения этих единиц актуализирует значение интенсивного проявления положительных признаков, характерных для поведения здоровых людей.

Большинство лексем с негативной оценкой связаны отношениями предметной кореферентности с оценочными антонимами. Они «указывают на тождественные (или сходные) явления действительности, но присваивают им противоположные оценочные значения» (Эпштейн 1999, с. 21). Например: *Зиборова в хорошем смысле слова великий скопидом* (Коммуна, Воронеж; 07.03.2000); *У вас превосходный лидер, прагматик, практик, хозяин, жлоб в хорошем смысле слова, когда речь идет об интересах города и горожан, жителей столицы* (Тверская 13, Москва; 22.04.1999). Лексемы *скопидом* и *жлоб* являются синонимами и обозначают лиц по негативным личностно-

характеризующим качествам, таким, как скупость, которая осуждается общественной моралью: *скопидом* – человек, бережливый до **скупости**; *жлоб* – **скряга, скупец**. Скупой – «1. Чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов» (Толковый словарь русского языка 2008, с.983). Оценочно антонимичными, положительно окрашенными являются признаковые лексемы *бережливый, практичный* (человек). Или:

Впрочем, «Балда» представляет собой почти час сплошного удовольствия – музыки удивительно самобытной, легкой и в хорошем смысле слова нахальной (Газета (Москва); 25.01.2007). Оценочная антонимия: *нахальный* – *решительный*;

Да и молодежь нынче пошла другая – наглая в хорошем смысле слова (Спорт-экспресс; 07.06.2011). Оценочная антонимия: *Наглый* – *дерзкий*.

Подобная противопоставленность лексем по характеру оценки при наличии общего денотата была предметом специального исследования (Эпштейн 1991, Бацевич 1999). Отношения между прагмемами, по Эпштейну, не исчерпываются дихотомическими связями. Автор моделирует четырехэлементные структуры (тетрады), которые позволяют структурировать оценочное использование лексики. Так, если взять в качестве архитемы «трата средств», то преобразование ее по правилам тетрады даст четыре оценочных лексемы. В них «будет выражено как положительное, так и отрицательное отношение к обильной трате средств (*щедрость, бескорыстие* – *расточительность, разбазаривание*), так и положительное и отрицательное отношение к отказу от траты средств (*бережливость, экономность* – *собственничество, накопительство*)» (Эпштейн 1991, с. 24).

Относительность подобной характеристики одного и того же объекта оценки в зависимости от позиции говорящего ставит вопрос о потенциальной возможности аксиологической перефокусировки любого негативного слова. Так, например, Т.В. Радбиль (2011), рассматривая функционирование метаоператора *в хорошем смысле слова* в речи, считает, что оценка обязательно должна быть полимодальной, т.е. одновременно характеризующей объект оценки с разных сторон – и в положительном, и в отрицательном регистре (*X в каком-то смысле хорошо, а в каком-то плохо*). По его мнению, невозможна сочетаемость со словом или выражением, имеющим явный отрицательный оценочный ком-

понент: **мерзавец в хорошем смысле слова; *гадкий в хорошем смысле слова; *клеветать в хорошем смысле слова.*

Поиск ответа на дискуссионный вопрос осуществлялся нами экспериментальным путем⁸. Опрашиваемым предлагались 10 лексических единиц, содержащих в своем значении однозначно негативную оценку лица (или его деятельности, поведения): *куриные (мозги), предатель, цуда, крыса, кровопийца, жестокый, гнилой, аморальный, слонтяй, безвольный*. Необходимо было ответить на два вопроса: а) могут ли эти слова сочетаться с метаоператором *в хорошем смысле слова*? б) если такое сочетание возможно, то каково его значение? Эксперимент был проведен среди студентов политологического и филологического факультетов Уральского федерального университета.

Большинство опрашиваемых на вопрос о возможности существования предложенных высказываний ответили отрицательно, что свидетельствует о том, что в языковом сознании носителя языка положительный метаоператор *в хорошем смысле слова* несовместим со словами, обладающими ярко выраженной негативной семантикой. Наряду с этим были немногочисленные ответы, представляющие собой индивидуально-творческую попытку толкования предложенных сочетаний и свидетельствующие о том, что развитое языковое мышление конкретного носителя языка способно извлечь из любого негативного слова положительный смысл зачастую при опоре на специализированный контекст. Выборочно проиллюстрируем ряд ответов:

Аморальный в хорошем смысле слова – *в контексте современных нравов, когда нарушение некоторых норм, а также достаточно распущенное поведение не считаются зазорными; человек, который отпускает сальные, но смешные шутки; человек без комплексов, раскрепощенный; свободно мыслящий, новатор; человек, ведущий себя непривычно, держащийся не в общепринятых рамках, не обязательно плохо, но по-своему.*

Иуда в хорошем смысле слова – *роль в мюзикле “Jesus Christ Superstar” (тогда цуда может стать синонимом хорошего актера); древнееврейское имя.* Отметим, что метаоператор в последнем толковании служит контекстуальному разведению значений многозначного слова.

Крыса в хорошем смысле слова – *о человеке, родившемся в год Крысы;*

⁸ Эксперимент проводился студенткой филологического факультета УрФУ А.И. Бушлановой.

человек, который может пробиться везде; ловкий, проворный человек, легко приспосабливающийся к новым, неожиданным обстоятельствам; бережливый, экономный человек; запасливый, практичный человек; шутиливо, с легкой иронией, по-дружески подчеркивая какие-либо качества близкого человека, например, стерженность.

Результаты эксперимента показали, что творческий подход к слову подтверждает известную мысль о неисчерпаемой глубине лексической семантики, но в то же время демонстрирует безусловную сложность позитивного осознания слова с явно отрицательным оценочным компонентом. Аномальное сочетание абсолютно негативного слова с метаоператором *в хорошем смысле слова* можно сравнить с экспрессивным высказыванием *Ну, ты и мерзавец!*, в котором выражено восхищение степенью совершенства негативного качества, доведенного до абсолюта. Говорящий как бы утверждает: «Мне нравится это в тебе, но я не хочу быть таким». В данном высказывании остается та многомерность, которая отсылает к генетически отрицательному значению, не исчезающему при переводе слова в позитив. Выборка из СМИ подтверждает реальное функционирование подобных рефлексивных высказываний, например: *Гай Ричи – импозантный, непрístupный, с сильным характером, и что-то **сволочное в хорошем смысле слова** во взгляде...* (Московский Комсомолец в Томске (Томск); 11.01.2012); *В декабре заработал бар-ресторан «Куклы – пистолеты». «Название специально придумывали **идиотское в хорошем смысле слова**», – вспоминает Левицкий* (Ведомости; 04.03.2011).

II. Вторая группа объединяет высказывания, в которых функция метаоператора *в хорошем смысле слова* сводится к указанию на то, что слово употребляется в значении без учета разного рода негативных узуальных (коллективных, общих) или индивидуальных коннотаций, не входящих в понятийное ядро слова.

В этой группе большой корпус высказываний составляют фразовые единицы, в которых метаоператор выполняет функцию деидеологизации лексемы. В составе таких высказываний чаще всего функционируют единицы, получившие негативную окраску в советское время. «Советизированная» оценочность слов в сложившемся политико-идеологизированном новоязе в постсоветский период сменила свою качественную семантику, получила иной коннотативный

разворот, например: *Это труд на себя свободный, инициативный, капиталистический в хорошем смысле слова* (Литературная газета; 07.12.2011); *Вообще-то обстоятельство, что этот по всем внешним признакам «буржуазный» (в хорошем смысле слова) театр всячески пытается осваивать «дикое поле» новой отечественной пьесы, — несомненно, заслуживает как минимум особого доброго слова* (Литературная газета; 16.03.2011).

Кроме того, всему советскому в постсоветский период закономерно была присвоена пейоративная коннотация, которая приобрела устойчивый характер и зафиксирована, в частности, в «Толковом словаре конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г. Н. Складневской (1998). Так, слово *советский* в современной речи получило новое, качественно-оценочное значение «Присущий, свойственный советскому времени; такой, как в советское время» с пометой «неодобр.». Но всякая современность, по мнению С.С. Аверинцева, не должна замыкаться в себе, поскольку в таком случае заболевает «хроническим провинциализмом». Метаоператор *в хорошем смысле слова*, сопровождающий «советские» лексемы, свидетельствует о попытке говорящего освободить слово от новых негативных идеологических наращений, «реабилитировать» его. Например: *Когда мы вошли, я понял, что меня привлекло. Что-то было в этом магазине давнее, вы удивитесь, — «советское», в немногочисленных хороших смыслах этого слова. Какое-то вечернее спокойствие, устойчивость и спокойная не то, что бедность, скажу, небогатость, причем без всякой злости или уныния* (Континент; 15.09.2009); *Все зависит от аудитории каждого канала: канал «Россия», например, показывает более традиционные, в хорошем смысле слова советские передачи* (Известия; 08.09.2006); *Однако же армия, так и не отказавшаяся от советских (в хорошем смысле слова) традиций, наделять жильем офицеров продолжает* (Московская правда; 31.01.2003).

Следующий корпус рефлексивных суждений составили высказывания, в составе которых метаоператор *в хорошем смысле слова* призван освободить слово от индивидуальных негативных коннотаций. Метаоператор поясняет, что слово употребляется в прямом значении без учета возможной пейоративной окраски, формирующейся в узуальном употреблении современного носителя языка. Более того, цель использования говорящим метаоператора — «подстраховать» адресата от появления этих негативных коннотаций. Например: *Совла-*

дельцами той компании были армяне, у Арзиманова завязалась с ними **крепкая мужская дружба в хорошем смысле слова**» (Business Week – Россия; 25.09.2006); «История творческой семьи Митуричей–Хлебниковых ... началась с поэта-футуриста ... Велимира Хлебникова, с которым в 1916 году познакомился и в которого **влюбился – в хорошем смысле слова** – начинающий художник Петр Митурич (Аргументы и факты; 24.10.2001). Использование метаоператора в этих высказываниях, на первый взгляд, кажется совершенно ненужным. При конвенциональном употреблении словосочетания *мужская дружба* и лексемы *влюбленность* не возникает негативных коннотаций. Тем не менее лексемы *влюбленность* и *дружба*, когда речь идет о мужчинах, вызывают в сознании современного говорящего ассоциативные связи с нетрадиционной сексуальной ориентацией в связи с активным обсуждением этих проблем в средствах массовой коммуникации. Детабуизация запретных тем, связанных с интимной стороной жизни человека, в постсоветский период привела к публичному обсуждению физиологических проблем и потребовала активного заполнения существующих языковых лакун сексуальной сферы. Дырчатость языка была отчасти ликвидирована путем использования нейтральных литературных слов в переносном значении (Вепрева 2006, с.19–27). Вследствие этого семантическая аура данных слов приобретает нежелательные ассоциации. Чтобы избежать подобных двусмысленностей, говорящий вынужден, употребляя такие слова, использовать в качестве пояснения метаоператор *в хорошем смысле слова*: *В институте можно получить три ценные вещи: знания, навыки и, в хорошем смысле слова, связи* (Вечерняя Москва; 18.04.2003); *Был этот Иосиф благородных, голубых в хорошем смысле слова кровей* (Дружба народов; 15.09.1998); *Все только обещают, а вы – даете. В хорошем смысле слова!* (Из рекламы на телеканале ТНТ).

Считается, что за рамками оценочности остаются слова нейтральные, «прямое значение которых ничего не предопределяет в отношении говорящих к обозначаемым ими явлениям» (Эпштейн 1991, с.19), иррелевантные «по отношению к выражению оценочности: **стул в хорошем смысле слова; *стеклянный в хорошем смысле слова; *есть в хорошем смысле слова*» (Радвиль 2011, с.571).

Наше экспериментальное исследование включало задание, выясняющее

возможность оценки безоценочного слова. В анкете предлагались два высказывания:

- *В данной ситуации этот человек – человек в лучшем смысле слова;*
- *Купила диван, диван в лучшем смысле слова.*

Участникам эксперимента необходимо было ответить на два вопроса: а) о каком человеке идет речь? б) о каком диване идет речь?

Отметим, что для этого эксперимента был выбран другой метаоператор – *в лучшем смысле слова*, синонимичный анализируемому наряду с другими существующими вариантами (*в отличном смысле слова, в прекрасном смысле слова, в позитивном смысле слова, не в плохом смысле и т.д.*). Мотивируем свой выбор. Качественное прилагательное *хороший* обозначает градуированный признак, способный проявляться в большей или меньшей степени. Мы заметили, что в некоторых контекстах прилагательное *хороший* сближается с прилагательным *настоящий*, т.е. «действительно такой, какой должен быть; представляющий собой лучший образец, идеал чего-либо» (Толковый словарь русского языка 2008, с.496). Выбирая для эксперимента метаоператор *в лучшем смысле слова*, мы гипотетически предполагали, что именно это значение будет актуализироваться в сочетаниях с нейтральными лексическими единицами. Результаты опроса показали, что все респонденты выполнили задание, отказов от интерпретации предложенных сочетаний не было. Первую группу составили ответы, в которых характеристика «лучший» связывается с неким обобщенным образцом, идеалом, стандартом:

Диван в лучшем смысле слова – о качествах, по мнению говорящего, лучших для дивана; стандартный; о диване, который в сознании говорящего отвечает качествам лучшего; тот диван, который хотел купить говорящий, идеальный для него; диван в классическом понимании, соответствующий представлению говорящего об идеальном диване.

Человек в лучшем смысле слова – о человеке, который выразил свои лучшие человеческие качества; человек с большой буквы; человек, который повел себя согласно общечеловеческой морали; человек, который проявил самые высокие качества, присущие людям; высоконравственный человек; человек, который проявил качества, ценные в обществе.

Вторая группа ответов конкретизирует представления об идеальном, ко-

которые у отвечающих оказались различными, поскольку продиктованы вкусовыми пристрастиями и субъективным взглядом на объективную действительность: *Диван в лучшем смысле слова* – мягкий, удобный, практичный, красивый, комфортный, дорогой, стильный, качественный, большой, роскошный, монументальный, известной фирмы, из последней диванной коллекции, не совсем похож на диван, *сверхдиван* – с функцией массажа, кожаный, трехместный.

Человек в лучшем смысле слова – храбрый, смелый, неординарный, честный, приятный в общении, ответственный, гуманный, добрый, благородный, может поддержать в беде, волевой, отзывчивый, способный к состраданию, искренний, настоящий, ответственный, порядочный.

Полученные в результате эксперимента ответы подтверждают нашу гипотезу: сочетание *в лучшем смысле слова* проинтерпретировано с опорой на признаки «образец», «идеал», «какой должен быть». Положительный результат эксперимента подтверждает мысль М. Гаспарова о том, что свойство безоценочности – труднодостижимое понятие для взрослого человека (Гаспаров 2000, с. 413). Анализ реальной языковой практики дает возможность подтвердить полученные результаты, например: *Одним словом, Jetta – транспортное средство в хорошем смысле слова. Неброская, но эффективная машина – она вряд ли поможет выделиться из толпы и самоутвердиться, но на повседневном уровне сделает все необходимое, чтобы часы за ее рулем прошли без стрессов и истерик* (За рулем; 21.10.2011); *Кто из живых авторов представляется вам перспективным «издательским проектом» – проектом в лучшем смысле слова?* (Независимая газета – НГ Ex Libris; 12.05.2011).

Подводя итоги наблюдениям, автор отдает себе отчет в том, что сформулированные ниже выводы не являются бесспорными. Нам представляется, что метаоператор *в хорошем смысле слова* является особым языковым средством, способным выявить в любой единице языка наличие позитивной оценочности, особенно в тех случаях, когда оценочность в словах носит неявный характер и человек, употребляя эти слова, «сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир» (Зализняк 2005, с.9). Метаоценка *в хорошем смысле слова* является репрезентативным оператором, который служит своеобразным «тестом» на само наличие языковой оценочности. Ценностный взгляд на объективную действительность оказывается шире, чем может представляться с первого

взгляда. Наивная аксиология, одним из средств выражения которой является метаоператор *в хорошем смысле слова*, включает в свою оценочную деятельность весь окружающий мир. Идеализированная модель мира практически накладывается на языковую картину мира в целом.

Литература

АПРЕСЯН, Ю.Д., 1995а. Коннотации как часть прагматики. *Ип: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Избр.тр. Т.2. Москва: Школа «Языки русской культуры», 156–177.

АПРЕСЯН, Ю.Д., 1995б. Прагматическая информация для толкового словаря. *Ип: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Избр.тр. Т.2. Москва: Школа «Языки русской культуры», 135–155.

АРУТЮНОВА, Н.Д., 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука.

БАЦЕВИЧ, Ф.С., КОСМЕДА, Т.А. 1997. *Очерки по функциональной лексикологии*. Львов: Изд-во «Світ».

ВЕПРЕВА, И.Т., 2005. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. 2-е изд. Москва: ОЛМА–ПРЕСС, 2005.

ВЕПРЕВА, И.Т., 2006. Детабулизация в современном русском языке и любовная лексика. *Ип: Проблемы лингвокультурологического и дискурсивного анализа: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» Екатеринбург, 23–25 апреля 2006 г.* Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 19–27.

ГАСПАРОВ, М.Л., 2000. *Записки и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение.

ЗАЛИЗНЯК, А.А., ЛЕВОНТИНА, И.Б., ШМЕЛЕВ, А.Д., 2005. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва: Языки славянской культуры.

КОБОЗЕВА, И. М., 2000. *Лингвистическая семантика*. Москва: Эдиториал УРСС.

КОСТОМАРОВ, В.Г., 1994. *Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. Москва: Педагогика-Пресс.

МАТВЕЕВА, Т.В., 2000. Нормы речевого общения как личностные права и обязанности *Ип: Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юри-*

дическом бытии. Под ред. Н.Д. ГОЛЕВА. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 46—55.

РАДБИЛЬ, Т.В., 2011. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления. *Ип: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология».* №6. Часть 2. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 569–573.

ТЕЛИЯ, В.Н., 1996. *Русская фразеология: Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты.* Москва: Школа «Языки русской культуры».

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. 2008. / Отв.редактор Н.Ю.ШВЕДОВА. Москва: Издательский центр «Азбуковник».

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. 1998. / Под ред. Г.Н.СКЛЯРЕВСКОЙ. Санкт-Петербург: Изд-во «Фолио-Пресс».

ЧЕРНЕЙКО, Л.О., 1996. Порождение и восприятие межличностных оценок. *Ип: Филологические науки,* № 6, 42–53.

ЭПШТЕЙН, М.Н., 1991. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса). *Ип: Вопросы языкознания,* № 6, 19–33.

Семантическая опустошенность модных слов⁹

Мода – объект междисциплинарного исследования, она давно изучается культурологами и философами, психологами и социологами и может быть определена «как коллективное подражание регулярно появляющимся новинкам» (Барт 1997, 7). Если мы обобщим теоретические работы по моде (Орлова 1989; Фишман 1990; Гофман 2000; Элькина 1974; Килошенко 2001 и др.), то можем сформулировать признаки, лежащие в основе любого модного объекта. Внутренними ценностными показателями модного объекта являются признаки *современности, универсальности, демонстративности и игры* (Гофман 2000, 16). Статус модного слова в языке может быть определен в опоре на данные признаки, которые в преломлении к языковому объекту получают следующую модификацию: модное слово должно быть актуальным, высокочастотным, употреби-

⁹ Семантика языковых единиц разных уровней. Сб. научн. статей. Калуга, 2006.

тельным, оно стремится обладать яркостью формальной стороны знака, для него характерно игровое начало, проявляющееся в эстетике обновления формы (Вепрева, Мустайоки 2006).

Данные признаки удалось выделить при анализе метаязыковых высказываний, которые обычно сопровождают употребление модного слова, поскольку его неординарность создает речевое напряжение при речепорождении. Интуитивно носитель языка выделяет сущностные признаки модного единицы, в целом не расходящиеся с теоретическим осмыслением феномена модного объекта (1–4):

(1) *Раньше это называлось обратной связью, а сегодня применяется более модное слово – интерактив* (Призыв (Владимир), 1999, май)

(2) *Генеральному директору расхожее и модное слово «элита» не очень нравится* (Московская перспектива 2000, апр.)

(3) *Некогда модное слово «экология» затерлось и истерпалось от частотного употребления донельзя* (Вечерняя Москва, 2000, апр.)

(4) *Эти новые технологии – конкурсы поставщиков, которые еще называются модным словом «тендер»* (Кузбасс, 2001, дек.)

Высокочастотное актуальное слово может перейти в разряд модного при необычности формы, делающей его ярким языковым маркером. Чаще всего функцию маркера выполняет новая заимствованная единица, обладающая одновременно экзотической привлекательностью и отталкивающим признаком «чужого» слова (5–6):

(5) *Хочется козырнуть модным словом «лаунж», но обозвать этим термином можно только первый трек* (Афиша, 2000, июнь)

(6) *При желании к этому интерьеру можно прилепить какое-нибудь модное слово: минимализм, например, или хай-тек* (Калуга вечерняя, 2000, ноябрь)

При анализе интересуемых единиц обращает на себя внимание негативная аура, которая окружает модное слово. Зачастую в речи встречается прямая

отрицательная оценка подобных единиц, говорящий может сказать: *не нравится, не люблю, терпеть не могу модное слово*. Негативный оттенок часто проявляется через употребление диминутивных единиц «словечко», «словцо», которые встречаются наряду с нейтральной единицей «слово». Исследователи отмечают особую роль в создании эмоциональной нагруженности текста субъективно-оценочных существительных (см.: Рудник-Карват, 1998). Диминутивы являются одним из ярких знаков наших эмоционально-оценочных состояний и отношений (7–8).

(7) *Модное **словцо** «любер» превратилось в изрядно раскрученный лейбл, под которым в Люберцах стали проходить соревнования по тяжелой атлетике и бодибилдингу* (МК-Урал, 2000, янв.)

(8) *Раньше их называли просто «певец» или «певица». Теперь употребляют модное **словечко** «проект». Каждый год на нашей эстраде появляются десятки новых «проектов»* (Там же, март)

Это неприятие модного слова и обусловило основные для данной работы вопросы: почему модная единица воспринимается носителями языка часто негативно? Связана ли эта негативность с какими-то особенностями модного слова? Чем модное слово отличается от других единиц русского языка? Материалом для анализа послужили метаязыковые высказывания, содержащие разнообразный комментарий к употребляемому модному слову, извлеченные из российских СМИ с 1995 по 2006 год. Выборка проводилась с помощью базы данных Интегрум и составила свыше 3000 высказываний.

На наш взгляд, основной причиной отрицательного отношения к модному слову является специфика содержательной стороны модного знака. С одной стороны, превышение порога частотности модного слова за относительно короткий отрезок времени приводит к расширению сочетаемостных свойств слова, и как следствие – к изменению значения, к расширению его семантического объема. С другой стороны, новизна модной единицы говорит о семантической неусвоенности значения слова (зачастую слова-термина) носителями языка, что также сказывается на особенностях его функционирования.

Рассмотрим оба выделенных семантических процесса: во-первых, про-

цесс усвоения нового модного слова, во-вторых, изменение значения слова за счет его широкой сочетаемости.

1. В процессе функционирования нового слова в условиях речевого общения возникает необходимость его толкования, поскольку знакомство с новым словом перерастает в стремление познать его. Поэтому на этапе усвоения пишущий или говорящий, употребляя слово в контексте, указывает, что это слово модное, но незнакомое, не пытаясь объяснить его (9–10) либо дает его толкование (11–13):

(9) *Абсолютно правильно – выпустили **модное слово регион**, а что такое регион, никто на него не ответил* (РТР, Вертикаль, 12.12. 1995)

(10) *Многие слышали это модное слово, но немногие до конца понимают его смысл* (Биржа, Н.Новгород, 1999, окт.)

(11) *Есть такое **модное слово «имидж»**, оно означает трудно определимое своеобразие тех, кто часто появляется перед публикой* (Наука и жизнь, 2000, сент.)

(12) *Чаще всего вновь рожденные общественные организации начинают свою деятельность с **презентаций**. За этим **модным словом** обычно скрывается торжественное сообщение о целях и задачах общества, обращение к спонсорам о поддержке, затем следует банкет, куда приглашены нужные гости* (Красное знамя, Сыктывкар, 1998, апр.)

(13) *На заседании правительства, на котором рассматривался вопрос о **реструктуризации РАО** (сколько развалов и разграблений промышленных предприятий и целых отраслей **скрывается за** этим ныне **модным словом**) Касьянов говорил...* (Советская Россия, 2000, май)

Таким образом, одним из оснований для негативно окрашенного эмоционально-оценочного фона является противоречивость модного слова: с одной стороны, демонстративность, яркость формы, с другой стороны, незнание точного значения слова. Это противоречие заставляет воспринимать модное слово как маску, за которой *скрывается* (т.е. прячется то, что нельзя увидеть или найти) истинное или точное значение слова (12–13).

Толкование, которое дает говорящий / пишущий модному слову, относит-

ся к типу естественного, или наивного, толкования. Оно, безусловно, отличается от профессионального, сформулированного лексикографом. Наивное толкование максимально экономично (16–18) либо, наоборот, опирается на развернутую ситуацию или образ (19), имеет авторскую окказиональную направленность (14–15), обусловленную тем, что для говорящего важен коммуникативный статус той или иной семы в толковании. Толкование приспосабливается к коммуникативным условиям конкретного речевого акта, и значение слова оказывается контекстно обусловленным (Вепрева 2004, 59). Редуцированное представление слова также не способствует полному и точному усвоению семантики слова. Приведем примеры подобных «заинтересованных» определений (14–18):

(14) *Чаще всего это заигрывание и кокетство, то, что называется модным словом «римейк»* (Лебедь, Бостон, 1999, янв.)

(15) *Коммерсантам (а точнее будет сказать жуликам, зачастую скрывающимся за этим модным словом) не дать облапошить сельского товаропроизводителя при бартерных сделках* (Сельская жизнь, 1995, май)

(16) *Модное слово «конверсия» будоражило умы, на деле, впрочем, означающая пишик* (Владивосток, 2003, дек.)

(17) *Подсобляет ухудшению качества закрытие, или, модное слово реструктуризация шахт* (Курьер/Луганск, 2000, ноябрь)

(18) *А вот Logites выпустил две новые мышки, вернее, одну выпустила, а вторую анонсировала (это теперь такое модное слово, типа «ждем-с)»* (Хакер, 1999, апр.)

(19) *Много личного в каждой роли. Когда Ульянов, например, читает Шукшина, то в этом чтении есть уже не только актерское, сыгранное, но и его, ульяновское, сибирское происхождение. Понимаете? Что это уже не Вахтин, а вы сами говорите, и о своем. Может быть, про своих дедушек и бабушек... То, что сейчас называется модным словом «вербатим»* (Независимая газета, 2000, авг.)

Приведем еще ряд авторских толкований без указания на источник: *шопинг* – любимый многими дамами вид спорта; *пиар* – по-русски звучит как вранье; *амбивалентность* – можно перевести пословицей «всякая палка о

двух концах»; **PR** – обозначает примерно то же, что реклама, или антиреклама; **постмодернизм** – это когда все можно делать и ничего нельзя утверждать; **коуч** – под модным словом спрятался банальный наставник.

Последнее толкование, приведенное в вышеуказанном списке, интересно тем, что позволяет отметить еще один аспект восприятия модного слова. При первом знакомстве с модным словом его броскость и новизна вызывают у носителя языка предположение, что за словом кроется такая же новая и необычная семантика. Когда же говорящий осознает, что часто за модной единицей скрывается только обновление внешней стороны знака, это усиливает негативное отношение к слову, и метаязыковые высказывания подчеркивают несоответствие между новой формой и старым известным содержанием (20–24):

(20) *Под модным словом «презентация» скрывается банальное умение донести до слушателя информацию в наглядной, увлекательной и понятной форме* (Computerra, 1997, июль)

(21) *В данном контексте уместно вспомнить такое модное слово, как «масштабируемость», которое означает всего-навсего возможность будущего развития (увеличения числа рабочих мест, производительности, функциональных возможностей) сети* (КомпьютерПресс, 1999, март);

(22) *Теперь это заурядное занятие обозначается модным словом «мониторинг»* (Новгородские новости, 1999, янв.)

(23) *Говоря модным словом, менталитет, а попросту, умонастроение наше таково...* (Областная газета/Екатеринбург, 1999, июль)

(24) *И причина этому не только экономическая ситуация, но и то, что можно назвать модным словом «менталитет», а точнее и скромнее – психология потребителя* (Коммерческие вести/Омск, 2000, февр.)

На этапе семантического усвоения слова, при осознании коммуникативной необходимости включения модного слова в современный лексикон говорящей подчеркивает денотативную наполненность слова, при этом противопоставляя модное слово как внешний ярлык и социально значимое содержание (25–26):

(25) *Несмотря на всю сложность и многогранность понятия «лизинг», все большее количество фирм на практике убеждается в том, что лизинг сегодня стал не просто модным словом, а реально действующим, наиболее эффективным инвестиционным механизмом* (Торговое оборудование, 2000, июнь)

(26) *Маркетинг является не модным словом, а политикой и философией всей фирмы от вахтера до директора* (Капитал/Кемерово, 2003, окт.)

(27) *Видимо, для многих руководителей маркетинг – все еще модное слово, а не инструмент анализа, осмысления рынка, выработки производственной стратегии, – считает руководитель Госкомпрома РБ Николай Лю* (Башинформ/Уфа, 2001, дек.)

(28) *Этим и определяется геополитика, которая у нас пока остается только модным словом* (Московский комсомолец, 1996, авг.)

Парадоксальность функционирования модного слова состоит в том, что как только модное слово семантически усваивается, осмысляется носителями языка, оно теряет ореол модности, ощущение новизны и необычности (27–28), переходит в разряд нейтрального слова.

2. Анализируемый массив метаязыковых высказываний позволяет говорить еще об одной особенности значения модного слова – о его семантической опустошенности. Новое слово входит в язык как однозначное, имеющее устойчивые синтагматические связи. Затем оно начинает использоваться для обозначения все большего количества явлений. Происходит изменение его значения. Кроме того, новое слово становится высокочастотным за счет увеличения числа носителей языка, употребляющих это слово. В то же время носители языка, не усвоив значения нового слова, начинают окказионально расширять его сочетаемость (29, 35, 36). В тексте гораздо легче, чем в языке, языковым единицам соединяться разово. Это качество укрепляется с нарастанием текстовой массы в условиях возрастающей роли СМИ в жизни общества. Некоторые разовые сочетания повторяются и создают, с одной стороны, узуальную закрепленность, с другой стороны, размывают понятийное ядро слова, превращая модную единицу в семантически опустошенную (30–32). Метатекстовые высказывания фиксируют эту особенность модного слова (29–36):

(29) В России модным словом «**регион**» называют и сельский район, и область, и группу стран (ср. Тихоокеанский регион) (Волгоградская правда, 2002, сент.)

(30) А начать хотелось бы с того, чтобы разобраться с таким набившим оскомину понятием, как «**евроремонт**». Что это такое? Этого не знает никто, потому что на самом деле не существует ничего конкретного, что можно было бы так называть, и каждый вкладывает в это модное слово свой смысл (Ревизор/Москва, 1996, май)

(31) **Русская Идея** превратилась в некое подобие архетипа в классическом понимании великого психолога и мистика XX века К.Г. Юнга. То есть в не-что очень душевспасительное, но совершенно произвольное. Превратилось в модное слово, придающее стилю элегантность (Дружба народов, 1998, март)

(32) Оплачивать неизвестно что – пусть даже и **названное модным словом «информация»** – чрезвычайно легкомысленно (Строительство и недвижимость, 1999, авг.)

(33) Сегодня самое модное слово в политике – «**центр**», причем «центр» – это очень, очень хорошо (Московский комсомолец, 1999, ноябрь)

(34) Прежде всего надо понять, какой смысл мы вкладываем в слово «реструктуризация». Сегодня это достаточно модное слово, и каждый его оценивает по-разному (Время–NN, 2000, окт.)

(35) Под модным словом «**менеджер**» может скрываться все что угодно – от грузчика или разнорабочего до управленца (Свое дело (Ижевск), 2003, апр.)

(36) Хорошее модное слово – «**барбекю**»! Хочешь – называй им жаровню для приготовления мяса, хочешь – сам процесс или уже готовое блюдо, и, наконец, вечеринку или прием гостей на свежем воздухе тоже можно называть этим модным словом (Комок, 2003, авг.)

Указанные выше семантические свойства создают негативный оценочный фон при употреблении модных слов. Одним из приемов ввода модного слова в текст, выражающим оценочное отношение, является подача единицы как чужой. Предпочитая модное слово нейтральному, говорящий испытывает некий культурно-речевой дискомфорт. Выбор яркого, но семантически «неполноценного» (по

оценке производителя речи) слова в ситуации предполагаемой точной, освоенной единицы заставляет говорящего прятаться за чужую речь. Своеобразным метаоператором ввода чужой речи является идентификационная формула *«то, что называется / называют»*, синонимичная устойчивому сочетанию «так называемый», ср., например: *Одна из бед сегодня нашего кинематографа – это то, что называлось у Маяковского «Улица корчится, безъязыкая, ей нечем плакать и разговаривать»* (Радио Свобода / Программы. 03.08.2003). Подобным приемом в высказывание вводится и модная единица:

(37) *Сравнимо, пожалуй, только с тем качеством, что называют сегодня модным словом «евроремонт»* (Амурская заря, 1998, июнь)

(38) *Все заинтересованы в привлечении на свою сторону структур, обладающих политическим, информационным и прочим влиянием – всем тем, что политтехнологи называют модным словом «ресурсы»* (Омская правда, 2004, ноябрь)

(39) *На сегодня мы одна из немногих компаний, которая действительно независима, мы не принадлежим никому, у нас нет того, что называется модным словом «крыша»* (Новая газета, 2000, янв.)

(40) *Чубайс считается в нашей стране одним из лучших, то, что называется теперь модным словом «кризис-менеджеров»* (Открытое радио, 1998, июнь)

(41) *Юрий Викторович предложил ряду предприятий объединиться и создать нечто такое, что сегодня называют модным словом «холдинг»* (Экономика и жизнь, 1995, сент.)

Усвоенное, «свое» слово обычно передается без данного ввода, поскольку знакомое нейтральное слово при употреблении не вызывает речевого напряжения, ср. возможную трансформацию высказывания (41): *Юрий Викторович предложил ряду предприятий объединиться и создать холдинг.*

Вводя формулу «то, что называют», говорящий хочет в подтексте предупредить собеседника: «Используя модное слово, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил броскую единицу с неясным, размытым значением. Я не уверен, понимает ли ее мой собеседник. Учитывая это, я принимаю меры

предосторожности, предупреждаю критику в мой адрес, поэтому ввожу формулу «то, что называют». Теперь всем ясно, что я понимаю негативную ауру этого слова, а если я его употребляю, то только потому, что оно престижно, а кроме того, подходит к тому, что я хотел сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного слова. Если хотите, я его цитирую». Кроме того, отчужденность модного слова может определяться и его стилистической маркированностью, включением его в иной субъязык, отличный от языка говорящего (39).

Подведем итоги нашим наблюдениям. Под модным словом носитель языка понимает актуализированную высокочастотную единицу, обладающую яркостью формы, престижностью употребления, экспрессивностью новизны, достаточно широким и часто неопределенным значением, имеющую временный характер популярности. Все эти признаки делают модное слово ярким социальным сигналом своего времени. В языковом сознании современных носителей языка модное слово приобретает коннотативный оценочный фон. Взаимодействие разнополярных модусных смыслов связано с синкретичной природой модного слова: претенциозностью формы и размытостью содержания. Превышение порога частотности модного слова за относительно короткий отрезок времени приводит к расширению сочетаемостных свойств слова, к неусвоенности значения слова носителями языка, и как следствие этих факторов – к семантической закрытости слова. Признак семантической опустошенности при броскости формы превращает модную лексическую единицу в сознании говорящего в такое слово, об употреблении которого стоит предупредить своего собеседника.

Литература

Барт Р. Дендизм и мода // Художественный журнал. 1997. № 18.

Вепрева И.Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей. М., 2004.

Вепрева И.Т., Мустайоки А. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. №3.

Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2000.

Килошенко М. Психология моды. СПб., 2001.

Орлова Л. В. Азбука моды. М., 1989.

Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка. М., 1998.

Фишман Р. Б. Мода как социальное явление: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1990.

Элькина З. Б. Мода и ее социальная роль: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1974.

Метаязыковой аспект непрямой коммуникации¹⁰

0. Вводные замечания затрагивают ряд общеизвестных положений, относящихся к области речевой деятельности. В частности, творческий характер употребления языка [Витгенштейн 1985; Чейф 2001; Щерба 1974 и др.] предполагает, кроме всего прочего, взаимодействие партнеров по коммуникации, представляемое как субъект-субъектный тип отношений [Михальская 1996: 61]. Данный тип отношений может проявлять себя как коммуникативный «эгоцентризм», трактуемый как неумение понять иллюкутивный замысел говорящего, как различие в наборе пресуппозиций у партнеров по коммуникации [Гловинская 1998: 15–16]. Понимание речи является продуктом нескольких когнитивных подсистем: помимо знаний, активную роль играют мнения, отношения, установки, эмоции, человеческие навыки. *Понимать* в лингвистике определяется как оценочный предикат, толкуемый через нейтральный предикат *интерпретировать*, поскольку понятие *интерпретация* нейтрально по отношению к распределению ролей в структуре коммуникативного акта [Демьянков 1983: 66]. Понимание затрудняется в еще большей степени, если общение приобретает характер непрямой коммуникации, под которой, вслед за В. В. Дементьевым, мы будем понимать коммуникацию, осложненную высказываниями, имеющими «иной смысл, чем они должны были бы иметь согласно принятым в данной культуре нормам» [Дементьев 1999: 48].

В ситуации непрямой коммуникации особую роль приобретает метаязыковое комментирование*, сопровождающее зоны риска, к которым мы относим

¹⁰ Прямая и непрямая коммуникация: Сб. статей Саратов, 2003

* Под метаязыковым комментарием (или рефлексивом) мы понимаем относительно законченное высказывание по поводу употребления актуальной лексической единицы. Формальным сигналом к оп-

те участки речевой деятельности, на которых возникает коммуникативно-концептуальное напряжение. Коммуникативные трудности, приводящие к нарушению автоматизма порождения речи, связаны с разграничением нормативных и ненормативных речевых зон. Нормативным мы называем такое употребление языкового знака, при котором он может быть адекватно и единообразно понят коммуникативным партнером, норма в этом случае выполняет охранную функцию. Критерий оценки нормативности языкового выражения – это его способность обеспечивать понимание при коммуникации.

Фактором напряжения в речевой деятельности являются всякого рода языковые аномалии. Выявлению данных факторов послужил анализ метаязыковых высказываний, встречающихся в дискурсивном пространстве [Вепрева 2002]. Метаязыковое сознание является обязательным компонентом языковой способности говорящего. Метаязыковая деятельность протекает обычно на бессознательном уровне, обеспечивая автоматизм речевой деятельности, и выполняет функцию контроля, или сличения соответствия полученного продукта речевой деятельности эталону, хранящемуся в памяти. Как только возникает несоответствие, расхождение с эталоном, рефлексия эксплицируется в речи в виде метаязыкового высказывания. Часто этот рефлексив выступает как опережающая реакция говорящего, реализующая принцип вероятностного прогнозирования на основе прошлого опыта [Бернштейн 1996; Меликишвили 2001: 36; Минский 1988: 288].

1. О критериях коммуникативного напряжения. Нами были отмечены факторы напряжения, приводящие к нарушению автоматизма порождения речи. Основанием для выделения этих критериев выступает любое ненормативное употребление языкового знака. Выделено четыре основных критерия.

Первый критерий – **д и н а м и ч е с к и й** – отражает временную характеристику слова. Норма предполагает наличие частотности, повторяемости, узнаваемости. Употребление новой, незнакомой языковой единицы вызывает напряжение. Метаязыковой комментарий по поводу нового слова восстанавливает информативную устойчивость текста, например: *На самом-то деле сериалы называются «теленеллами». И в Бразилии, и во всем остальном мире,*

ределению рефлексива служит наличие в анализируемом отрезке метаоператора «слово» или глаголов и существительных, обозначающих речевые действия.

кроме нас. Слово «сериал» ставит бразильцев в тупик. «Что-что? – переспрашивают. – Ах, теленовеллы!» (КП, март, 2002).

Второй критерий – с т и л и с т и ч е с к и й – можно назвать критерием нейтральности / отмеченности. Нейтральная единица в силу своей немаркированности является широкоупотребительной, познается как нормативная, привычная, незаметная. Стилистически маркированная единица всегда вызывает особое напряжение, усиливающееся при условии, если эта единица является к тому и неологизмом. Например: *Я работаю сотрудником частной охраны, в просторечии телохранителем, а по-нашему – прикрепленным* (ОРТ, Слабое звено, 9.04.02); *Алик, как говорит молодежь, отвечает за базар* (РТР, Моя семья, 23.03.02).

Третий критерий – д е р и в а ц и о н н ы й – устанавливает следующее отношение: прямое значение нормативнее переносного, основное нормативнее вторичного, коннотативного; производящие формы как более простые тяготеют к нормативности, а производные, как более сложные – к ненормативности. В случаях возникающего на основании этого критерия коммуникативного напряжения метаязыковой комментарий снимает непонимание: *Это будет не война в привычном понимании – с пушками и самолетами, а мирное нашествие. Люди, подобно муравьям, начнут заселять находящиеся сверху по карте территории* (АИФ, март, 2003).

Четвертый критерий – л и ч н о с т н ы й – отражает творческое начало авторского текста. Перед говорящим / пишущим всегда стоит проблема точности формулировки авторского замысла, выбора речевых средств, адекватно отражающих коммуникативную задачу. В этом случае рефлексивы выступают как эксплицированный процесс переживания соответствия / несоответствия актуального смысла и нормативного словарного значения: *Я человек командный, но не в значении, что я люблю командовать, а в том, что я люблю работать в команде* (ОРТ, Вести, В. Матвиенко, 25.06.03).

Таким образом, движущей силой вербализации метаязыкового сознания являются ненормативные факты языка, при этом все новое, сложное, маркированное, окказиональное, отмеченное индивидуальным речевым творчеством, проявляется как отступление от нормы, что на самом деле столь же нормативно и органично в речевой деятельности. Факты непрямой коммуникации являются

проявлением прежде всего личностного критерия коммуникативного напряжения, поскольку представляют собой реализацию особого авторского замысла передачи коммуникативного смысла. Кроме того, на наш взгляд, к средствам непрямого сообщения можно отнести проявления ненормативности, обусловленные и другими критериями коммуникативного напряжения.

2. Метаязыковой контроль в ситуации не прямой коммуникации.

Случаи, фиксируемые метаязыковыми высказываниями, и представляющие собой искажение прямого смысла, являются языковыми фактами, узаконенными языком как способ выражения экспрессии. Речь идет об эвфемизмах, о переносных значениях, о стилистически отмеченных единицах. Рассмотрим отдельно каждое из проявлений вторичной (непрямой) номинации в аспекте метаязыкового контроля.

2.1. Эвфемистические замены. Рефлексивы, возникающие в ситуации речевого напряжения, обусловленного личностным критерием напряжения, связаны с выбором точного слова в семантическом поле близких по семантике слов. Иногда поиски точного слова оказываются неудачными, поэтому позиция искомой единицы в предложении может быть занята словом, признанным автором неудачным, неточным. Автор винится за то, что не мог найти точное слово, что он прибегнул к осознаваемому им искажению смысла высказывания: *За недостатком лучшего слова назовем эту часть душой* (РТР, Моя семья, 20.12.00); *Затем он хрипло продышал еще полкуплета и вдруг тонко проблеял – другого слова, к сожалению, не подберешь* – еще несколько слов, но затем дал «петуха» (КП, март, 2000); *Может быть, я несколько искусственно ...подогнала (другого слова подобрать не могу) эту группу культурных знаков к типам народной речевой культуры* (Устная речь на семинаре, ноябрь, 2001); *Это был почти брак по расчету. Если это слово тут применимо. Он сидел в лагере, она жила себе в городе Орше. Он – к сорока одному году холостяк, да еще и осужденный. И она – уже почти старая дева, ни разу не бывавшая замужем* (МК-Урал, апр., 2000).

Разграничение равнозначных слов связано не только с тем, что они выражают, но и с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым, социальным, территориальным и т.д., то есть с тем, кто, когда, где, для кого ведет речь. К фактам подобного рода относятся эвфемиз-

стические замены.

Эвфемистические замены обусловлены прагматической установкой говорящего, который синонимизирует две лексемы, одна из которых представляет собой «смягченную» единицу. Семантический механизм переключения состоит в поиске и актуализации лексических коррелятов, маскирующих суть явления по самым разным причинам. В литературе, посвященной этому вопросу, эвфемия получает многостороннее теоретическое осмысление, авторами работ составляется реестр функций и способов эвфемистической номинации [Ларин 1977; Виндлак 1967; Варбот 1979; Шмелев 1979; Крысин 1994, 1996, 1998; Кочеткова 1998; Шейгал 2000; Москвин 1998, 1999, 2001; Кочеткова, Богданова 2001: 201-204].

Если мы обратимся к речевому аспекту эвфемизации, сопровождающейся языковой рефлексией, то считаем необходимым отметить, что, кроме обычного самоконтроля речевой деятельности говорящего, подключается его личностная социальная установка, жесткий «социальный контроль речевой ситуации» [Крысин 2001: 230]. Например: *Египтяне полицию уважают (читай: боятся), и конфликт разрешится до ее появления* (Наша газета, авг., 2003); *С юридической точки зрения допрос экс-министра обороны Грачева, наверное, необходим. Но смысла в допросах таких людей обычно очень мало. Такие люди слишком склонны фантазировать (мы употребляем этот термин, чтобы не говорить грубых слов вроде «лгать»)* (МК-Урал, февр., 2001).

С одной стороны, синонимизация лексем в данных контекстах позволяет говорящему объяснить «намеренное снижение точности номинации» [Шейгал 2000: 218], а с другой стороны, при комментировании эвфемизм «утрачивает свою камуфлирующую функцию» [Там же: 128]. «Саморазоблачение» говорящего выполняет дополнительную воздействующую функцию – привлечь внимание к негативным фактам действительности по принципу «от противного».

Снижение категоричности констатации факта достигается различными способами (см. указанную выше литературу). Характеризуя эвфемистические замены в составе рефлексива, отмечаем увеличение смысловой неопределенности в синониме-эвфемизме. Обычно неопределенность обеспечивается редукцией нежелательного семантического компонента, входящего в семную структуру прямой номинации. Например: *В обед Ада Анатольевна торопливо соби-*

ралась на работу перед зеркалом. Любопытное чадо спросило: «Мама, а кто такая проститутка?» Мама Коли, не повернув головы в сторону сына, мгновенно ответила: «Это женщина, которая много времени проводит в обществе мужчин». Николай Сванидзе вспоминает: «Когда я узнал истинное значение этого слова, то поразился тому, что мама ответила настолько быстро и правильно при этом. Она меня не обманула. За это я ее зауважал» (МК-Урал, авг., 2001).

В эту же группу коммуникативных рефлексивов считаем возможным отнести высказывания, в которых один из членов оппозиции «прямая – эвфемистическая номинация» отсутствует. При этом метаязыковой комментарий находится в прямой зависимости от отсутствующего члена. Например: *Явлинский и Гайдар, мягко говоря, друг друга очень не любят* (АИФ, май, 2001); *Все красивые девушки идут в топ-модели или, мягко говоря, в смежные профессии* (ОРТ, Час пик, 31.05.98); *На контрасте со стерильной чистотой или идеальным климатом, или сказочной архитектурой далеких берегов Екатеринбург кажется, мягко говоря, не оптимальным для жизни. И все-таки мы его искренне любим* (Наш город, авг., 2003). В данных рефлексивах отсутствует прямая номинация факта действительности, говорящий вербализует эвфемистическое переименование, работая на улучшение денотата и в то же время подчеркивая смягченную неточность выражения.

Конечно, жалко, что такой выгодный бизнес в нашей стране, грубо говоря, подпольный (АИФ, авг., 2003); *Но, выражаясь грубо, он мог стать объектом шантажа со стороны своих уже упомянутых сподвижников* (АИФ, май, 2001); *Следующий, не менее прибыльный, вид коллекционирования – это вещи, извините за грубость, украденные из гостиниц* (МК-Урал, сент., 2000); *Самый большой идиотизм (не побоимся этого слова!) налоговой реформы заключается а процессе ее запуска* (МК-Урал, июль, 2000). Метаязыковой комментарий «грубо говоря» вербализует противоположный полюс на оси оценочного денотата, говорящий употребляет синоним, гиперболизирующий отрицательный признак (это явление, получившее терминологическое обозначение «дисфемизм» [Крысин 1996; Шейгал 2000], весьма продуктивно для современной публичной речи в связи с общей тенденцией к стилистической сниженности речи), либо категорично фиксирует тот или иной факт, подаваемый в литературном языке

обычно в смягченном варианте.

Рефлексивы, включающие в свой состав метаоператоры «мягко говоря», «грубо говоря», позволяют обнаружить ситуативно антропоцентрический характер эвфемистических замен. Вкусовые привязанности говорящего и характер коммуникативной ситуации могут нивелировать диаметрально противоположные значения антонимичных метаоператоров. Приведем в качестве примера рефлексивы с метаоператором «мягко говоря», который не выполняет в контексте свою прямую функцию ожидаемого смягчения выражения: *То, что написано, мягко говоря, наглая ложь; фигня, мягко говоря; название, мягко говоря, идиотское; я раньше заходила на этот чат, он, правда, дерьмовый, мягко говоря; прости, но количество удалений в третьем периоде – это критерий, мягко говоря, притянутый за яйца* и др. (Электронные СМИ).

Анализ контекстов с метаоператором «грубо говоря» выявляет, кроме смысловой гиперболизации отрицательного признака, еще одну оппозицию противоположных значений, относящуюся к области передачи прямой / не прямой номинации: «приблизительно» – «прямо, категорично», например, с одной стороны: *Грубо говоря, диафрагма в фотоаппарате – это величина дырки, через которую снимаешь, а выдержка – это время, в течение которого пленка «засвечивается»* (МК-Урал, май, 2003); с другой стороны: *Позвольте мне сказать вам прямо, грубо, по-стариковски: Вы – великий человек, государь!* (Е. Шварц, Голый король).

Коммуникативная нивелировка значений антонимичных метаоператоров позволяет говорящему использовать их в качестве незначущих связочных элементов текста: *Грубо говоря, не на что купить стулья взамен поломавшихся* (Устная речь) или как элемент языковой игры: *А может ,грубо говоря, мягко выражаясь, поучиться в деле у старших?* (Электронные СМИ).

2.2. Переносное употребление слов. Актуализация того или иного переносного (непрямого) значения слова в процессе порождения и понимания речи предполагает необходимость разграничения значений многозначного слова. Наличие метаязыкового комментария, помогающего уточнить или акцентировать характер значения слова, свидетельствует о возможности сбоя при понимании многозначного слова, особенно если контекст создает условия для того, чтобы оба – прямое и переносное – значения становились одинаково доступными для

понимания. Между ними начинается борьба за интеграцию в контекст, следовательно, понимание замедляется, и требуются дополнительные когнитивные ресурсы для обработки информации. В этом случае возможна вербализация речемыслительной деятельности в виде рефлексива, реагирующего на деривационный критерий речевого напряжения, например: *Можете написать, что самые дорогие собаки живут у Лаймы! У слова «дорогой» есть множество значений – в данном случае я имею в виду, они у меня бесценные, потому что я их обожаю* (КП, апр., 2003); *–Театр должен лечить? – Не знаю, должен ли лечить. Театр должен воздействовать. «Лечить» для меня не прямой глагол* (АИФ, март, 2003); *После появления синтетического аналога настоящей крови в аккредитованных допинг-лабораториях поняли: без крови не обойтись. И в прямом, и в переносном смысле* (МК-Урал, февр., 2002); *Он хочет, чтобы все человечество говорило на его языке. И не только в переносном смысле слова. Недавно Гейтс осчастливил человечество новым словарем «Encarta World English Dictionary», объявив его «первым словарем, родившимся в эпоху технологии»* (МК-Урал, ноябрь, 2000); *Сила Путина в том, что он не будет ни с кем, фигурально выражаясь, подписывать контракта – тем более с ОПТ* (МК-Урал, апр., 2000).

Корпус рефлексивов позволяет утверждать, что коммуникативный контроль может требовать обращения не только к семантическим, но и к коннотативным (шире прагматическим) свойствам лексем. Непрямая номинация может возникать при смене оценочных прагматических компонентов слова. Говорящий вынужден комментировать окказионально оценочное употребление слова, чтобы предупредить потенциально возможное искажение смысла. Рефлексивы, комментирующие этот тип прагмем, выполняют функцию актуализации прагматической информации, которая тесно сплетена с семантической и трудно отделима. Актуализация оценочного компонента в структуре значения необходима говорящему в следующих случаях:

1) для дифференциации положительного и отрицательного признаков, в совокупности присутствующих в семантике слова: *Наверное, я буду скучать по корреспондентской работе. С другой стороны, в хорошем смысле этого слова, набегался* (КП, сент., 2001); словарное толкование: набегаться – Бегая, утомиться или вдоволь побегать. Поскольку контекст не позволяет однозначно

определить необходимый прагматический акцент, говорящий вынужден вербализировать положительную оценку лексемы «набегаться» – «вдоволь», «не без пользы».

2) для уточнения необходимого для данной ситуации значения или его оттенка: *Насколько мне известно, на недавней свадьбе вы подняли тост за безумную любовь, вообще за безумство в хорошем смысле этого слова* (КП, март, 1999): словарное толкование: безумство – Безумное (во 2 знач.), безрассудное поведение, поступок. Прилагательное «безумный» в словосочетании «безумная любовь» употребляется в 3-м, переносном значении – Очень сильный, крайний по своему проявлению. Поэтому цель метаязыкового комментирования лексемы «безумство» – уточнить контекстную лексическую семантику с положительным прагматическим приращением, которую можно сформулировать следующим образом: «крайняя степень проявления чувств, дающая высокую степень эмоционального удовлетворения».

– *Приехали они, чтобы надавить в хорошем или плохом смысле этого слова на участников совещания* (РТР, Новости, 20.02.99); словарное толкование: Давить – 3.перен. Угнетать, притеснять. Метаязыковой комментарий подчеркивает возможность положительного воздействия с помощью силы.

3) для актуализации окказионального, личностного оценочного компонента в семантике слова: *Эта песня – штамп, в хорошем смысле этого слова. Она будет со мной всегда* (ОРТ, Песня-99, 1.01.00): словарное толкование: штамп – 3.(перен.) трафарет. Нечто избитое, привычный образец, которому следуют без размышления. В данном рефлексиве прагматическое приращение положительной оценки носит индивидуальный, личностный характер. Мена знака с отрицательного на положительный прагматический смысл возникает при индивидуальном понимании штампа как эталона, образца, канона. Метаязыковой комментарий указывает на эту мена, уточняя не прямое значение слова.

– *И почему на нашей эстраде такой дешевый фольклор? Фольклор в самом плохом смысле слова – в смысле непрофессионализма . Все с Запада обезьянничают* АИФ, окт., 2000): словарное толкование: фольклор – народное творчество, совокупность народных обрядовых действий. Негативная оценочная сема формируется на основе смысловой оппозиции «профессиональная –

непрофессиональная (любительская, низкого уровня) деятельность». Фольклор как народное творчество относится к непрофессиональным видам деятельности.

– *Надо делать жизнь хорошей, но не в бандитском смысле слова* (ОРТ, Мы и время, 31.01.00). Общеоценочная лексема «хороший» имеет только положительную оценку, словарное толкование: хороший – 1.Вполне положительный по своим качествам, такой, как следует. Компонент «как следует» предполагает разную нормативную оценку с точки зрения хороших и плохих (бандитов) людей. Отсюда происходит актуализация негативной семы в контексте.

2.3. Стилистическая маркированность лексемы. Как мы указывали выше, польза языковой нормы состоит в том, языковой стандарт, будучи устойчивым и повторяемым, обеспечивает автоматизм речевой деятельности. Разрушение стандарта за счет включения в речь стилистически маркированной единицы приводит к нарушению автоматизма, к проявлению эффекта непрямо́й коммуникации. Речемыслительные процессы, ориентированные на нормативно-стилистический выбор, протекают под контролем сознания и эксплицируются в виде метаязыкового комментирования. При употреблении стилистически маркированной лексики на первое место выступает такой фактор нормы, как языковой вкус, целесообразность, мера, проявляющаяся в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона ввода стилистически сниженной или, наоборот, высокой лексики на фоне нейтральной.

Анализ рефлексивов, реагирующих на стилистический критерий коммуникативного напряжения, показывает, что для современной речи характерна усиленная модализация сообщения: речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц. Помимо метаязыкового контроля за употреблением непрямо́й стилистически маркированной единицы, рефлексивы отражают сдвиги в общей стилистической структуре русского языка на рубеже веков, а именно: изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Они являются маркерами естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса.

Типичным для речи образованного носителя языка становится употребление сниженной лексики с последующим метаязыковым комментарием, пред-

ставляющим собой формулы извинения за выбор грубого (по оценке производителя речи) слова (выражения) в ситуации предполагаемого нормой эмоционально-экспрессивного нейтрального варианта: *Извините, я не хочу говорить эти слова, они очень фривольные, шухер* этот устроила Марья Борисовна (РТР, Концерт, О. Фельцман, 1.08.03); – *И сколько детей Вы настрогали? – Я не буду обсуждать, сколько, извините, не хочу говорить «настрогал»* наш герой, но у него благородная задача (РТР, Моя семья, 9.02.02).

Говорящий может мотивировать выбор не прямой, стилистически маркированной единицы отсылкой к коллективной точке зрения – «как говорят», «все так говорят», «как модно говорить», – занимая позицию активного носителя языка – «такого, как все» речевой опыт которого свидетельствует о высокой употребительности нелитературного варианта. Подобные рефлексивы свидетельствуют о взгляде на обычное, привычное как хорошее и правильное (см. отражение позитивного отношения к нормам «людей» в современном употреблении словосочетаний *как у людей, по-людски* или негативного отношения к людям, не вписывающимся в нормы группы – *выскачка, отщепенец, тот, кто высовывается, выпендривается*) [Васильева 2001: 85]. Так в восприятии коммуникантов осуществляется центростремительный процесс: перемещение нелитературных единиц в литературный язык. Проиллюстрируем данный тип эксплицирования оценки: *Как принято говорить, они парили мозги охране* (Детектившоу, 4.03.00); *А ты молчи, или как говорят, не возникай* (РТР, Телесериал, 13.02.02); *Я нашел одно слово, оно модное сейчас, я, ребята, в завязке* (ОРТ, Пока все дома, 25.01.98); *В США начинают постепенно осознать: их облик всемирного жандарма многим, что называется, «не нравится»* (КП, В. Познер, апр., 02).

Стилистическое понижение сопровождается центробежным процессом, следствием которого является вымывание высокого стилистического яруса. Для современного речевого быта присуща боязнь высокого, громкого слова. Отсюда во всех рефлексивах, в которых комментируется употребление высоких, с точки зрения автора речи, слов, отмечается либо необходимость осторожного с ними обращения, либо негативное отношение к подобным словам: *Мною движет не стремление заработать как можно больше денег для себя, а идея, простите за громкое слово* (Совершенно секретно, май, 2002); *Не люблю красивых слов*

про ауру, энергетику и прочее-прочее (АИФ, февр., 02); *На каком-то возрастном рубеже я поняла, что такое прощение и покаяние. Слова немодные, пафосные, как теперь говорят. Но без них сложно обойтись в предъявлении высокого счета прежде всего к себе. И к окружающим* (АИФ, Г. Волчек, март, 03.).

Характерно, что слова, воспринимаемые как высокие, часто оказываются стилистически нейтральными. Они приобретают в речи коммуниканта признаки не прямой номинации по разным, чаще всего, фоновым критериям. Ощущение высокого задано традицией, в соответствии с которой сферы эмоций, морали, принципов, обозначающих категории абстрактного характера, относятся к высоким духовным ценностям. В силу своей неординарности в контексте повседневной речи они приобретают окказионально высокую стилистическую окраску.

Интересно проследить взаимодействие динамического и стилистического критериев коммуникативного напряжения, которые в совокупности могут усилить эффект непонимания между коммуникантами. Употребление не прямой, стилистически маркированной единицы, обладающей эффектом новизны для слушающего, может осложнить ситуацию общения. Например: В. Пресняков: *Я люблю всякие **понты**.* – Т. Кизяков: *Странное слово. Что это такое?* – *Ну, чтобы были всякие висяюльки, болтались...* – *Можно ли это назвать карнавальностью?* – *Да, хорошее слово.* ..В. Пресняков: *Не люблю **парить мозги**.* – Т. Кизяков: *Что значит парить?* – *Ну, раскладывать все по полочкам...* (ОРТ, Пока все дома. 27.04.03).

Данный диалог может восприниматься искусственно сконструированным разговором, поскольку собеседники являются носителями одной молодежной субкультуры и отлично понимают друг друга, но у телеведущего Т. Кизякова есть сверхзадача: сделать их диалог доступным для всех телезрителей, перевести его в режим прямой коммуникации. Это становится возможным, если по ходу беседы выяснять значения незнакомых стилистически маркированных лексем.

Выделенные нами факторы коммуникативного напряжения, являющиеся основной причиной экспликации языковой рефлексии, являются одновременно

показателями не прямой коммуникации, которая может затруднять общение между коммуникантами, поскольку адресат обычно настроен на режим прямой коммуникации. Для интерпретации высказывания как косвенного он должен прилагать особые, дополнительные усилия. Поэтому говорящим всегда движет страх не быть адекватно понятым своим собеседником. Дисциплинированный адресант в целях предупреждения возможного сбоя прибегает к такому мощному средству ликвидации непонимания, как метаязыковая комментарий. В свою очередь, второй коммуникант тоже имеет право воспользоваться этим приемом для выяснения истинных намерений своего собеседника.

Подытоживая сказанное, сделаем некоторые практические выводы. Общаясь с кем-то, мы не должны упускать из виду, что многие высказывания нашего собеседника могут носить косвенный характер, поскольку не прямая коммуникация является одним из органичных языковых явлений. Смысловые оттенки лексем могут быть при этом затемнены, переиначены, изменены до противоположности. Но в этом случае к нам на помощь всегда приходит наша метаязыковая способность, которая может предупредить возможный сбой при коммуникации или исправить уже сделанную ошибку. Наш коммуникативный «эгоцентризм» нейтрализуется благодаря метаязыковым рефлексивным усилиям. Механизм языкового контроля всегда начеку, поэтому не надо бояться непонимания, не надо отказываться от нового, сложного, маркированного, окказионального в своей речи, то есть всего того, что отличает любую творческую языковую личность. Используя только прямые высказывания, мы тем самым обесцвечиваем свою речь.

Литература

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

Васильева Е.В. Отражение взаимоотношений индивида и группы в русской языковой картине мира // Вестник Московск.ун-та. Серия 9. Филология, 2001, №4.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Виндлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Эти-

мология 1965. М., 1967.

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.ХУІ. М., 1985.

Гловинская М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е.А.Земской. М., 1998.

Дементьев В.В. Антропоцентризм непрямой коммуникации // Вопросы стилистики. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. Саратов, 1999.

Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983, №6.– 67.

Кочеткова Т.В. Эвфемизмы в речи носителей элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики. Саратов, 1998. Вып.27.

Кочеткова Т.В., Богданова В.А. Взаимодействие этических и коммуникативных норм // Хорошая речь. Саратов, 2001.

Крысин Л.П. Иноязычное слово в роли эвфемизма // Русский язык в школе. 1998, №2.

Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи// Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.

Крысин Л.П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994, №5. С.76-82.

Крысин Л.П. Эвфемизация речи как один из путей к коммуникативной толерантности // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Тезисы докл. Междунардн. конф. Екатеринбург, 24-26 окт.2001 г. Екатеринбург, 2001.

Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Б.А.Ларин История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М., 1977.

Меликишвили И.Г. Линейность языкового знака с точки зрения фонологических закономерностей (к целостной и телеологической интерпретации языкового знака) // Вопросы языкознания, 2001, №3.

Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988

Михальская А.К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учебн. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М., 1996.

Москвин В.П. Способы эвфемистической зашифровки в современном

русском языке // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград; Саратов, 1998.

Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999.

Москвин В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания, 2001, №3.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. – Волгоград, 2000.

Шмелев Д.Н. Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Метаязыковой голос в современном публицистическом дискурсе¹¹

Современная лингвистика с ее пристальным интересом к говорящему человеку не может пройти мимо яркого языкового явления публицистического дискурса новейшей России – метаязыкового комментирования [Булыгина, Шмелев 2000; Васильев 2000; Вепрева 2000; Хлебда 1999]. Причины интенсивного проявления метаязыковой функции языка в речи современного носителя языка носят социальный характер. Реформы России продолжают второе десятилетие. Обновление экономических основ, а вместе с ним и политического устройства и духовной жизни привело к активному переустройству в системе современного лексикона. Интенсивные процессы в обществе и языке обостряют языковую рефлексию говорящего. Современная речь изобилует **рефлексивами**, относительно законченными метаязыковыми высказываниями, содержащими комментарий к употребляемому слову или выражению. Высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей. Например: *Как угодно можно относиться к слову «перестройка», но, действительно, она меня перестроила, перевернула мое сознание* (ОРТ, «Доброе утро», 29.03.02); *Я сегодня буду говорить как обыватель, как*

¹¹ Русский язык в центре Европы. 5. Ассоциация русистов Словакии. Банска Быстрица. 2002

гражданин, как патриот, хотя это слово сегодня стало носить краснокоричневый оттенок (ОРТ, «Времена», 14.05.02); *Года четыре назад от одного слова «национализация» российских предпринимателей бросало в дрожь. Вообще-то слова «национализация» бояться нечего: во всех странах с рыночной экономикой есть законы, при определенных обстоятельствах допускающие превращение частной собственности в государственную»* (МК–Урал, янв., 02).

Одна из типичных примет подобных рефлексивных высказываний – обостренное личностное начало говорящего. Носитель языка дает оценочную характеристику актуальному для современной речи слову, а часто через характеристику и той реалии, которую это слово называет. Экспликация оценочного компонента слова в тексте, систематизация повторяющихся, типовых оценок и суждений о слове дает основу для описания речевого лингвоментального портрета нашего современника. Было бы наивно предполагать, что опора только на метаязыковой комментарий может реконструировать картину мира человека, воссоздать исторически меняющееся мировоззрение языкового коллектива. Помимо этого языкового феномена, как, впрочем, и всего языка в целом, в культуре существует много других кодов, несущих в себе такого рода свидетельства. Однако данные языковые факты обязательно необходимо учитывать.

Выясняя причины экспликации метаязыкового сознания, мы пришли к выводу, что бессознательная метаязыковая деятельность говорящего прорывается в сознание в том случае, когда возникают коммуникативные или когнитивные трудности в процессе речепорождения. Рефлексивы представляют собой вербализацию сознательных интеллектуальных усилий по преодолению напряжения, возникающего в речевой и мыслительной деятельности. Учитывая особенности метаязыковых знаний, отражающих языковое и когнитивное сознание индивида, мы выделяем два функциональных типа рефлексивов: 1) коммуникативные рефлексивы, которые реагируют на коммуникативное напряжение; 2) концептуальные рефлексивы, которые реагируют на концептуальное напряжение.

Массив рефлексивных высказываний современной речи позволяет увидеть, что оценочная деятельность языкового самосознания проводится в двух направлениях: в группе коммуникативных рефлексивов даются оценочные

функциональные характеристики фактам речи: точности словоупотребления, сфере употребления слов, фиксируются следы динамики употребления слов и т.д.. К таким рефлексивам можно отнести, например, следующие: *Я обыватель. И весьма этим доволен. Заметьте, слово не ругательное, а самое что ни на есть обиходное. От другого хорошего русского слова «обитель». И дальше – обитать, в смысле «чувствовать прелесть бытового уюта»* (Телемир, авг.01); *Меня, актера Сергея Силина, совершенно не оскорбляет слово «мент», и мне кажется, что это одна из заслуг сериала, что слово «менты» сейчас не считается ругательным. Раньше за это слово можно было получить по физиономии. Сейчас за это слово мы получаем деньги* (КП, июль, 01); *Я не люблю слово «меценатство». Оно сильно напыщенно* (ОРТ, «Доброе утро», 27.10.01).

В данной группе рефлексивов обсуждается коннотативная окраска слов, их стилистическая маркированность.

В рефлексиве *Есть замечательные молодые артисты, режиссеры, которых надо было бы – это плохое слово, но именно – «раскручивать»*. Периодически мы приглашаем «нераскрученных», и чутье нас не подводит (АИФ, 03.01) – обсуждается уместность употребления лексической единицы.

Данный рефлексив – *Душман. Это слово появилось в нашем лексиконе в начале 80-х* (НТВ, 13.05.00) – фиксирует факт появления новой лексической единицы.

В группе концептуальных рефлексивов за оценкой фактов речи скрываются суждения о мире. Для обыденного сознания обычно слово воспринимается как реальность, а реальность как слово. Объектом оценки является сам денотат. Приведем типичный пример концептуального рефлексива: *Только здесь жизнь, здесь постоянно что-то происходит. Из страны я уеду только в одном случае: если сменится власть, если в страну вернется слово «страх». Да и то десять раз подумаю* (МК - Урал, апр., 00). Данный метатекст обсуждает ситуацию, а не слово.

Выявим участки концептосферы, вызывающие напряжение когнитивной деятельности носителя языка.

Усиление метаязыковой концептуальной деятельности индивида на современном этапе связано в первую очередь с высокодинамическим развитием

когнитивного сознания, следствием которого является перестройка мировоззренческих установок, приспособляющих человека к общественно-экономическим изменениям.

Интенсивные процессы в политической и экономической жизни России находят свое отражение в мене концептуальных стереотипов. Современная действительность способствует формированию новых культурных стереотипов сознания, новых концептов. Рефлексивы являются способом фиксации нового опыта, а зачастую и средством его формирования, оказываясь этнолингвистической переменной, влияющей на направление языковых процессов в современном языке новейшего времени, например: *Итак, начальство решило внедрять в народ толерантность. Если б еще народ знал, с чем едят малознакомое слово, которого даже в академическом 4-томном словаре нет. Толерантность – терпимость. Но напиши руководители более знакомое слово, то могла бы выйти насмешка, поскольку «терпимость» в сознании народа связана с «домом», и получилось бы: «дом терпимости». Это не то* (Комсомольская Правда, авг., 01).

При реформировании российской экономики, политическом переустройстве страны произошла идеологическая ломка общественной модели поведения. Следствием этого процесса стало, во-первых, переосмысление лексики политического и экономического дискурсов, во-вторых, – стирание с многих нейтральных по сути слов пейоративной оценки, появившейся в советское время, оценочных идеологических добавок, приращений советского времени – и шире – формирование новых коннотативных смыслов [Купина 2000]. Приведем в качестве примера рефлексив периода перестройки: *«Заметьте, слово «коммерциализация», которое применительно к спорту было у нас таким же ругательным, как и «профессионалы», перекочевало из раздела «Их нравы» в рубрику «Наши достижения»* (Огонек, 1989, №3).

На наших глазах в современной речи наблюдается разнонаправленность оценочных смыслов данных единиц, связанная с динамикой развития рыночных и политических отношений в стране, например: *«Сейчас слово «демократия» стало ругательством, а раньше в перестройку было гимном»* (А.Макаров, Радио 101, 17.12.98); *Слово «демократия» стало ругательным в нашей стране по вполне понятным причинам* (АИФ, ноябрь, 98).

Еще одним фактором, обуславливающим концептуальное напряжение, является мировоззренческая установка языковой личности в социально неоднородном обществе. Оценивая одни и те же факты, носители языка реализуют разные мировоззренческие установки с помощью характеризованных речевых действий в рамках базовой системы координат «свой – чужой». Рефлективы в этом случае выполняют социально-оценочную функцию: *Звучным словом «приватизация» прикрито уничтожение государственной собственности (Отечество, авг., 92); Прикрывают инородным словечком «ваучер» пустые бумажки, поэтому создается иллюзия участия к этому грабежу всего населения страны (Отечество, сент., 92).*

Рефлективы, в которых проявляется мировоззренческая установка говорящего, часто носят агрессивный характер. Приведем ряд подобных метаязыковых высказываний из оппозиционной прессы: *Кто сегодня поддерживает этот шатающийся режим, на ком он держится? Это четыре «Ш»: шакалы режима, шавки режима, шуты режима, шизофреники режима. На этих «Ш» сегодня и шатается режим Ельцина (Наше отечество, май, 93); Если Вы правильно решите эту шараду, можете считать себя черносотенцем, если не смогли решить ничего – вы демократ.. Шарада: 1-й слог – прядь волос, спадающая на лоб. 2-й слог – название льда в русском языке в случае полной победы демократов, рыночников и западников. В целом – главный прихватизатор России (Чуб – айс) (Черная сотня, 93, №5).*

Переломная эпоха обостряет оценочную деятельность оппозиционно настроенной части общества, которая подвергает жесткой критике лексико-фразеологические доминанты нового времени и не включается в процесс усвоения новых стереотипов. Представители оппозиции не заинтересованы в понимании сущности нового концепта, отвергают новое как чужое, присваивая явлению сразу оценочный смысл негативного. Мы не наблюдаем динамики познания объекта, поскольку объект является чужим, и оценка его как чужого лежит в области углубления его отрицательной характеристики.

Степень агрессивности/толерантности зависит во многом не только от личной установки говорящего, но и от психологического состояния общества в целом на данный момент, определяется его социокультурными настроениями. Приведем примеры рефлексивов, демонстрирующих позицию говорящего в ро-

мантическую эпоху 80-х годов, которая отражала искреннее стремление общества к демократизации, стимулировала усиление личностного начала. В этот период даже тревожные факты общественной жизни получали положительную оценку, поскольку впервые эвфемистические наименования получали прямую номинацию: *Не «перерыв» в работе, как стыдливо именовали мы прежде подобные происшествия, а именно забастовка – новое слово в нашем политическом словаре* (Известия, 23.07.89); *Первое июля пополнило наш лексикон еще одним понятием, о котором недавно мы знали только то, что оно активно существует там, на Западе. Мы теперь в стране слишком развитого социализма имеем официальную, законом закреплённую «профессию» – безработный* (Смена, 04.07.91); *Путч. Государственный переворот. Хунта. Слова из другого мира. Наконец-то и мы сподобились* (Московские новости, 01.09.91).

Несмотря на агрессивный характер оппозиционных концептуальных рефлексивов, которые были приведены выше, нельзя не отметить положительный характер их появления. Возможность открытого проявления своей позиции демонстрирует открытость современного российского общества, право говорящего на выражение собственной точки зрения. Это несомненный шаг к возможному толерантному общению в концептуальной сфере, ибо фундаменталистская, интолерантная идеология опирается прежде всего на философию безличности. Взамен внешнего партийного контроля над словом, внутренней партийной цензуры как обязательной социальной установки любой творческой личности в современной России появляются другие типы контроля, обусловленные психологическим устройством языковой личности и вербализуемые в деятельности говорящего/пишущего.

Проявление языковой рефлексии может быть связано с любым словом, метаязыковая деятельность говорящего субъекта движется в непрерывном и всевозможном спектре модальных оценок. Но прежде всего функциональные типы рефлексивов реализуют свой потенциал в тех активных зонах языкового сознания, которые связаны с разрушением языковых и концептуальных стереотипов, формированием новых, с речемыслительной и социально-психологической ориентацией человека в современном мире.

Литература

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. «Стихийная лингвистика» (folk linguistics) //

Русский язык сегодня. 1. М, 2000. С.9-18.

Васильев А.Д. Рефлексивы в телевизионном дискурсе // Речевое общение. Специализированный вестник. Вып.3 (11). Красноярск, 2000. С.28-36.

Вепрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века. Тез.докл.международн.конференции. 1У Шмелевские чтения , 23-25 февр.2000 г. М., 2000. С.26-28.

Купина Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000. С.182 – 189.

Хлебда В. Шесть соображений по вопросу о языковом самосознании // Русистика. СПб, 1999. С.62-67.

Метавысказывания как средство диагностики активных процессов в современном русском языке

Метаязыковые высказывания как речевые сигналы обновления концептосферы постсоветского человека¹²

Когнитивно ориентированная лингвистика обращается к многоаспектным связям человека с миром. Связь языка, мышления, культуры находит отражение в базовом термине современной когнитивной лингвистики — **к о н ц е п т е**. В концептуальном подходе к языковым фактам лингвистов в первую очередь привлекает возможность максимально охватить этнокультурную специфику языкового знака, всю коммуникативно значимую информацию, что достаточно трудно было описать с помощью системно-структурного анализа лексической семантики. Мироосмысление и мирооценка современной русской действительности носителем языка протекают в границах его концептосферы, которая на рубеже веков испытывает сильное воздействие со стороны социокультурных факторов. Мы имеем возможность наблюдать обновление и перестройку концептуальной сферы постсоветского человека, которая, в частности, получает экспликацию в виде метаязыковых высказываний. Обыденное метаязыковое сознание причастно к концептуальному мирозиданию средствами языка, отражает концептосферу носителя языка.

Исследовательский материал, представленный в данной работе, дает возможность утверждать, что слово является главным средством доступа к концептуальному знанию, а метаязыковые высказывания, представляющие собой вербализованные следы мыслительной деятельности, позволяют выделить очаги концептуального напряжения, возникающие в когнитивной сфере индивида [см.: Вепрева 2002].

Обсуждение ментальной реальности концептуальных смыслов не может быть строго отграничено от речевого употребления лексических единиц, номинирующих данный концепт. Метаязыковые высказывания по поводу лексиче-

¹² Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010 (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2).

ской единицы часто можно интерпретировать как рассуждения о том, какой концептуальный смысл скрывается за данной лексемой, или как мнения, касающиеся понимания и точного употребления слова. Языковые и когнитивные знания в данном случае накладываются друг на друга, представляя собой единый когнитивно-коммуникативный процесс использования языка, что называется, *on-line*, в реальном времени. «При этом чересчур ригористическое разграничение суждений о языке и суждений о человеческой жизни часто не только невозможно — оно и не нужно» [Булыгина, Шмелев 1999: 158].

Многочисленные рефлексивы показывают, как часто у говорящего за обсуждением слова скрывается обсуждение концепта. Это может быть 1) актуализация концепта-представления: *При слове «замок» лица людей моментально принимают мечтательное выражение. «Замок» — это лабиринт бесчисленных комнат, мрачные подвалы с привидениями и мощные стены, выложенные крупным булыжником или неровным кирпичом. Замок — это тайна, а людям очень нужны тайны* (Наша газета, 2001, июнь); 2) актуализация концепта-понятия: *Много пьет, громко ругается, имеет обыкновение говорить гадости совершенно незнакомым людям. Одним словом — жлоб* (МК-Урал, 2001, февр.); *Изящное словечко «крамбамбуль» — не столь безобидно. Оно — прямая дорога к алкоголизму в тяжелых формах. Это напиток, который варится как пуни и вреден сивушиными маслами, возникающими при соединении водки с пивом* (МК-Урал, 2000, сент.); 3) актуализация концепта-гештальта, комплексной мыслительной структуры, совмещающей чувственные и рациональные элементы: *Дембель — как много в этом слове... В памяти всплывают трогательные картины: последнее построение, караул, патруль, дембельский поезд. Отдававший армейской жизни никогда не забудет, как отдавал последние сигареты поварам за добавку и сачковал в санчасти от нарядов. Порой так и хочется услышать родной бас за спиной: «А у вас, товарищ солдат, почему сегодня ноги не чищены?»* (Наш город, 2001, февр.).

В фокусе нашего исследовательского внимания находятся смысловые доминанты современной эпохи. Метавысказывания связаны с развитием массового обыденного сознания российского человека, который реагирует на изменения в общественной жизни. Радикальные экономические, политические и социальные преобразования в стране способствуют активному обновлению концеп-

туального мира индивида. Обновление концептосферы постсоветского человека носит особый характер, так как протекает в условиях переходного периода, характеризующегося глубочайшей нестабильностью общества, под которой понимается не просто быстрота и радикальность изменений, но также их рассогласованность по темпу, направленности, степени радикальности в разных сферах общественной жизни, по мере вынужденного приспособления к изменившейся социальной среде. Концептуализация новых знаний соседствует с ломкой, трансформацией стереотипов национального мировидения на современном этапе.

Метарефлексивы фиксируют различные этапы формирования и развития концептов. Современная российская действительность способствует интенсификации когнитивной деятельности носителя языка, которая, в частности, проявляется в обновлении концептуального мира языковой личности.

В данной работе охарактеризуем две зоны когнитивного напряжения.

1. Зона ликвидации лакунарности

Лакунарность связана с проблемой именования концепта в языке. «Под лексической лакуной понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в языке при наличии концепта в концептосфере» [Попова, Стернин 2001: 39]. В когнитивной лингвистике считается, что лучший доступ к описанию концепта обеспечивается языком, который кодирует прежде всего самые важные концепты [см.: КСКТ 1996: 90—91], сигналом сформированности концепта является наличие имени, собственной формой концепта является именно слово, а не высказывание, причем именование концепта носит неслучайный характер [Степанов 2001: 67—79].

Метаязыковому комментированию в современной речи подвергаются слова, называющие реалии, до настоящего времени существовавшие лишь в понятии. Отмеченное словом становится фактом сознания, а сама лексическая единица — окончательным свидетельством включения явления в мир, полностью сформированным концептом: *Свою школьную страсть к фотографии он тренировал повсюду — на репетициях студенческих отрывков, дружеских попойках, на халтурах в городах и весях. Наверное, потому, что никто не знал слова «папарацци», никто и не прятался от его объектива* (МК-Урал, 1999, сент.); *Я с уверенностью говорил родным, что у меня будут водитель и домра-*

ботница. Это был верх креатива в шестом классе. А уж о том, какие бывают квартиры и особняки, мечтать тогда было трудно. Воображения не хватало. Мечталось, **говоря современным языком, о самореализации**. Тогда, правда, **таких слов не было** (Недвижимость и строительство Петербурга, 2007, ноябрь); По инициативе Зимовца в Волжском построен поселок Металлург: рабочим завода тогда выдавали ссуды в размере 25 тысяч полновесных советских рублей. В результате было возведено 600 добротных домов. Споров было немало, но горисполком поддержал частное строительство. Тогда **никто не знал слова «ипотека»**, и Зимовец попросту опережал время (Волгоградская правда (Волгоград), 2007, авг.).

Опираясь на приведенные выше рефлексивы, можем констатировать факт необходимости вербализации тех компонентов концептосферы, которые обладают коммуникативной релевантностью в силу экстралингвистических причин. Языковое представление, отражение мира построено на принципе пиков: вербализируются те концепты, «которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов, 1990: 111].

Слово должно заполнять те пустоты в словарном составе языка, которые обнаруживаются при концептуальном освоении мира. Рефлексивы фиксируют не только наличие лакуны, но и поиски номинации для новых концептов: лакуна заполняется «временными» средствами языка, например — свободными сочетаниями [Попова, Стернин 2001: 47]: *Митины сверстники же — стопроцентно военное поколение, вне зависимости от того, были ребята в Чечне или нет... Из его класса в живых осталось пять-шесть мальчишек! Все остальные погибли. Поумирали, сошли с ума, отравились наркотиками. И все это на престижном Юго-Западе столицы с дипломатическими домами. Прежние войны имели название — а эта еще названия не имеет. Это — война живого поколения за собственную жизнь* (МК-Урал, 2001, июль); *Стены их дома стали прозрачными. Детство юных Никитиных превратилось в показуху. Было нечто, называемое «воспитанием детей в семье Никитиных»*. И была их собственная жизнь, полная проблем, о которых большинство и не подозревало (МК-Урал, 2000, март); *окационными номинациями: Надо видеть этих людей: с грудными детьми на руках и в колясках, придетые, с радостными лицами — у них сегодня праздник, приехал, если можно так сказать, «человек-*

которого-показывают-по-телевизору». Для них это событие на несколько лет (АИФ, 1999, май).

Метаязыковые высказывания вербально фиксируют ликвидацию лакунарности в языке. Они подтверждают существование концепта автономно от слова и являются одним из способов обнаружения невербализованных концептов.

2. Формирование новых концептов в русском языковом сознании

Общемировой научно-технический прогресс, социальные, политические, экономические перемены в России стимулировали стремительное пополнение многих тематических участков русской концептосферы. В целом ряде работ авторы выделяют тематические зоны лексики, которые расширили свои границы, комментируют характер пополнения словарного состава языка, являющегося номинативной базой концептуального фонда [см., например: Ермакова 1989; Сальников 1992; Костомаров 1999; Русский язык конца XX столетия 1996; Шапошников 1998; Стернин 2000; Скляревская 2001, Кронгауз 2007, Новиков 2008 и др.]. Это прежде всего сферы политики, государственного устройства, экономики, финансового дела, религии, медицины, армии, массовой культуры, молодежной субкультуры, спорта, одежды и т. д.

Метаязыковая вербализация концептуального освоения новых реалий «схватывает» те участки бессознательного речемыследействия, которые вызывают напряжение. Концептуальные рефлексивы позволяют уловить базовые моменты формирования нового концепта, когда в язык входит новая лексема, не насыщенная концептуальным смыслом. Ее наполнение может происходить по-разному.

Появление новой лексемы — сигнал к началу формирования нового концепта. Если концепт важен и актуален для общественной жизни страны, формирование концепта происходит интенсивно. Так случилось, например, с появлением нового концепта для современной России — концептом *новые русские*. В сознании современного носителя языка сложился социальный стереотип *нового русского* — необразованного, неинтеллигентного нувориша, обогатившегося нечестным путем за счет отмыwania грязных денег. Портрет нового русского имеет многоаспектный характер — от внешних атрибутов до характеристики отношений в семье, психологического состояния, уровня богатства, стиля

жизни, ценностных ориентиров и т. д. Усвоенность стереотипного представления подтверждается наличием большого количества анекдотов про новых русских. Полному формированию концепта способствовало теоретическое осмысление нового понятия, к которому присоединились и лингвисты [см, например: Свободное слово... 1996; Руткевич 1996; Устимова 1996; Заславская 1997; Сафонова 1998; Козлова 1999 и др.].

Проиллюстрируем работу метаязыкового сознания при формировании новых концептов на материале двух единиц – *гламур* и *пиар*.

В фокусе общественного внимания в новейшее время оказался концепт *гламур* [см.: Вепрева, Купина 2006], концептуальное освоение которого явилось «жизненно оправданным» [Костомаров 1999: 87]. Метаязыковые высказывания позволяют проследить формирование концепта, номинированного данным словом. Первоначально оно употреблялось для обозначения западного («не нашего») стилевого направления, преимущественно в моде, нередко заключалось в кавычки и передавалось латиницей. Иностранное слово входило также в язык со значением ‘блеск, шик, роскошь’, причем данное значение специально разъяснялось: *Шеф маленького модельного агентства предельно откровенен: «Glamour» – это специфический термин. Его приблизительно можно перевести как «шик»; слово «glamour» и значит блеск.* Активизацию слова в речи обусловило и появление специального глянцевого журнала «*Glamour*».

Следующий этап вхождения слова в речевой обиход и концепта в языковое сознание связан с его кириллическим воспроизведением. За короткий срок оно приобретает высокую частотность. Так, по данным Интегрума, если в течение 2000 года в текстах центральных СМИ слово употреблялось около 300 раз, то в 2005 году количество употреблений превысило 8 тысяч. Языковая рефлексия свидетельствует, что, по ощущениям носителей языка, существительное *гламур* становится модным и отражает стремление людей к демонстрации своего богатства. Употребление слова в живой речи стало сопровождаться оценкой, отражающей неприятие не свойственного русской культуре нарочитого великолепия: *Слово гламур лезет в голову; употребляется не к месту; учит легкомыслию, утверждает не наши ценности; Перевести слово гламур на русский довольно сложно – это шик, смелость, элегантность и красота «в одном флаконе».* Наряду с другими заимствованиями существительное *гламур* оценивает-

ся как «малопривлекательный неологизм русского языка». Последнее, однако, не снижает активности его реализации как в письменной, так и в устной речи.

Частотность употребления слова *гламур* способствовала появлению безоценочного обозначения стилевого направления не только в моде, но и в искусстве, медийном пространстве и др.: *Если до сих пор Катя предпочитала одежду в спортивном стиле, то теперь собирается добавить в свои наряды гламура*. – Мне нравится спортивный *гламур*, – поясняет певица; «Золотой теленок» – продукт эстетики *гламура* (суждение о новой телевизионной версии романа И.Ильфа и Е.Петрова); *Гламур* – это стиль хай-тек с элементами классики; Специфика этого телевизионного сезона – так называемый *гламур*: приглашаются известные лица, например, телеведущая Ксения Собчак.

Еще один достаточно устойчивый смысл – ‘образ жизни, свойственный богатым, отражающий потребительскую психологию, характерную для постиндустриального общества, и пропагандируемый глянцевыми журналами и массовой литературой’. Например: *Глянцевые журналы диктуют один и тот же образ жизни – гламур* – человека-потребителя, лишенного каких бы то ни было духовных запросов. Они породили стереотипы жизни богатых.

В осмыслении понятия немаловажно визуальное впечатление выделяемости, заметности, экстравагантности: *Стиль «голливудский гламур»: яркие губы с четким контуром, подчеркнутый с помощью пудры и румян рельеф скул, безупречная кожа*. На визуальном впечатлении основаны метафорические употребления: *В дуэте из «Травиаты» облако гламура окутало всю фигуру американской дивы плотной розовой дымкой; марево гламура*. Визуализация способствует появлению синонима *глянец*: *Гламур* – это наведенный *глянец*. В подобных высказываниях особенно ярко проявляются актуальные для текущего момента смысловые наслоения ‘показной, нарочитый’.

При освоении нового понятия участвуют не только зрительные, но и вкусовые, реже – обонятельные ощущения. Здесь лидирует представление сладкого, приторного: *это сладкое слово гламур; мармеладный гламур; карамельный гламур; шоколадный гламур; благоуханный гламур*. Возникает культурное отторжение понятия *гламур* как ‘лишенного внутренней глубины’, – ‘несерьезного’, ‘поверхностного’. Модные журналы связывают с *гламуrom* романтическое очарование, элегантность, изысканность, в живой речи *гламур* оценивают

как показной шик, за которым стоит пустота: Порой *под этим словом понимают совершенно разные вещи* – от безукоризненной и даже строгой элегантности до разнузданной экстравагантности. Единственное, в чем сходятся все, – *гламур* сегодня в моде, и с этим спорить невозможно.

Поскольку эстетика и психология гламура широко транслируются телевидением, кино, литературой, журналистикой, концепт *гламур* стал восприниматься как идеологема. Внедрение этой идеологемы в систему национальных идеологических ценностей наталкивается на сопротивление: *Слово гламур – это все то, что светит, но не греет; Слово гламур – это «сделайте мне красиво»; Слово гламур – это пустота в нарядной хрустящей обертке; Слово гламур – это дорогие понты, отождествляемые в обыденном сознании со сладкой жизнью*. Категория, лишенная духовной составляющей, не дающая пищи уму и сердцу, отторгается как чуждая отечественной культуре: *Розовоголубой гламур развалился на троне, диктуя устами доморощенных стилистов и клипмейкеров, как нам надо жить, питаться, выглядеть, дышать и прочее...*

Действенное средство, используемое против пропаганды идеологемы *гламур*, – ирония, которая часто звучит в газетных заголовках: *Полный гламур; С гламуром по жизни; С гламуром на ты; Вся власть гламуру; В гламуре жить и умереть; Наш ответ гламуру; Жить – по гламуру? Глянцевый гламур или гламурный глянец?* Порой ощущается горькая ирония: *Родина – второстепенная для гламура; Уже не до гламура* и др.

Итак, в русском языке в структуре концепта *гламур* можно выделить несколько концептуальных слоев: 1. Стилиевое направление в моде, разных видах искусства, журналистики и др.; 2. Шик, блеск, роскошь в многообразных проявлениях. // Неодобр. Показной шик, нарочитая экстравагантность; 3. Роскошный образ жизни, свойственный богатым.

Многообразие оценочных обертонов, ирония, нередко сопровождающая употребление заимствования, наличие метаязыковой информации свидетельствуют о национально специфическом освоении актуального концепта *гламур* в русском языке и общественном сознании.

Метаязыковая информация помогает также, например, выявить стадии принятия в обществе и закрепления в языковой системе иноязычной лексической единицы *пиар*, номинирующей новый в русском языковом сознании кон-

цепт. Слово *пиар* активно функционирует в русском языке, превышая «порог частотности» [Комлев 1992:187], становится популярным. Оно входит в 10 000 самых частотных слов современного русского языка (по данным базы данных Интегрум). По частотности лексема стоит рядом с такими усвоенными русским языком единицами, как *политехнический, полиграфический, социум, согласовывать, приватизированный* и др. Высокочастотные лексические единицы с элементом новизны обладают признаками, входящими в ядро модных ценностей [Гофман 2000: 16]. Метаязыковая деятельность современного говорящего позволяет выделить корпус рефлексивов, в которых носитель языка определяет заимствованную лексическую единицу *пиар* как модную: *Возникло еще одно модное слово «пиар»* (Век, 2000, март); *Модное иностранное слово «пиар»* (Деловая Москва сегодня, 2000, окт.); *Новомодное слово «пиар»* (Алтайская правда, 2003, май). Модное слово может быть источником привлекательности, и в результате лексема приобретает эпитеты *благозвучный, заморский, красивый, заграничный*: *Благозвучное новообразование слово «пиар»* (Сегодня, 1995, июль); *Красивое слово «пиар»* (MN-Бизнес, 1996, дек.); *Заграничное слово «пиар»* (Правда, 2002, дек.). Новизна, необычность слова *пиар* вызывает модальность удивления и получает в рефлексиве определение *загадочное*: *Красивое и загадочное слово «пиар»* (Московский комсомолец, 1999, дек.).

Знакомство с новым словом перерастает в стремление познать его, возникает интерес к инновации, который реализуется в рефлексивах чаще всего как дескрипция, как описание основных семантических компонентов: *Слово «пиар» – это деятельность, направленная прежде всего на установление и поддержание общения и сотрудничества между организацией или лицом и общественностью* (Рабочий край, 2000, ноябрь); *Словом «пиар» называется деятельность профессионалов, работающих над созданием образа, положительно воспринимающегося обществом* (Регион-Информ, 2000, март); *Слово «пиар» означает сплошную пропаганду власти* (Кубань сегодня, 2004, май); *Ныне словом «пиар» обозначают действия, порой довольно бесцеремонные, но незаслуженному улучшению своего имиджа или дискредитации конкурента* (Эксперт, 2005, окт.). Материал демонстрирует, что носитель языка, с одной стороны, придерживается терминологического определения понятия *пиар*, четко очерчивает границы данного понятия, не добавляя при этом индивидуальных

смыслов. В этом случае базовый семантический компонент индивидуальных толкований полностью совпадает с общеязыковым. С другой стороны, при осмыслении слово получает индивидуальную интерпретацию. При этом говорящий нагружает слово отрицательными смыслами: *‘пропаганда власти’, ‘бесцеремонные действия’, ‘незаслуженный’, ‘дискредитация конкурента’*. Разъясняя, делая неизвестное собеседнику понятным, говорящий вместо толкования лексемы *пиар* ограничивается иллюстрацией, наглядно демонстрирующей суть понятия: *Можно долго объяснять, что такое слово «пиар». Проще напомнить, как из никому неизвестного шефа ФСБ сделали кумира россиян, о его ошеломительной победе на президентских выборах* (Хронометр (Кострома), 2000, окт.).

В большинстве аналитических высказываний (не всегда метаязыкового характера) индивид, обращаясь к определению слова *пиар*, использует оппозицию *русский – американский / мы – американцы / Россия – Запад*: *Больше всего наши пиарики любят (в отличие от американцев) негатив («черный» PR). Компромат «сливают» в газеты, при этом информация не обязательно должна быть правдивой. Поэтому слово «пиар» стало почти ругательным* (Хронометр (Кострома), 2000, дек.); *На Западе под пиаром понимают комплекс методов, позволяющих бизнесменам вести цивилизованный диалог с властями и обществом* (Бизнес-класс (Архангельск), 2000, янв.); *Слово «пиар» пришло из английского и означает совсем невинное понятие. У нас под понятие «черный пиар» можно подогнать любую ставшую известной негативную информацию* (Орловский меридиан, 2003, авг.).

Материал показывает, что в обыденном сознании носителя языка четко закреплено два понимания пиара – западное и российское. Причем западное понимание пиара (несмотря на то, что американцы также используют противозаконные технологии) языковая личность ставит в противовес пониманию российскому, нагружая последнее отрицательной оценочной семантикой: *Американские пиарики чистюли во всем. Правильные очень. Не в пример российским* (Хронометр (Кострома), 2000, ноябрь); *Только в России словом «пиар» именуют рынок противозаконных манипуляций. Public relations – это нормальная солидная деятельность, но к тому, что у нас называют пиаром, никакого отношения не имеет* (Время новостей, 2003, янв.); *У нас PR-*

деятельность известна в русифицированном переводе – «пиар». Очень досадно, что звучит в нашей среде слово «пиар» отнюдь не гордо, а чаще всего пренебрежительно-уничтожительно, а на Западе пользуется большим уважением (Гудок, 2004, март); В том, что стоит за русским словом «пиар» (в отличие от западного), нет ни идеи продолжительных усилий, ни идеи доброжелательных отношений (Знамя, 2006, июль); Слово «пиар» по-русски звучит как «вранье» (Молодежный курьер, 2003, авг.); У нас слово «пиар» стало символом нечистоплотности (Вечерний клуб, 2004, ноябрь).

Отрицательный коннотативный ореол концепту пиар придают конкретные негативные смыслы, такие, как 'негатив', 'компромат', 'противозаконные манипуляции', 'вранье', 'нечистоплотность'. Набор отрицательных характеристик увязывается с манипулятивным характером деятельности, обозначаемой данной лексической единицей.

Неэтичные приемы, используемые в период предвыборных мероприятий (организованное распространение лживых, оскорбительных и дискредитирующих слухов, распространение клеветнического компромата), а также отрицательный характер манипуляции в целом объясняет причину добавления к лексеме пиар эпитета *черный*: После выборов слово «пиар» приобрело цвет, к сожалению, *черный* и особый смысл науки манипулирования общественным сознанием (Советник, 2006, авг.); Словосочетание «*черный пиар*» – это *недостоверная, компрометирующая информация о политических конкурентах* (Владимирские Ведомости, 2007, март); Популярное ныне словосочетание «*черный пиар*». Появились первые пострадавшие от *черных пиар-технологий*. газета «Патриоты России заполнена *компроматом* на КПРФ (Вятский наблюдатель, 2007, окт.); Слова «*черный пиар*» – это *поливание друга помоями* (Дело, 2007, окт.).

Интересно отметить, что данное словосочетание вернулось в язык-источник как русское по своему происхождению. Данный процесс фиксирует база данных англоязычной прессы Factiva.com, например: *In a recent interview with the Russian business daily Vedomosti, Mr. Deripaska claimed that allegations of criminal activity against him made by business rivals in U.S. and U.K. courts were «a lot of black PR» – a Russian term for false propaganda («черный PR» – русский термин ложной, фальшивой пропаганды)* (The Wall Street Journal 19.04.2007). В

США возникли названия организаций, включающих словосочетание *Black PR: Black PR Wire and the Asian American Journalists Association, The National Black Public Relations Society (NBPRS)*.

В словаре финской исследовательницы О. Парикка «Азбука матушки России» букву «л» манифестирует слово *ложь*, содержательная суть которого раскрывается с помощью двух номинаций, как указывает автор, типичных для России: *musta PR* и *kompromat* (*черный пиар* и *компрома́т*) [Parikka 2007: 189–194].

Итак, метаязыковое сознание носителя языка, вербально выраженное в рефлексивных высказываниях, демонстрирует отношение языковой личности к новому концепту *пиар*. В значительной части рефлексивных высказываний говорящий противопоставляет российский пиар западному, нагружая понятие негативными идеологическими добавками, превращая его в идеологему. Набор конкретных идеологических смыслов указывает на манипулятивный характер политической деятельности, обозначаемой словом *пиар*. В метаязыковом сознании лексема отождествляется, прежде всего, с использованием ее в сфере политики, уже – в системе предвыборных технологий, нарушающих принятые в обществе нравственно-этический нормы, и на этой почве слово приобретает эпитет *черный*.

Мы рассмотрели метаязыковые высказывания, которые являются речевыми сигналами развития и пополнения концептосферы современной языковой личности. Подводя итоги наблюдениям, мы можем сделать некоторые выводы о поведении обыденного сознания при интенсивном обновлении концептуальной сферы.

При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления культурной семантики. Когнитивной мотивировкой этого процесса является стремление объяснить наблюдаемые социальные и культурные явления экстралингвистической сферы. Обыденное освоение новых концептов опирается на житейский опыт и повседневную практику, поэтому не имеет системного характера, не охватывает рефлексивно полно, исчерпывающе новые и актуализированные концептуальные смыслы. При этом для обыденного сознания характерна личностная пристрастность. Рефлективы точно, штрихами обозначают наиболее актуаль-

ные зоны концептуального напряжения, позволяют увидеть то, что важно для концептуального осмысления в ходе живого контакта с миром и что доступно обыденному сознанию, тем самым подтверждая подлинность и достоверность теоретического систематизированного сознания.

При этом сами рефлексивы являются суждениями, формирующими концепт. Обсуждая слово в различных аспектах, рефлексив добавляет новые знания либо закрепляет смысловые изменения, вербализует то, что усваивается другими невербализованно. Формируемый запас смыслов в ходе коллективной интеллектуальной деятельности субъектов и представляет совокупный социальный опыт людей в период перемен.

Литература

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Вепрева И.Т., Купина Н.А. Гламур // Русский язык за рубежом. 2006, №4.

Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М., 2000.

Ермакова О. П. Новые слова русского языка (в аспекте фразеологической семантики) // Русистика. 1989. № 1.

Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2.

Козлова Л. А. Информационно-аналитические еженедельники как новая типологическая группа журнальной периодики постсоветской России // Вестн. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 2000. № 6.

Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. М., 1992.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др. М., 1996.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.

Новиков Вл. Новый словарь модных слов. М., 2008.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.

Русский язык конца XX века (1985—1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Руткевич М. Какие же классы теперь существуют в нашей стране? // Российский обозреватель. 1996. № 4.

Сальников Н. М. Новое в лексике современного русского языка // Zielsprache Russisch. Munchen. 1992.

Сафонова Ю. А. Новые русские: (Заметки об одном новом фразеологизме) // Русистика. 1998. № 1—2.

Свободное слово: Интеллектуальная хроника десятилетия, 1985—1995. М., 1996.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам: Корейская ассоциация славистов. № 6. Сеул, 2001.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Стернин И. А. Что происходит с русским языком?: Очерк изменений в русском языке конца XX века. Туапсе, 2000.

Шапошников В. Русская речь 1990-х: Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.

Устимова О. В. Пресса о «новых русских» и «новых бедных» в составе средних слоев // Вести. МГУ. Сер. 10, Журналистика. 1996. № 1.

Parikka O. Äiti-venäjän aapinen. Atena/ Jyväskylä. 2007.

Метаязыковые высказывания как сигналы стилистических сдвигов: к проблеме новых методов исследования¹³

Русский язык современной России в 21 веке переживает новое состояние, чутко реагируя на изменения в социуме. Если говорить о нормативно-

¹³ Stylistika XX 2011 / Polish Academy of Sciences, Opole university, Opole Learned society. Opole, 2011.

стилистической системе современного русского языка, то ученые отмечают в ней явные стилистические сдвиги. С одной стороны, отмечается общий процесс, ведущий к стилистической сниженности речи, проявляющийся в отказе от прежней официозности, усилении разговорной струи и экспрессивной составляющей текста. Либерализация стилистических норм литературного языка привела к чрезмерному и часто неумеренному употреблению сниженной лексики: просторечной, жаргонной и арготической, грубо вульгарной.

С другой стороны, стилистическое понижение сопровождается центробежным процессом, следствием которого является вымывание высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковыми стихиями разграничивались в соответствии со знаменитой ломоносовской теорией «трех штилей». Система трехстилевых уровней языка способствовала постоянному созданию новых средств «среднего» стиля. Экспансия разговорности в литературном языке привела фактически к утрате высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной (см.: Колесов 1999: 142). Ироническое отношение к высокому стилю поднимает средний стиль до высокого, а средний, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, стал заполняться сниженной лексикой. Так произошел, по мнению В. В. Колесова, процесс смещения стилистических уровней языка.

Лингвисты в своих работах активно обращаются к описанию данного процесса. Но кроме ученых эти подвижки ощущает и рядовой образованный носитель языка. Нормативно-стилистическая система языка — это та его область, которая непосредственно связана с сознательно-культурным началом в языке. Стабильность системы должна обеспечиваться движением в оптимальных пределах. Резкие отступления от норм, нарушающие относительно подвижное равновесие, активизируют отрицательную оценочную деятельность современных носителей языка по поводу этих нарушений.

Рефлексивная деятельность языкового общества, проявляющаяся как аксиологическая реакция носителя языка на ненормативное вхождение в литературный язык сниженной лексики, как боязнь употребления высоких слов, свидетельствует о динамике нормы в рамках синхронной системы языка. Метаязыковая способность языковой личности вербально реагировать на стилистически

маркированную единицу, включаемую в текст, интенсивно проявляет себя в современной публицистике. Корпус метаязыковых высказываний представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые свидетельствуют о тех или иных активных языковых процессах в современном русском языке, а также фиксируют направление этих процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий формирование стилистических норм нового времени. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок.

Объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания, которые относятся к стилистической критике уместности / неуместности употребления слова, свидетельствующей о размывании границ функциональных стилей и расшатывании литературной нормы.

Дифференциация современного социума по культурно-речевой эрудиции позволяет выделить носителей элитарной и среднелитературной речевой культуры, для которых слово является «поступком в личной жизни» (Г. О. Винокур). Безусловно, именно в речи этих людей отражаются живые стилистические процессы современного языка. Этому способствует свобода образованного человека к творчеству выражения, которое обнаруживается «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» (Степанов 1997: 718). И здесь на первое место выступает такой фактор языковой нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера), проявляющийся, кроме всего прочего, в осторожном вводе «сильной» лексики, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы «зоны безопасности».

«Избыток чуткости к священному достоинству» языковой нормы (С. Аверинцев) усиливает метаязыковую деятельность говорящего/пишущего, поскольку в предпочтении одного языкового средства другому, в степени осознанности выбора предстает автор рефлексивного высказывания, переживающий степень соответствия/несоответствия определенным нормативно-ценностным представлениям. Смена стилистических стереотипов, изменения в стилистических нормах заставляет говорящего мотивировать свой выбор.

Отметим типы эксплицированных оценок речи, комментирующих стили-

стический выбор говорящим сниженного слова.

1 группа метавысказываний. Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает культурно-речевой дискомфорт. Ему приходится виниться. Говорящий делает попытку изгладить нравственную вину (Верещагин, Костомаров 1999: 9), совершаемую в слове. Выбор грубого (по оценке производителя речи) слова (выражения) в ситуации предполагаемого нормой нейтрального варианта сопровождается формулами извинения: Например: *Потому что нужно ж будет чем-то прикрыть оставшуюся после покупки квартиры в Москве голую, **извините, задницу*** (Аргументы и факты; 30.11.2005); *Про чьи-то, **извините, жопы** на первой полосе, про светские тусовки или абстрактные аналитические статьи, из которых трудно будет что-либо понять?* (Независимая Газета; 03.02.2009); *Когда живешь и думаешь: «Вот у нас, **извините, говно**, а там...»* (Журнал ТВ Парк, Москва; 21.05.2001); *Уверен, эти два народа смогут решить возникшие проблемы, главное, чтобы между ними не было, **извините за грубое слово, говнюков-провокаторов**, шепчущих гадости на ухо* (Александр Карелин, Трехкратный олимпийский чемпион, доктор педагогических наук, член-корреспондент Петровской Академии наук; Советский спорт; 01.08.2008).

Иногда говорящий винится не за грубое, а за ощущаемое как не вполне позволительное в данной официальной ситуации слово: *Жильцы аварийного дома с надеждой ждали окончания строительства, но и здесь нас попросту пытаются, **извините за грубое слово, «кинуть»*** (Граница России; 28.06.2006); *Я буду **гнобить**, извините за это слово, всех, кто вносит дестабилизацию в обстановку в городе!* (Сергей Азаров, глава администрации Игарки; Красноярский рабочий; 12.03.2009); *Зато они в совершенстве овладели искусством рекламировать и **впаривать**, извините за это слово, доверчивым пациентам свое лечение, после которого болезни только прогрессируют* (Сергей Алексеев, руководитель департамента здравоохранения Краснодарского края; Кубань Сегодня (Краснодар); 24.01.2008).

Чаще всего метаоператоры представляют собой этикетные клише, готовые формулы (*извините, простите за ...*), вводимые в текст при употреблении табуированной лексики. Парадокс заключается в том, что, извиняясь, говорящий тем не менее употребляет ненормативную лексику. Метавысказывание при

этом сигнализирует о выборе эмоционально-экспрессивного варианта как предпочтительного, прямо выражающего отношение автора речи к обозначаемому, о начале процесса детабуизации сниженного слова. Поддерживает процесс активного вхождения в язык сниженной лексики употребление данного пласта лексики без метаязыковых поддержек. Например: *Конечно, прямое назначение жёнищины – дети. Карьера по сравнению с этим, **извините за грубое слово, фигня**. Карьера **пудрит мозги** многим жёнищинам* (Надежда Викторовна Шотт, магистр народной медицины, академик энергоинформационных наук; Московская правда / Зазеркалье N 03.03.2007); *В прошлом месте мы «накрыли» (**извините за это слово**) ночлежку граждан, незаконно проживающих на территории области. И ни где-нибудь, а в Переделкине. Четыреста иностранных рабочих **вкалывали** на объектах города Москвы, а в Подмоскowie жили* (Борис Всеволодович Громов, губернатор Московской области; Волхонка (Ногинск); 01.08.2002).

О вытеснении среднего стиля низким, вульгарным как о процессе, практически завершившимся, свидетельствуют количественные данные, собранные с помощью поисковой системы Интегрум. На базе 2766 источников русскоязычных СМИ (центральных и региональных) был подведен подсчет употреблений ряда грубых слов, таких как *говно, жопа, задница* и др. за последнее десятилетие: с 2001 по 2010 г. Выборка материала дала следующие результаты: *говно* – 5085 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 11 употреблений; *жопа* – 4689 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 19 употреблений; *задница* – 19 070 употреблений, из них с метаязыковым вводом *извините...* – 99 употреблений.

В стилистическом общении образованных людей усилилась тенденция употреблять слова низкого стиля в неуместной для этих слов ситуации. Приведем два ярких примера. Один – цитата из речи президента России на Мировом политическом форуме «Современное государство: стандарты демократии и критерии эффективности». 10 сентября 2010 г., на второй день работы форума, Дмитрий Медведев обозначил свое отношение ко многим важнейшим проблемам России и задачам, стоящим перед страной: *Тот, кто говорит, что мы находимся в тоталитарной системе, тот или лукавит, или у него **хреновая** память.*

Вторая цитата из статьи известного критика, обозревателя «Литературной газеты» Льва Васильевича Пирогова «Постмодернизм и национальная идентичность», опубликованная в литературно-философском журнале «Топос» (15.05.02). Обратите внимание на манеру изложения его критических соображений по поводу научной публикации литературоведа Марка Липовецкого. Мы приводим два отрывка из его статьи:

*Возвратившись в так называемое «домой», с нечеловеческим удовольствием прочел статью Липовецкого в майском «Знамени». <...> Липовецкий там гениально предугадал батальную **шнягу** с Упромыслами и Петюками – гениально предугадал и гениально же подытожил. Одно лишь режет печалью глаз: он окончательно утвердился в поле немодных академических штудий: верность постмодернизму его подвела. Будет теперь постмодернизм вроде куры с яйками: сверху на живом **жсопой**. Я-то бы, конечно, хотел, чтобы всякое слово о новых тенденциях грелось от иных брендов... **Ну да фигня**. Постмодернизмов было два, пишет Липовецкий пополам со своим голландским **подельником**. Ранний представлял собою «бурю и натиск». Это когда **хуй проссышишь и все матерятся**, потому что «мир как текст». Поздний постмодернизм, наученный горьким опытом **пиздюлей**, научился допускать наличие вне текста некоей «референциальной реальности», которая, может, и нуменальна, но изредка сигнализирует о себе.*

*<...> Понятно, что для того, чтобы обрасти ракушками мирового опыта, надобно включиться в мировой же контекст. А туда **не берут на шару**, как в НАТО. Туда можно вступить, только изумив мировой контекст какой-нибудь национально-культурной идентичностью. То, что в свое время не удалось Пушкину (хоть он и был хороший), – удалось Лермонтову, одному из первых протопостмодернистов. Именно он заразил европейцев идеей насчет того, что все **говно**, кроме пчел, и пчелы **говно**. Она и так в европейских мозгах бродила, но вот дистиллировать смог только он – в образе «лишнего человека». Ведь весь постмодернизм был последовательной и упорной разработкой мысли о том, что человек – лишний.*

Подобный «отвязный стиль» внутри интеллигентской среды существует давно, в советское время он представлял собой своеобразное языковое сопротивление существующему официозу, а сегодня эта эпатажная форма языкового

существования смыкается с общей тенденцией к стилистической сниженности речи.

2 группа метавысказываний. Говорящий, сопротивляясь бурной стихии просторечной и жаргонной лексики, чаще всего мотивирует выбор единицы социально ограниченного употребления отсылкой к коллективной точке зрения, «прячется» за чужую речь. Чтобы не стать жертвой дурновкусия, носитель литературного языка свою свободу в стилистическом аспекте реализует в совмещении своей и чужой речи. Например: *Меня, как сейчас говорят, подставили, поручив исполнить этот портрет* (Аргументы и факты; 08.05.2001); *К тому же наша страна стоит на перепутье: что-то мы берём от Запада, а что-то – как сейчас говорят, дикий беспредел – от Азии* (Аргументы и факты; 11.04.2007); *Даже когда они сочиняли развлекательную музыку, у каждого была задача сделать так, чтобы слушатель развивался, а не просто получал сиюминутное удовольствие, как сейчас говорят, «оттянулся», «поколбасился»* (Аргументы и Факты; 24.03.2010); *И дяденька, как сейчас говорят, «попал на бабки»* (Вечерняя Москва; 24.05.2005); *Их могли бы, как сейчас говорят, отмазать, но они отправились добровольцами и почти все погибли* (Вечерняя Москва; 13.11.2009); *После чего, как теперь выражаются, «завязал», к картам не прикасался* (МК; 23.10.2008).

Ориентация на чужое слово, выраженная в метавысказывании, имеет определенный подтекст, говорящий как бы говорит: «Я прекрасно знаю, что, применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил нелитературное выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику по моему адресу, ввожу формулу: “как говорят...”. Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» (Шварцкопф 1970: 293).

К этой же группе можно присоединить метаязыковые высказывания, которые комментируют слова с функционально-стилевой окрашенностью ссылкой на чужое авторитетное слово: *Для другого, к примеру, психотерапевта, «деньги – говно» – это я Фрейда цитирую* (Комсомольская правда; 02. 2009);

Как в жизни: полоса говна – полоса повидла. Так говорит Табаков (МК; 12.2008).

Аргументацией употребления сниженного слова, представленной в рефлексиве, может быть ссылка на частотность употребления единицы («все так говорят»), ссылка на языковую моду. Адресант через рефлексив «все так говорят» реализует позицию активного носителя языка – «такого, как все», речевой опыт которого свидетельствует о высокой употребительности нелитературного варианта. Подобные рефлексивы демонстрируют готовность говорящего усмотреть возможность разных взглядов людей на одну и ту же ситуацию, на одно и то же слово, подчеркивают свободу говорящего в стилистическом выборе. Они свидетельствуют о взгляде на обычное, привычное как хорошее и правильное.

Стилистическое понижение сопровождается центробежным процессом, следствием которого является вымывание высокого стилистического яруса. Современный речевой быт обнаруживает двойственное отношение к высокому стилю. «В бытовой речи нам присуща боязнь громких слов» (Колесов 1998: 216). Мы избегаем их, так как хотим сохранить высокие слова для тех моментов, когда они окажутся уместными в речи. Отсюда все метаязыковые высказывания, в которых комментируется употребление высоких, с точки зрения автора речи, слов, отмечают необходимость осторожного обращения с ними: *Не хочется произносить громких слов* в адрес фигуристки, хотя они более чем уместны (Время новостей; 21.03.2005); *Не хочется говорить пафосных слов*, но Борис Владимирович был рыцарь театра (Газета (Москва); 04.12.2002); *Впрочем, я боюсь пафосных слов*, говоря о ней (Газета (Москва); 18.09.2007); *Я изучил период биографии своего героя, о котором мало известно широкому кругу, и, простите за пафосные слова*, взял боль героя на себя (Гудок; 24.04.2007); *Мне не хочется произносить здесь пафосные слова. Скажу так: это просто большая часть моей жизни и творческая работа, которую я очень люблю* (Н.Сванидзе, Журналист; 16.04.2002); *Не побоюсь высоких слов* и скажу: словно свежая струя кислорода влилась в мою кровь после прочтения первых же номеров (Ветеран; 16.05.2006); *Простите меня за это высокое слово* (Аргументы и факты; 07.11.2001); *Высокие слова у нас обесценены*, но тем не менее есть среди нас люди, которым не чужды такие понятия, как «долг»,

«верность», «совесть» (Ветеран; 06.11.2007).

Неприятно пафосной лексики способствует предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался расхождением между официальным и неофициальным языком. Официальный язык советской эпохи со своим набором речевых стереотипов, использующих высокую лексику, занял нишу высокого стиля: он звал в бой, трубил о небывалых достижениях народа, культивировал путь к сияющему идеалу. Носитель русского языка советского времени был двуличен. В рамках делового официального общения он оперировал набором принятых выражений и в то же время в дружеском общении он высмеивал свои слова и речевые поступки (Руденко 1995: 26). Отторжение официального языка как языка лжи автоматически отторгает и пафосную лексику. Вымывание высокого стиля – это своеобразная реакция на советский официоз, лжевысокий стиль тоталитарного времени.

Высокие слова приобретают характеристику тривиальных слов, лишенных оригинальности, в качестве иллюстрации приведем типовую сочетаемость со словосочетаниями *пафосное/высокое слово*: банальные и **пафосные слова**; пустые **пафосные слова**; общие **пафосные слова**; инфантильно-пафосные слова. Одним из оснований для негативно окрашенного эмоционально-оценочного фона высоких слов является противоречие между высоким статусом слова и его лживым содержанием: фальшивое **пафосное слово**; льстивые и **пафосные слова**; сплошная фальшь, сплошная ложь, все эти **высокие слова**; доходчивые, простые, а не **высокие слова**; не пустые **пафосные слова**, это истина. За маской высокого слова могут скрываться неблагоприятные поступки: *Прикрываясь высокими словами о науке, коммерческие кладоискатели все энергичнее ищут подводные сокровища* (Время новостей; 26.06.2008).

Анализируемый массив метаязыковых высказываний позволяет говорить о противопоставлении семантической опустошенного высокого слова реальному действенному поступку, например: *Здесь помогают людям без пафосных слов, ведь выход из затруднительной ситуации начинается не с пафосных слов о переустройстве вселенной, а как раз с бытовых мелочей, которых в данной конкретной ситуации, быть может, и не хватает для простого семейного уюта и человеческого счастья* (Вечерняя Москва; 29.07.2010); *Несовпадение пафосных слов из телевизора с реальностью, которое пока раздражает толь-*

ко интеллектуалов, может взбесить и широкие слои населения (Московский Комсомолец; 27.08.2009); Наши программы – не набор **пафосных слов**, а конкретные решения (Русский курьер; 05.12.2003); Проект «Восточного партнерства» не ограничивается **высокими словами** об общих ценностях, а предполагает также увеличение финансовой помощи шести постсоветским странам (Время новостей; 11.12.2008); В России дело идет, когда уходишь **от высоких слов** и начинаешь работать практически (Журналист; 16.08.2004).

Альтернативой употреблению слов высокого стиля может быть ситуация умолчания: Для капитана 1 ранга Владимира Завгороднего **это не пафосные слова**, а смысл службы и жизни, о которых **не принято говорить** (Граница России; 22.10.2008); Сегодня мне много людей говорили о героизме, подвиге. **Не стоит произносить такие пафосные слова** (Гудок; 18.12.2003); В канун Дня Победы эта компания задумала красочной открыткой поздравить ветеранов с волнующим их праздником. **Обошлись без пафосных слов** и излишних деталей – на открытке изображены три ветерана, в парадных кителях, сверкающих орденами и медалями. Слова лаконичны: «9 Мая День Победы!» (Деловой вторник; 08.05.2007).

Часто говорящий подчеркивает преимущество нейтральной лексики перед высокой: Но мне очень нравятся стихи Танича: они написаны **доходчивыми, простыми, а не пафосными словами** (Русский курьер; 21.10.2004). Ироническое отношение к высокому стилю, существующее у носителей языка, заставляет авторов при употреблении высоких слов комментировать свой выбор: Его работу по восстановлению преданных забвению фактов как-то неловко называть **пафосным словом «подвиг»**, но ведь и в самом деле ничем иным его многолетний труд (изучение архивов Красного Креста, встречи с оставшимися в живых, записи бесед) не назовешь (Итоги; 30.01.2006); Да, **творчество – это пафосное слово**. Не убоимся этого слова! Именно за счет пафоса и существует все настоящее. Без греющего пламени пафоса нет хорошей литературы, нет искусства, нет социальных побед, даже нет скачков в экономике. Творчество всегда согрето пафосом (Независимая газета; 22.12.2005); У Розова была, в числе прочих, особая миссия (**боюсь его насмешки над этим пафосным словом, но как скажешь иначе?**): соединять берега (Экран и сцена; 03.09.2003).

Отрицательная оценка высокого слова возможна в рефлексивном выска-

зывании тогда, когда говорящий чувствует, что они неуместны в данной ситуации или «не соответствуют тому явлению, которое они обозначают в данном контексте» (Чернейко 1990: 78): *Вы сейчас собой гордитесь?* – *Да нет, это слишком пафосное слово. Рада, удовлетворена... Знаете, я вот сейчас думаю: а может, мне просто повезло?* (Новые известия (Москва); 11.08.2006).

Характерно, что слова, воспринимаемые как высокие, часто оказываются стилистически нейтральными. Они приобретают в речи коммуниканта признаки высокого слова по разным, чаще всего фоновым, критериям. Во-первых, ощущение высокого стиля задано канонами советской идеологии, предполагающей сакрализацию известных, социально значимых понятий из сферы высоких чувств и принципов, обозначающих такие ценностные категории абстрактного характера, как *свобода, равенство, долг, любовь к родине, патриотизм, творчество*. Во-вторых, ощущение высокого задано традицией, в соответствии с которой сферы эмоций и морали относятся к высоким духовным ценностям (*доброта, любовь, счастье, гениальность, добро, зло, трудолюбие, меценатство*). В-третьих, ощущение высокого задано культурной традицией, в соответствии с которой творческий труд оценивается как высокое достижение «чистого» духа (*творчество, искусство, талант, творческая индивидуальность*). Это относится также к характеристикам человека, высоко оценивающим его с личностной или профессиональной точки зрения: *патриот, гений, революционер, композитор, поэт, звезда, мастер, герой, деятель*. Обсуждение данных престижных понятий в обыденной речи приобретает особый характер в силу своей неординарности: с одной стороны, в качестве общих абстрактных слов они воспринимаются как нейтральные; с другой стороны — как пафосные, поэтому в контексте повседневной речи они могут приобретать окказионально высокую стилистическую окраску: *Я побаиваюсь таких пафосных слов и понятий, как патриотизм* (Аргументы и Факты; 22.10.2008); *И даже стеснялись пафосного слова «поэт»* (Арион; 15.01.2006); *Современных писателей знают плохо или не знают вообще, поэтому считаю передачу вполне просветительской. Нравится кому-то это пафосное слово или нет, меня не волнует* (Известия; 28.08.2002); *Затем необходимо отметить – не могу подобрать менее пафосного слова – мудрость Зингера* (Иностранная литература; 15.06.2009); *И целью своей деятельности (не хочу пафосного слова «миссия») сделал содействие инноваци-*

онному развитию (Комсомольская правда; 28.03.2008); В общем, было сказано много *пафосных слов*, среди которых первое место занимало «*предательство*» (Континент; 15.07.2006).

Анализ метаязыковых высказываний показывает, что для современной речи характерна усиленная модализация сообщения: речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи — это то, на что люди обращают внимание в первую очередь. Покушение на стилистический узус носители языка воспринимают как событие, меняющее весь язык. Метаязыковые высказывания отражают сдвиги в общей стилистической структуре русского языка новейшего времени: изменение стилистической принадлежности единиц, развитие стилевой диффузии, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Они, маркируя естественно складывающийся, меняющийся стилистический узус, являются основой новой методики анализа стилистического материала, дополняющей традиционные методы.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., 1999, *В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик*, Москва.

Колесов В.В., 1999, «*Жизнь происходит от слова...*», Санкт-Петербург.

Колесов В.В., 1998, *Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра*, Санкт-Петербург.

Руденко В.Н., 1995, Мертвые термины: язык периода «застоя» как средство идеологической техники и социальной терапии – *Социемы*, № 4, Екатеринбург.

Степанов Ю.С., 1997, *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.

Чернейко Л.О., 1990, *Оценка в знаке и знак в оценке*, «Филологические науки», № 2.

Шварцкопф Б. С., 1970, *Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи* – *Актуальные проблемы культуры речи*, Москва.

Метаязыковые стратегии в стилистически неоднородных текстах современных СМИ¹⁴

Главная задача, которая стоит перед говорящим / пишущим, – создать такой текст, который был бы понятен слушающему / читающему. Все, кто занимается проблемами понимания, по большому счету, так или иначе задаются вопросом – каковы стратегии говорящего, способствующие пониманию. Одной из универсальных стратегий эффективного коммуникативного поведения является вербализация метаязыкового сознания [Вепрева 2002].

Обычно языковая рефлексия носителя языка проявляется как внутреннее качество. Рефлексия как универсальный признак мыследействования течет непрерывно, выполняет контролирующую функцию при порождении речи и обеспечивает автоматизм речевой деятельности. В основе автоматизма лежит стандарт, соответствие норме. Сигналом к растормаживанию автоматизма речи является отступление от стандарта. Прорыв в сознание бессознательной метаязыковой деятельности может обуславливаться различными очагами речевого напряжения, которым соответствуют разные метаязыковые стратегии речевого поведения говорящего. Цель данной работы – проанализировать метаязыковую стратегию речевого поведения, обусловленную стилистическим выбором говорящего, выявить набор конкретных речевых тактик в рамках выделенной стратегии.

Одна из ярких примет современного публицистического дискурса – широкое использование метаязыковой стратегии, связанной с комментированием, интерпретацией, обсуждением стилистической характеристики той или иной лексической единицы, например:

(1) Именно из уст Дмитрия Медведева казавшееся до этого момента жаргонным словом «кошмарить» прозвучало в публичной речи с экрана ТВ (Санкт-Петербургские ведомости; 11.12.2008);

(2) В 90-е годы, как и все в ту пору, был политически сознательным человеком, а сейчас, когда всё, извините за грубое выражение,

¹⁴ Современная речевая коммуникация: стратегии и жанры. Сб. науч. ст. Вып.1. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та. 2009.

устаканилось, когда всё встало прочно и основательно, я осознал, что и мое отношение к политике изменилось (Собеседник; 18.06.2008);

(3) *Хотя, если говорить по-простому, они, конечно, подставили почти всех* (Аргументы и Факты; 17.09.2008).

Большое количество метаязыковых высказываний в связи с нормативно-стилистическим выбором единиц, в первую очередь, свидетельствует о сдвигах в общей стилистической структуре русского языка новейшего периода – изменении стилистической принадлежности единиц, развитии стилевой диффузии, изменении вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Поскольку речь всегда развивается на ходу, использование говорящим исследуемой метаязыковой стратегии является своеобразным показателем естественно складывающегося, меняющегося стилистического узуса.

Метаязыковая стратегия стилистической маркированности демонстрирует, что стилистически отмеченная единица всегда в фокусе внимания говорящего и находится под особым контролем сознания, стратегия выступает как маркер речевого взаимодействия, речевой координации говорящего и слушающего. Игра стилистически маркированной единицей ориентирована на коммуникативного партнера, который должен понять, что адресант остается в общей для обоих социально-культурной общности, хотя и использует специфические элементы другого субъязыка и субкультуры.

Отметим конкретные типы речевых тактик, реализующих метаязыковую стратегию стилистической маркированности.

1. Речевая тактика извинения. Данная тактика реализуется при использовании говорящим различных групп лексики, претерпевающих стилистические трансформации.

а) При употреблении сниженного слова. Предпочитая сниженное слово нейтральному, носитель нормативного литературного языка испытывает языковой дискомфорт. Ему приходится виниться. Говорящий делает попытку изгладить деликт, или нравственную вину [Верещагин, Костомаров 1999: 9], совершаемую в слове. Об этом сигнализируют речевые формулы извинения. Например (4–7):

(4) *Это понты, извините за сленг* (Вечерняя Москва; 05.06.2008);

(5) *Оказалось, что популярная певица из-за наркоты «попала на больничку» (извините за жаргон, но от канцелярского «проходит курс лечения в реабилитационной клинике» уже зубы сводит)* (Время новостей; 12.02.2008);

(6) *А сейчас, помимо периодических набросков о былом, душа лежит. В общем, из меня, извините за просторечие, так и прут пьесы* (Литературная газета; 12.11.2008);

(7) *И всего отвратительнее, что снова актуализируют себя какие-то старые, извините за выражение, пердуны с пафосом борьбы* (Независимая газета – НГ Ex Libris; 28.02.2008).

б) При употреблении единиц высокого стиля. Процесс стилистического понижения взаимодействует с еще одним процессом в области стилистических норм – вымыванием высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковыми стихиями в прошлом разграничивались знаменитой ломоносовской теорией «трех штилей». Усиление разговорности в литературном языке, по мнению В.В. Колесова, связано прежде всего с утратой высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной. Ироническое отношение к высокому стилю поднимало средний стиль до высокого, а средний, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, стал заполняться сниженной лексикой. Так произошел, считает В.В. Колесов, процесс смещения стилистических уровней языка [Колесов 1999]. Кажущаяся неуместность употребления высоких слов заставляет говорящего виниться (8–10):

(8) *И поэтому на нас – профессионалов в сфере коммуникации – возложена особая миссия (уж извините за высокое слово, но оно отражает суть)* (Литературная газета; 03.12.2008);

(9) *Вот только немного досадно, что людей, которых именуют легендами, вспоминают только по поводу круглых дат, забывая о том, что они продолжают работать на благо, извините за высокопарность, здоровья нации*

(Вечерний Новосибирск; 19.12.2008);

(10) *Уж извините за высокий слог: лирику позаимствовала у делаваров, пока читаешь книжку, невольно перенимаешь их язык* (Комсомольская правда; 06.06.2008).

в) При употреблении языковых единиц советского времени. Предшествующий лингвокультурный период, который характеризовался отстоянием и расхождением между официальным языком советской власти и бытовым русским языком, привел к отторжению официально-канцелярского языка, названного исследователями тоталитарным [Купина 1999] или языком лжи [Гусейнов 1989]. Официальный язык советской власти занял нишу высокого стиля, поскольку активно использовал пафосную лексику. Вымывание высокого стиля в современной речи спровоцировано отчасти неприятием лжевысокого стиля тоталитарного времени. Своеобразной реакцией на советский официоз служит извинение говорящего при употреблении единиц советского лексикона (11– 13):

(11) *Не пора ли укрепить, извините за пафос, дружбу народов, ведь на сцене Зимнего театра танцевали представители Армении, Украины, Белоруссии?* (Литературная газета; 08.10.2008);

(12) *Я бы даже сказал, стабильности на почве процветания, уж извините за «правдинский» стиль* (Время новостей; 22.08.2008);

(13) *Нужны техники монолога, те, кто оформит так, чтобы он был донесен в неискаженном виде до самых широких народных масс, извините за это советское клише* (Радио Свобода - Программы; 05.05.2008).

г) При употреблении иностилевого слова терминологического характера. Современные процессы насыщения русского языка терминологическими заимствованиями отчасти вызваны потребностью заполнения лакун в соответствующих терминосистемах. Целесообразность в условиях мировой глобализации пользоваться иноязычным словом, а не создавать новую номинацию на базе своего языка приводит к тому, что журналисты все чаще включают в свои тексты новую заимствованную терминологию политического и экономического лексикона. Излишняя терминологизация современного публицистического дис-

курса, стилевая отчужденность профессиональных форм выражения является причиной извинения за употребление подобных единиц (14–16):

(14) *Но сегодня его, извините за термин, «актуальность» куда как возросла по сравнению с ситуацией двадцати-тридцатилетней давности* (Литературная газета; 19.03.2008);

(15) *Важно, что история страны, преподнесенная через историю театра, выглядит системнее, строже, извините за выражение, концептуальнее, чем все нынешние экскурсии на других каналах* (Независимая Газета; 07.03.2008);

(16) *Вот роль телевидения в том, чтобы такой дискурс (извините за научное слово) в обществе возник, чтобы вот это понимание того, что вы прочитали, оно завладело умами* (Радио Свобода – Программы; 21.07.2008).

2. Речевая тактика ссылки на чужую речь.

Говорящий, сопротивляясь стилевой чересполосице, чаще всего прячется за чужую речь. Носитель литературного языка свою свободу в стилистическом аспекте реализует в совмещении своей и чужой речи. Ориентация на чужое слово имеет определенный подтекст: «Я прекрасно знаю, что применяя данное языковое средство, я рискую подвергнуться осуждению за то, что употребил данное выражение. Учитывая это, я принимаю меры предосторожности, предупреждаю критику по моему адресу, ввожу формулу: «как говорят...». Теперь всем ясно, что это выражение не свойственно моему лексикону, а если я и употребляю его, то только потому, что оно весьма выразительно и подходит к тому, что я хотел сказать; но при этом я отдаю себе полный отчет в характере данного выражения, если хотите, я его цитирую» [Шварцкопф 1970: 293]. Данная речевая тактика используется говорящим при употреблении всех выделенных выше стилистически разнородных единиц: просторечной и жаргонной лексики (17–19), терминов и профессионализмов (20–23), лексики советского периода (24–25), территориально закрепленных выражений (26–27):

(17) *«Говоря народным языком: поматросили и бросили», – заключил постпред Rogozin* (РИА «Новости». Горячая линия; 02.12.2008);

(18) *Хотя, если говорить по-простому, они, конечно, «подставили» поч-*

ти всех, – пояснил Дмитрий Медведев (Известия; 11.09.2008);

(19) Еще один навык, блестяще освоенный Путиным как публичным политиком, – это умение, **выражаясь жаргонным языком**, «переводить стрелки» (Известия; 15.02.2008);

(20) Хочется, не отходя от кассы, услышать его комментарий, **как говорят в органах**, по горячим следам (Газета (Москва); 30.01.2008);

(21) Элемент соревновательности пошел на пользу, Дмитрий и Виктор в тот вечер, **как говорят в цирке**, поймали кураж (Итоги; 06.10.2008);

(22) Поэтому театр Советской Армии стал первым, куда я пришла «показываться», **как говорят в актерской среде**, и, к счастью, сразу была зачислена в его штат (Красная звезда; 24.07.2008);

(23) Потенциал гидроавиации очевиден, но, чтобы его реализовать, необходимо преодолеть, **как говорят в физике**, очень высокий потенциальный барьер (Авиатранспортное обозрение; 15.07.2008);

(24) Многочисленные лавочки, магазинчики, **как говорили в советские времена**, учреждения общепита – вроде как малый бизнес (Время новостей; 28.03.2008);

(25) **Как говорили в старые советские времена**, задачи определены, цели поставлены, в том числе и вами самим (Коммерсантъ; 05.07.2008);

(26) «Будем посмотреть», **как говорят в Одессе** (Газета (Москва); 15.10.2008);

(27) Хотя попасть в список кандидатов и выступить на самом Матче всех звезд – это, **как говорят в Одессе**, две большие разницы (Известия; 01.12.2008).

3. Речевая тактика ссылки на частотность употребления.

Аргументацией употребления, прежде всего, сниженного слова в тексте может быть тактика ссылки на частотность употребления единицы в современном языке («все так говорят»). На этапе вхождения сниженной единицы в общий лексикон необходима фоновая поддержка в виде данной разновидности метаязыковой стратегии: говорящий через метавысказывание «все так говорят» распространяет степень вины за ненормативное употребление лексемы на все общество в целом. Частотность употребления позволяет воспринять единицу в

качестве нормы, поскольку массовая и регулярная воспроизводимость – признак, характерный для всех норм «второго порядка» (М.М.Маковский). Обычное говорение устраняет личностные особенности нашей речи в пользу массового, принятого всеми. Применяемая тактика речевого поведения позволяет включать нелитературные единицы в литературный язык (28–31):

(28) После чего, **как теперь выражаются**, «завязал», к картам не прикасался (Московский комсомолец; 23.10.2008);

(29) Смотрите, вот у меня, **как сейчас все говорят**, навороченный телефон (Собеседник; 04.06.2008);

(30) Ну, мне, **как сейчас говорят**, по кайфу (Эхо Москвы; 24.12.2008);

(31) Женщина я хоть и пожилая, но, **как теперь все выражаются**, продвинутая (Санкт-Петербургские ведомости; 13.11.2008).

4. Тактика речевой «смелости».

Название данной речевой тактике дало метаязыковое клишированное сочетание «*не побоюсь этого слова*». Данное выражение усиливает внимание слушающего к единице, употребление которой требует от говорящего, носителя литературного языка, определенной смелости, для которого слово всегда является «поступком в личной жизни» (Г.О.Винокур). Для образованного человека свобода к творчеству выражения обнаруживается «в стремлении не быть вполне нормативным и не быть неправильным» [Степанов 1997: 718]. И здесь на первое место выступает такой субъективный фактор стилистической нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера), который проявляется, кроме всего прочего, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в наличии речевой смелости для ввода «сильной» лексики в текст – советизмов (32–34), высоких слов (35–37), сниженной лексики (38–40):

(32) Наши социальные работники, **не побоюсь этого слова**, агитировали население принять в ней участие (Вечерняя Москва; 05.11.2008);

(33) Этот закон, если это можно так сказать, – **диверсия, не побоюсь этого слова «эпохи борьбы с врагами народа»** (Независимая газета – НВО; 01.02.2008);

(34) *Вот звонил еще один, **не побоюсь этого слова, товарищ**, он правильно понимает* (Радио Свобода – Программы; 14.02.2008);

(35) ***Не побоюсь этого слова, но он великий политик**, который сумел мобилизовать свой народ на созидание, на достижение согласия внутри чеченского общества* (Парламентская газета; 07.05.2008);

(36) *Каждый наряд, созданный, **не побоюсь этого слова, гением** Майи Будувны, неповторим по своему дизайнерскому замыслу, по качеству исполнения* (Ежедневные новости-Подмосковье; 07.05.2008);

(37) *Мы живем просто в капсуле, пока еще пытаемся создать вокруг себя такую некую иллюзию мира порядочности, каких-то нормальных отношений, добра, и **не побоюсь этого слова, любви к ближнему*** (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. Ren TV; 30.11.2008);

(38) *Как замечательно тусовались, отрывались и, **не побоюсь этого слова, оттопыривались** тинейджеры в лагерях страны и за ее пределами!* (Комсомольская правда; 28.08.2008);

(39) *И виновата, конечно, в этом наша политическая власть 90-х годов, которая опустила офицера, в том числе и по материальному положению, **не побоюсь этого слова, ниже плинтуса*** (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. 3 канал; 05.04.2008);

(40) *Ведут какие-то переговоры и, **не побоюсь этого слова, что-то трут** между собой* (КоммерсантЪ; 07.03.2008).

Подведем итоги нашим наблюдениям. Метаязыковая стратегия стилистической маркированности, реализующаяся в речи в целом ряде конкретных речевых тактик, свидетельствует о стилистической неоднородности современных СМИ, о формировании новой стилистической нормы, о динамике нормы в рамках синхронной системы языка. В то же время стабильность системы должна обеспечиваться движением в оптимальных пределах. Поэтому отступления от стилистических норм, нарушающие относительно подвижное равновесие современного русского языка, активизируют проявление таких метаязыковых тактик речевого поведения современных носителей языка, которые объясняют возможность этих нарушений.

Литература

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999.

Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989, №11.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб, 1999.

Купина Н. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. Екатеринбург, 1999.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Шварцкопф Б.С. Проблема индивидуальных и общественно-групповых оценок речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

Метаязыковой привкус эпохи¹⁵

Перекличка названия доклада с известной монографической работой В.Г.Костомарова «Языковой вкус эпохи» [1999] не случайна, она задана основной целью сообщения: указать на одну из ярких примет современного публицистического дискурса – широкую включенность в языковой контекст эпохи метаязыковых высказываний, которые комментируют, интерпретируют, обсуждают употребление той или иной лексической единицы, например: *Сегодня у большинства людей на Западе слово «Россия» вызывает негативную реакцию* (ОРТ, Времена, 9.11.2002); *Сладкое слово «халыва». Русская народная привычка «брать натурой», если предлагают* (АИФ, апр., 02); *Я работаю сотрудником частной охраны, в просторечии телохранителем, а по-нашему, прикрепленным* (ОТР, Слабое звено, 9.04.2002); *Хотелось как-то... (глупое слово) освежить отношения* (РТР, Моя семья, 23.03.2002); *Слово «чеченец» уже стало синонимом слова «террорист» и намертво связано со словом «уничтожить»* (МК-Урал, окт., 2002) и др.

Обилие метаязыковых высказываний, или рефлексивов [см. мотивировку выбора термина: Вепрева 2002], в современной речи придает ей особый прив-

¹⁵ Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30–5 июля 2003 г. СПб, 2003.

кус: как щепотка соли, метавысказывания помогают выявить антропоцентрический характер современного языкового существования, подчеркнуть значимость личности в языке, осознающей себя в свободном выражении своей оценочной позиции. Вербализованные формы метаязыкового сознания позволяют сделать лингвоментальный срез эпохи, наблюдаемый через призму обыденной языковой рефлексии.

Изучение феномена метаязыкового комментирования позволило сформулировать причины, влияющие на вербализацию скрытой работы «языка мыслей», протекающей обычно на бессознательном уровне. В основе базовой функции метаязыкового сознания лежит механизм языкового контроля, обеспечивающий автоматизм мыслительной и речевой деятельности коммуникантов. Коммуникативно-когнитивное напряжение, возникающее в речемыслительной деятельности, вызывает метаязыковую вербализацию.

Спецификой метаязыковых знаний является их одновременная принадлежность к языковым и когнитивным знаниям индивида. Поэтому нами выделено два функциональных типа рефлексивов: 1) коммуникативные рефлексивы, реагирующие на коммуникативное напряжение и осуществляющие контроль на речепорождающем уровне; 2) концептуальные рефлексивы, реагирующие на концептуальное напряжение и возникающие на уровне мыслительной деятельности человека.

В нашем докладе обратимся ко второму типу рефлексивов, которые отражают процессы, происходящие в концептосфере языковой личности в переходный для российского общества период. Динамическое развитие современного когнитивного сознания во многом спровоцировано радикальными экономическими, политическими и социальными преобразованиями в России и позволяет выделить следующие зоны когнитивного напряжения.

Первая зона напряжения – зона ликвидации лакуарности. Лакуарность связана с проблемой именования концепта в языке.

Метаязыковому комментированию в современной речи подвергаются слова, называющие реалии, до настоящего времени существовавшие лишь в понятии. Отмеченное словом становится фактом сознания, а сама лексическая единица – окончательным свидетельством включения явления в мир, полностью сформированным концептом (данные рефлексивы подтверждают существова-

ние концепта автономно от слова и являются одним из способов обнаружения невербализованных концептов): *Свою школьную страсть к фотографии он тренировал повсюду – на репетициях студенческих отрывков, дружеских попойках, на халтурах в городах и весях. Наверное, потому, что никто не знал слова «напарацци», никто и не прятался от его объектива* (МК-Урал, сент., 1999).

Слово должно заполнять те пустоты в словарном составе языка, которые обнаруживаются при концептуальном освоении мира, вербализует те компоненты концептосферы, которые обладают коммуникативной релевантностью в силу экстралингвистических причин. Активно вербализуются концепты, связанные с экономической и политической сферами общественной жизни. Возникшая необходимость языковой репрезентации многих экономических и политических невербализованных концептов в русском сознании связана с открытостью современного российского общества внешнему миру, с осознанием интернациональности процессов и явлений, типичных для многих стран, в том числе и для России. Носители языка проводят своеобразный контрастивный анализ на уровне обыденного сознания, сравнивая наборы семантических признаков русского невербализованного концепта с набором семантических признаков эквивалентного вербализованного концепта другого языка. В результате такого сравнения русский концепт приобретает имя, чаще всего в виде иноязычной лексемы: *У меня была программа «Молодежный дискуссионный клуб», что-то вроде ток-шоу. Правда, мы тогда даже слова такого не знали, инстинктивно пытались что-то делать, приглашать людей, справлять мнения (4 канал + все ТВ, апр., 2000); В какой-то момент, – говорит известный тренер Тамара Москвина, – меня заинтересовало, что же такое маркетинг? Я нашла книгу по бизнесу известного американского автора, начала читать. И вдруг поняла, что маркетинг – это то, чем мы, тренеры, всю жизнь занимались, но не знали, как это называется. А спорт – это самый настоящий бизнес. Я, тренер, создаю товар высокого качества, занимаюсь его промоушном на «рынке», чтобы он достойно конкурировал, позиционирую его, нахожу рынки сбыта, меняю, снова создаю... Да, людей нельзя называть товаром. Но что делать, если на рынке спорта действуют те же понятия, что и на коммерческом* (МК -Урал, май, 2001); *А я был долго негром, работал на других. Я зани-*

мался по сути дела *аранжировкой*. Тогда не было этого слова (Е.Дога, ОРТ, Пока все дома, 17.03.2002).

Вторая зона концептуального напряжения – формирование новых концептов в русском общественном сознании.

Появление новой лексемы – сигнал к началу формирования нового концепта. Так случилось с именем *В.В.Путина*. Один из излюбленных политических ходов экспрезидента России Б.Н.Ельцина – выдвижение на высшие руководящие посты кандидатов, неизвестных широкой российской общественности. Так было с С.В.Кириенко, так произошло и с В.В.Путиным, занявшим пост премьер-министра, а позже ставшим президентом России. Неожиданное появление на политической арене малоизвестных политических фигур создает сложную ситуацию в общественной жизни страны. Общество получает руководителя, личность которого сравнивают с белым листом бумаги и с черным ящиком. В начале политической карьеры В.В.Путина самым частотным высказыванием о преемнике Б.Н.Ельцина являлась фраза «Мы ничего не знаем о Путине». Приведем в качестве примера типичный рефлексив по поводу нового имени: *В образе Путина по-прежнему слишком много «не»: «непроницаемый», «непонятный», «необъясняющий», «не торопящийся». Но, возможно, все эти «не» вместе – и есть Президент. «Черный ящик», в котором пустота. А уж эту пустоту окружение заполняет кто во что горазд. Кто больше других сумеет напихать своих мыслей, указов, программ* (МК-Урал, май 2000). Путь социализации политика, формирование имиджа президента проходил и продолжает проходить на наших глазах. В настоящее время рейтинг В.В.Путина необычайно высок, что свидетельствует не только о политическом, но и харизматическом лидерстве президента среди населения. Динамику развития концепта в течение последних лет, эволюцию как осознаваемого, так и неосознаваемого восприятия В.В.Путина общественным сознанием социологи выявляют с помощью социологических опросов [Брим, Косова 2000; Делинская 2001].

Процесс формирования нового концепта может идти и обратным путем. Сначала возникает новая реалья, которая позже приобретает свою номинацию, например: *11 марта 1985 года, на следующий день после кончины престарелого Генсека Черненко, собрался внеочередной Пленум ЦК КПСС. По предложению А.Громыко Генеральным секретарем избран Михаил Сергеевич Горбачев.*

Ему – 54. Пройдена длинная карьерная лестница, увенчанная высшим государственным постом. Цель достигнута? Нет, все только начинается. *Позже это «все» назовут перестройкой и демократическими реформами* (АИФ, авг., 2001).

Процесс социально-экономических изменений 1990-х гг, получивший название *перестройки и постперестройки* и затронувший все стороны жизни общества, в последние годы стал определяться исследователями табуированным в современном российском политическом лексиконе термином *революция*. Современные социальные преобразования в России определялись по-разному. Вначале говорили об *ускорении темпов экономического развития*, затем речь пошла о *перестройке*. После выхода России из СССР наиболее употребительной номинацией стали *реформы* (чаще в составе словосочетания *радикальные реформы*). В последнее время на первое место выходят номинации *трансформация* или *переход* от посттоталитаризма к демократии, от плановой экономики к рынку. Номинации в какой-то мере отражают этапы происходящего процесса.

Причина табуирования термина «революция» в ходе радикальных изменений существующих экономических, политических и социальных институтов, на наш взгляд, кроется в общих причинах эвфемизации политической лексики [Шейгал 2000: 196–218], в дискредитации лексемы «революция» в общественном сознании России, поскольку романтический идол Революции исчерпал свои возможности в социальной памяти: *От слова «революция» сегодня всех тошнит* (ОТР, Однако, 9.06.2001). Тем не менее, термин публично артикулируется высшей политической элитой: *Любая революция, даже такая бархатная, как у нас, связана с разрушением* (В.Путин, ОТР, Время, 8.10.2002).

Если концепт важен и актуален для общественной жизни страны, формирование концепта происходит интенсивно. Так случилось с появлением нового концепта для современной России – концептом *новые русские*. К сегодняшнему дню сформирован социальный стереотип «нового русского». Концепт динамичен, он дополняется новыми признаками, потенциален к созданию новых смыслов. Полному формированию концепта способствовало теоретическое осмысление нового понятия, к которому присоединились и лингвисты [Руткевич 1996; Заславская 1997; Сафонова 1998; Козлова 1999 и др.].

Третья зона концептуального напряжения – актуализация сложившихся в русском языковом сознании концептов. Динамизм современного концептуального сознания предполагает наполнение новым содержанием концептов, существующих в русском общественном сознании.

Смысловая модификация произошла, например, с концептом *реформа*. Данный концепт оказался ключевым в определении тех преобразующих процессов, которые начались с попытки изменить партийно-советскую систему. Состояние существенных изменений в экономической, политической и национальной сферах инициаторы называли достаточно обобщенно *реформами*. Если мы обратимся к прототипической структуре данного концепта, то увидим, что в ее основе лежит признак «преобразование, изменение чего-л., не затрагивающее основ существующего государственного строя». Поскольку изменения в стране носят радикальный характер, касающийся всех существующих институтов государства – экономических, политических и социальных, то в данном случае нельзя говорить о *реформе* в традиционном ее понимании. В современной трактовке концепт приобретает признак «интенсивного изменения» – глубоких, коренных преобразований, требующих иногда конституционного оформления. Массовое сознание отмечает смысловую модификацию концепта: *На Государственном Совете специально отказались от слова «реформа», чтобы у общественности не сформировалось ощущение, что все будет сломано* (АИФ, март, 2001); *...если те не из числа новых устроителей светлого будущего, тех, кто рушил СССР, тех, кто грабил каждого из нас, прикрываясь словом «реформа»* (Отечество, авг., 2000); *Системе образования ни в коем случае нельзя называть это реформой образования, поскольку слово «реформа» искажает смысл намеченных преобразований* (РТР, Новости, 27.04.2002); *Мы должны забыть слова реформа, революция, переворот в образовании* (Учительская газета, июнь, 2000).

В ходе реформ страна решает сложнейшие вопросы трансформации экономической системы советского типа. Трудности реформирования российской экономики являются основной причиной появления негативной окраски у лексемы, номинирующей данный концепт. Устойчивость коннотативного компонента «неодобр.» подтверждается большим массивом метавысказываний: *Гайдаровские реформы – это чан с дерьмом, в который нас бросили; на исходе 90-х*

у народа и у его элиты сформировалась стойкая идеосинкразия на слово «реформа»; произнести слово «реформа» – это все равно что ругнуться матом; сегодня слово «реформа» в массовом сознании превратилось в страшилку; страх народа перед словом «реформа»; стойкая аллергия на слово «реформа»; испуг от слова «реформа» у россиян не проходит; сейчас слово «реформа» в устах многих звучит ругательством; прошедшее десятилетие выработало стойкий, практически не дающий осечек рефлекс: слышал слово «реформа» – хватайся за кошелек; люди вообще боятся слова «реформа», потому что после нее всегда становилось хуже и т.д. Социологи, проводящие анализ разнонаправленных перемен в России 90-х гг., считают, что одной из причин негативных оценок проводящихся реформ является «сама новизна, непривычность многих позитивных явлений в противоположность привычной традиционности того, что теряется» [Гордон, Клопов 2000: 34].

Контекстные материалы последнего времени фиксируют стремление инициаторов преобразований в любой области деятельности уйти от номинации, дискредитирующей положительный смысл изменений: Авторы условились не употреблять слова «реформа», мол, надо говорить не о коренном реформировании образования, а о его модернизации; Правда, само слово «реформа» употребляется не всегда, иногда его заменяют более мягким выражением «модернизация»; Слово «реформа» изгнано из словаря Центра стратегических разработок Германа Грефа; Предшествующий опыт научил россиян бояться слова «реформа», поэтому имеет смысл говорить о «качестве продуктов и услуг»; Собрали в Подмоскowie представителей регионов, и они голосованием решали, применять ли в тексте доклада слово «реформа» или писать «модернизация». Решили, что слово «реформа» писать не следует; если хочешь провести реформу, никогда не говори слово «реформа» (Электронные СМИ, 2002).

Кардинальные преобразования в концептуальной картине мира связаны с идеологической переориентацией концептов политической и экономической сфер. Мена аксиологических оценок в смысловой структуре идеологических концептов может быть представлена в виде оценочной нейтрализации, поляризации или оценочного размывания [Купина 1997: 138]. В современных условиях наблюдаются попытки адаптироваться к изменившейся социальной реальности, сформулировать для себя новые ценностные идеалы. Границы между поляри-

зованными, контрастными явлениями, сведенными в едином пространстве, становятся размытыми, нередко идеологически амбивалентными. Различное отношение к идеологическим концептам проявляется не только на уровне разных социальных групп, но и в сознании отдельной личности: *Мы произносим слово «капитализм» часто с таким же вдохновением, с каким раньше произносили «коммунизм». Но сами по себе слова «капитализм» или «рынок» меня не обольщают (АИФ, сент., 2001); В то время слово «капитализм» было таким страшным, что чуть ли не с фашизмом его рядом ставили. Поэтому в слове «капитализм» для меня всегда будет оттенок предательства (КП, авг., 1999); Честно говоря, мне не особенно нравится само слово «капитализм». Я пытался в себе раскопать: почему меня так режут эти слова – буржуазия, капитализм (КП, июнь, 2001). Слово «карьера», когда я был в школе, при Сталине, считалось неприличным. Карьера, мошенник, спекулянт, частник, стиляга – это были отрицательные слова. Сейчас эта область совершенно другая – область предпринимательства, свободного выбора. Но для меня слово «карьера» по-прежнему окрашено тем оттенком, о котором я говорил. Хотя без карьеры нет ничего (А.Битов, АИФ, окт., 1999).*

Столкновение прототалитарных и антиталитарных тенденций в обыденном сознании постсоветского человека придает современной эпохе драматический характер. Современная реальность по-прежнему свидетельствует о диссонансе «между официально проповедуемой ценностной системой и разнообразием частных, личностных ценностей и нравственных императивов» [Korzeniowska-Berczynska 2001: 29]. Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента: *Конкуренция – слово здоровое (ОРТ, Час пик, 26.05.1998); Ой, ну я ненавижу это слово – конкуренция (МК–Урал, дек., 1999); У нас аллергия на слово «социализм» (КП, май, 2001); Коммунизм – слово нестрашное, сказал А.Брежнев, внук Леонида Ильича (Новости, 4 канал, 14.01.1999); У нас, бизнесменов, особенно после августовского кризиса, начинает возникать, я бы выразил это в марксистских терминах, классовое капиталистическое самосознание (МК–Урал, июль, 2000); Я представляю аборигенов – я советский человек. Или, как называют нас демократы, – совок. Союз нерушимых республик свободных. Это невозможно отнять. Я всегда буду чтить мой гимн, мой флаг, мой герб – так сказала актриса Жанна Болотова*

(АИФ, дек., 1998).

Четвертая зона концептуального напряжения – идентификация современного российского общества.

В эпоху радикальных социально-экономических изменений происходит разрушение социальной идентичности, «потеря тождественности», загубленная «в процессе тотального отречения от своего советского прошлого» [Korzeniewska–Berczynska 2001: 17]. Границы социальных групп, выделяемых по разным основаниям, – локальным, этническим, национально-государственным, религиозным, профессиональным и др. – размываются или просто исчезают, «в категориальной системе идентификационных матриц освободилось главное место – исчезла стержневая, собирательная категория “советский человек”» [Солдатова 1996: 305].

Новая социальная реальность рождает концептуальное напряжение, основанное на необходимости самоутверждения личности, определения ее принадлежности к той или иной социальной группе. Принимая новое, меняясь, индивид должен оставаться тождественным самому себе. Механизмы неосознанного саморегулирования недостаточны в условиях повышенного «напора» новых элементов. Поэтому в реформирование социального бытия подключается человеческий разум. Процесс поисков идентификации, отраженный в концептуальных рефлексивах («кто мы такие?»), позволяет проследить, как большие или малые социальные группы строят образ социального мира в условиях нестабильности.

Социальная идентификация – сложный комплексный феномен, включающий разные основания для классификации, но в инвариантной основе идентификации человека с определенным социальным объектом лежит базовая дихотомия *свой – чужой*. Кризис государственной идентичности явился мощным толчком для бывшего советского человека к выбору способа поведения, отношения к происходящему, к поискам «своей» или «близкой» позиции.

В ситуации всеобщего и вынужденного приспособления человека к изменившейся среде существования можно выделить два наиболее крупных идентификационных процесса, в рамках которых происходит взаимодействие различных типов социокультурного менталитета: идейно-политическая и национально-государственная идентификации. Рассмотрим каждый из названных процессов.

Первую сложившуюся дихотомию современного общества мы можем называть социально-идеологическим расслоением общества, которое в первом приближении двухчленно: 1) часть общества, признающая господствующие ценности государственной системы, в России эта часть общества относит себя к демократической; 2) часть общества, критически относящаяся к господствующим ценностям, так называемые оппозиции, имеющие свою оппозиционную прессу и теле-, радиотрибуну.

Вербализованная метаязыковая деятельность позволяет выявить социально-ценностные ориентации носителей языка, их мировоззренческую неоднородность. В первую очередь политическая и экономическая лексика, обозначающая идеологически маркированные концепты, по-разному понимается политическими и экономическими оппонентами и формирует разные тезаурусы у носителей языка. В связи с идейной дифференциацией общества происходит «расщепление коннотаций»: одни и те же концепты приобретают «разные оценочные коннотации» [Савицкий 1996: 155].

С опорой на оппозиционную прессу покажем негативное отношение к концептам новой России. Ключевые экономические концепты получают только негативную характеристику: Звучным словом *«приватизация»* прикрито уничтожение государственной собственности (Отечество, авг., 1992); Прикрывают инородным словечком *«ваучер»* пустые бумажки, поэтому создается иллюзия участия к этому грабежу всего населения страны (Отечество, сент., 1992); И в наше сознание денно и нощно вбивают это скользкое словцо – *инвестиция*. Это его термин, его идея – открытое общество. Открытое прежде всего для Сороса, его месссы. Открываемое, взламываемое им с помощью золотого тельца (Завтра, май, 1997).

Следующим наиболее важным идентификационным процессом, находящим свое выражение в концептуальных рефлексивах, видится изменение национально-государственных рамок идентификации: *русское* вытесняет *советское*. Если в спокойной общественной ситуации «этническое самосознание чаще всего не актуализировано, “размыто”» [Дробничева 1998: 165], то в «смутные времена» роль этничности возрастает. Она выполняет защитную функцию, являясь своеобразной реакцией на нестабильность общества.

Метаязыковые высказывания помогают проследить динамику самоутвер-

ждения «русскости», гипертрофию функций национальной идентичности. Особенно остро потерю национальной идентичности ощущает себя оппозиционно настроенная часть общества. Центральной единицей оппозиционного метаязыкового корпуса рефлексивов является концепт *русский*, в котором, на наш взгляд, как в базовом компоненте национального самосознания происходит отстаивание, утверждение категории «своего» и непринятие «чужого». Оценочные контексты носят обычно тревожный характер, подчеркивают опасность сегодняшней жизни для русского человека: *Опасное слово по нынешним временам – «русский». В стане демократов слова «русский патриот» запрещенные, ненавистные, чуть ли нецензурные* (Воля России, №6, 1991); *Кто это мы? Скорее всего, мы – это труднопроизносимое слово «русские». Неужели русские обречены надевать маску вечных интернационалистов, прятать свое национальное лицо за безликое «мы»* (Воля России, июнь, 1991); *У нас нынче всякий произносящий громко слово «русский» объявляется черносотенцем и фашистом* (Наше отечество, ноябрь, 1993); *Нависла угроза новой «культурной революции», ставящей главной целью духовное уничтожение страны, вытравливание самих понятий «русское», «русский народ», «русская культурно-историческая традиция»* (Русский вестник, №17, 1993).

Подведем итоги. Анализ зон когнитивного напряжения позволяет сделать вывод о том, что динамика концептуальной картины мира носит особый характер в рамках нестабильного общества. Это проявляется в кардинальной перестройке базовых концептов, составляющих мировоззренческую основу человека, в амбивалентности массового сознания, в обновлении концептосферы современной языковой личности. При этом метаязыковые высказывания выступают как чуткие индикаторы социальных и когнитивных процессов, происходящих в современной России, придавая особый колорит языку эпохи перемен.

Литература

Брим Р., Косова Л. Феномен В.Путина: морфология и семантика массовой популярности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000, №3.

Вепрева И.Т. Метаязыковой комментарий в современной публицистике: типология и причины вербализации языкового сознания // Известия РАН СЛЯ, 2002, №6.

Гордон Л., Клопов Э. Динамика условий и уровня жизни населения (разнонаправленные тенденции 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000, №5.

Делинская В. Динамика отношения к В.Путину за последний год // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001, №2.

Дробижева Л.М. Глава 9. Этническое самосознание: идеология и поведение // Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М., 1998.

Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность, 1997, №2.

Козлова Т.В. «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб, 1999.

Купина Н.А. Идеологическое состояние лексики русского языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Екатеринбург, 1997.

Руткевич М. Какие же классы теперь существуют в нашей стране? // Российский обозреватель, 1996, №4.

Савицкий Н.П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Сафонова Ю.А. Новые русские (Заметки об одном новом фразеологизме) // Русистика, 1998, №1–2.

Солдатова Г.У. Гл.7. Этническая идентичность и этнополитическая мобилизация // Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М. – Волгоград, 2000.

Korzeniewska-Berczynska J. Obraz człowieka w kontinuum publicystyki. Образ человека в континууме публицистики. Olszyn, 2001.

Метаязыковые измерения многоречия¹⁶

Общим местом в современной лингвистике является мысль о том, что единый национальный язык – это величина в известном смысле абстрактная, ибо реально он функционирует в многочисленных вариантах (формах существования, разновидностях, сферах бытования), см., например: [Караулов 1991, Крысин 2003, Мустайоки 2013]. Эти варианты обусловлены тем, что нация состоит из социальных объединений, более или менее крупных (например, жители одного региона, люди одной профессии, одного возраста, члены объединения по интересам и т.д.). Если это коллективы большие, имеющие свою специфику, то национальный язык дифференцируется в рамках этих коллективов, образуя своеобразные подязыки (субязыки) со своим лексиконом и правилами его употребления. Единая совокупность подязыков имеет динамический характер, в силу которого каждый член языкового сообщества владеет множеством речевых ролей, в зависимости от ситуации коммуникации, типа адресата, стилевой тональности и речевого жанра, в рамках которого осуществляется высказывание.

Вербализированная метаязыковая деятельность говорящего / пишущего позволяет выявить поликодовый набор языковых средств в рамках одного языка, необходимых говорящему при порождении речевого произведения. Индивидуум предстает в своей речевой деятельности как полиглотическая личность, умело пользующаяся возможностями родного языка.

Корпус метаязыковых высказываний, включающих ссылки на тот или иной субязык в рамках единого национального русского языка, представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые свидетельствуют о количественных параметрах сложившихся разновидностей¹⁷, постоянном контакте их между собой, об обогащении и влиянии субязыков друг на друга, о статусе, который они имеют среди говорящих по-русски, о тех или иных активных языковых процессах в современном русском языке, связанных с популярностью той или

¹⁶ Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: коллективная монография / отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Кушина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014

¹⁷ См., например, указанную выше работу Ю.Н. Караулова, который в 1991 году выделил 8 сфер бытования языка. А.Мустайоки в работе 2013 года говорит о 15 разновидностях русского языка.

иной разновидности, фиксируется также направление этих процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий взаимодействие субъязыков новейшего времени. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок.

Объектом нашего исследования являются метаязыковые высказывания, которые свидетельствуют о присутствии в обыденном сознании рядового носителя языка знания многих разновидностей русского национального языка. Цель данного аспекта монографической работы – очертить хотя бы в эскизной форме набор субъязыков русского языка, к которым прибегает говорящий в своей речевой деятельности, выделив продуктивные разновидности языка, определить функциональную нагрузку «чужой речи» при текстопродлении. Исследовательский материал был извлечен с помощью базы данных Интегрум. Выборка показательных иллюстраций с включенными метаоператорами проводилась из публицистических текстов российских средств массовой информации XXI века – с 2000 по 2013 г. (включительно).

Анализируя корпус метавысказываний, мы пришли к определенному выводу: ввод в контекст высказывания фрагментов другого субъязыка связан с двумя основными функциями, которые выполняют эти вводы в рамках литературной разновидности языка: во-первых, с идентифицирующей функцией, когда метаязыковые высказывания погружены в конкретно-ситуативный профессиональный контекст и описывают некоторое положение дел в этой сфере деятельности, и, во-вторых, с эстетической функцией, когда единицы какого-либо субъязыка метафоризируются в литературном варианте в силу своей особой выразительности, являясь источником дополнительных экспрессивных средств. Кроме того, количественное преобладание ссылок на тот или иной субъязык определяет еще одну, прогностическую, функцию ввода чужой речи: предпочтение одной разновидности перед другой свидетельствует об активных процессах, происходящих в современном русском языке. Обратимся к конкретному материалу, отражающему последнюю из отмеченных функций.

Одной из тенденций языкового развития на современном этапе является демократизация русского литературного языка, которая, в частности, проявляется в коллоквиализации письменной речи, активном внедрении устной разно-

видности языка в письменную. Эта тенденция в границах лингвистической критики речи связывается с вульгаризацией языка, семантическим примитивизмом, языковой смутой, агрессией. Широкий набор метаоператоров, измеряющих современное многоречие, позволяет подтвердить данную тенденцию: современный говорящий активно пользуется сниженной лексикой устной речи. Проиллюстрируем данное положение: *Если от дополнительной покупки зависит ваша зарплата, сам бог велел, говоря по-простому, «впаривать лишнее»* (Метро (г. Москва); 27.03.2012); *Как правило, одна отдельно взятая компания его не потянет, поэтому, если говорить по-простому, приходится сбрасываться* (Ежедневные новости. Подмоскowie; 24.03.2006); *Все мы знаем, что правительство России ведёт политику искоренения музеев путём перевода их в режим самоокупаемости или, говоря по-простому, заставляет их выживать на подножном корму* (Завтра; 16.03.2011); *В его итогах можно было не сомневаться: говоря по-простому, по-народному, фигово у нас с культурой и духовностью* (Известия; 28.08.2002); *В том бою Чизора, говоря по-простому, набил морду финну, однако победу ему так и не дали* (Известия; 17.02.2012); *Берлускони ответил тогда оппоненту словами о том, что это «технический» премьер возомнил себя спасителем Отечества, отчего у него, вульгарно выражаясь, «крыша поехала»* (Московские новости; 22.01.2013); *Начало нового тысячелетия в России ознаменовано, выражаясь жаргонным языком, беспределом в сфере строительства жилых домов на средства соинвесторов* (Ежедневные новости. Подмоскowie; 02.11.2007); *Ведут какие-то переговоры, выражаясь жаргонным языком, что-то трут между собой* (КоммерсантЪ Daily; 07.03.2008); *Дошло до того, что один из кандидатов, выражаясь по-народному, пообещал каждой бабе по мужику, и для исполнения этого посула предложил в час окончания выборов выйти на площадь* (Правда-КПРФ (Москва); 07.12.2010); *Общаясь с ними, казалось бы, я должен был все больше убеждаться, что все они, выражаясь по-народному, с очень большим приветом* (Вечерний Ростов (Ростов-на-Дону); 26.08.2011); *И тут начинаются, выражаясь по-народному, непонятки* (Городские новости (Ярославль); 19.03.2003).

К жаргонной разновидности языка, существующей, как известно, только в устном варианте, примыкают метаоператоры, которые вводят уголовный субъект

зык, включающий грубо ненормативную лексику: *Карманники начинают «работать» еще во время посадки, выбирая будущую жертву, и иногда совершают попытку украсть еще во время захода – как говорят воры, «сработать на подсаде»* (Караван + Я (Тверь); 16.05.2001); *А сам Тагир, будучи в Петропавловской пересыльной тюрьме, увидев, как воры снимают бурки с ингушского пожилородного человека, «сорвался» и, как говорят воры, «замочил» воровского «пахана»* (Сердало (Назрань); 23.02.2013); *Они с Жуком сделали свою работу, за которую было обещано хорошее вознаграждение, и, говоря бандитским языком, крупно «фраернулись»* (Московская правда / Столичный криминал N4; 04.03.2007); *«Злые языки» говорят, что после поражения Самошина на губернаторских выборах 2001 года вас просто поставили, как говорят бандиты, «на счетчик», и вложенные в вашу кампанию громадные деньги в случае вашей победы вас просто заставят «выкачивать» из Тулы* (Новотульский металлург (Тула); 08.11.2005).

Метаоператоры, вводящие элементы ненормативного субъязыка в литературную речевую среду, подчеркивают активное заимствование уголовного лексикона современными политиками: *Тогда они будут на виду, их авторитетность проверяется просто и, как говорят бандиты вкуне с политиками, они будут «отвечать за базар» своим именем* (Книжное обозрение; 23.10.2006); *Как говорили бандиты и А.Лившиц, «делиться надо»!* (Советская Россия (Москва); 27.03.2004). «Активная «интервенция» тюремно-лагерного жаргона и различных его разновидностей во все сферы русской речи – одна из характерных примет современной языковой ситуации» [Крысин 2003: 76]. Эту тенденцию манифестируют и контексты с включенным метаоператором *говоря современным языком*, например: *Говоря современным языком, здесь была такая «восточная тусовка»* (Известия (Москва); 18.11.2005); *Думаю, «крышевание», говоря современным языком, возникло не вчера* (Известия (Москва); 11.03.2011); *Говоря современным языком, сексом теперь не занимаются, его – «зажигают»* (Комсомольская правда; 29.03.2003); *Я надеюсь, что те люди, которых мы в этом фильме сыграли, не были, говоря современным языком, замазаны в политиканских разборках* (Комсомольская правда; 26.01.2012) и др.

Ввод средств той или иной разновидности языка предполагает или акцентирует противопоставление: в оппозиционную пару к метаоператорам *говоря*

по-народному / по-простому, выражаясь жаргонным / бандитским языком можно поставить метаоператор *выражаясь интеллигентно*. Включение в контекст высказывания единиц разного стилистического регистра выполняет эстетическую функцию, поскольку понижение или повышение стилистической планки на фоне нейтральной лексики помогает проследить установку говорящего на речемыслительное творчество. Рефлексивные высказывания этого типа включаются в метаязыковое дискурсивное пространство сознательных поисков путей самовыражения. Например: *Лиле по-своему льстило, что такой, **выражаясь интеллигентно**, неординарный человек вновь и вновь возвращается к ее порогу* (Милиция; 27.01.2004); *Люди совершенно потеряли, **выражаясь интеллигентно**, критерии оценки творчества* (Московская правда / Новый взгляд N11; 15.11.2003); *А суть заключается в феномене, который можно назвать бабьим бунтом или, **выражаясь интеллигентным** языком, женским саботажем: женщины внезапно (по историческим масштабам, конечно) и в массовом порядке перестали выполнять свою природную функцию — рожать детей* (Звезда; 15.10.2008). В контексте обращает на себя внимание синонимическая пара *бабий бунт – женский саботаж*, в которой второе словосочетание воспринимается как элемент «интеллигентского» языка: будучи эвфемизмом, оно смягчает резкость первого.

Современная речевая практика дает возможность увидеть, что стремление говорящего называть вещи своими именами приводит к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Поэтому острой для современных СМИ является проблема толерантности, которая требует регулировать коммуникативные отношения в границах этической позволительности. Толерантность повседневного общения ориентирована на создание положительной эмоциональной атмосферы. Для успешного взаимодействия коммуниканты используют целый набор тактик толерантного поведения. Среди гармонизирующих тактик одна из основных – употребление эвфемизмов. Ср.: *Есть еще одна «симпатичная» подробность в работе «Мурманскблээнэрга». Она называется экономические потери. Это если **выражаться интеллигентно**, а если по-простому, называя вещи своими именами – то воровство* (Полярная правда (Мурманск); 15.03.2002); *Золотой сон о светлом будущем человечества был всегда идеалом, **выражаясь интеллигентным языком**, безумца, а говоря попросту, дурака*

ка (Звезда ; 15.03.2006).

Общий взгляд на включение элементов профессиональных субъязыков в современную речь позволяет выделить две причины переключения говорящего на «чужой» язык. Как мы писали выше, необходимость употребления профессионального варианта обусловлена идентифицирующей функцией: структура коммуникативного акта предусматривает идентичность информации, общность содержания знаний как говорящего, так и слушающего. Активной фигурой в коммуникации является говорящий / пишущий, а адресат пассивен и находится на более низком информационном уровне. Поэтому семантическое правило «равнения вниз» требует «содержательного ориентирования сообщения на самый низкий по уровню контингент реципиентов» [Комлев 1992: 198]. Требование подробной и избыточной информации слушающим диктует говорящему / пишущему необходимость метаязыкового комментирования элементов субъязыка той профессии, о которой он говорит / пишет, например: *У новорожденного резко, как говорят медики, «падает сахар» и, если не предпринять экстренных мер, ребенок может погибнуть* (Вечерняя Москва; 13.02.2003); *Причем женщины молодые, как говорят медики, «в наиболее активном репродуктивном возрасте» – от 25 до 30 лет* (Вечерняя Москва; 14.08.2003); *За этим процессом наблюдает высококачественный лазер, луч которого, как говорят физики, не «гуляет по углу» – не колеблется и не дрожит* (Итоги; 16.04.2007); *Андрюша рос умненьким, как говорят учителя, «беспроблемным» ребенком* (Комсомольская правда; 01.06.2000); *Таким образом, администрацию не только зачистили от людей прежнего губернатора, но и, как говорят чиновники, «структурно сжали»* (Коммерсантъ; 08.08.2002); *Там ему предложили, как говорят военные кадровики, «чёрную должность» – командира роты* (Аргументы и факты; 10.01.2007); *Исследование подтвердило, что мышцы у мышек перестроились или, как говорят учёные, перепрограммировались, как после серьёзных тренировок* (Аргументы и Факты; 08.10.2008); *Полученные клетки не требуют культивации в условиях лаборатории – их можно пускать в дело, как говорит профессор, fresh, то есть свеженькими* (Мир новостей; 04.09.2012); *Для настоящего конструктора это очень важно – увидеть итог своего творчества, когда воплощение инженерной идеи имеет конечный, вполне осязаемый результат в готовом изделии, как говорят инженеры, в «железе»* (Учитель-

ская газета; 11.05.2010); *Это крепкая капуста, как говорят агрономы*, – «лежкая», она хранится чуть ли не до лета (Неделя. Подмосковье; 12.10.2011) и др.

Профессиональные варианты национального языка – неиссякаемый источник пополнения выразительных средств литературного языка. Нетерминологическое (часто метафорическое) употребление терминологических единиц различных профессиональных субъязыков опирается на достаточно прочный багаж знаний, полученных в средней школе. Частотно обращение к точным наукам: *То, о чем вы сказали, это скорее, как говорят математики, необходимое, но недостаточное условие* (Завтра (Москва); 08.08.2013); *Все остальное, включая и реформу образования, дает, как говорят математики, лишь эффекты второго порядка* (Известия; 05.10.2002); *Как говорят математики – что и требовалось доказать!* (Московский комсомолец; 19.10.2003); *Вся эта история вспомнилась мне недавно по какой-то ассоциации, но не прямой, а, как говорят математики, «от противного»* (Московский комсомолец; 21.09.2005); *В 99-м Путину надо было решать уравнение, говоря математическим языком, с пятью неизвестными, и решать в самые сжатые сроки* (Российская газета; 22.02.2012); *Это, как говорят компьютерщики, системный кризис* (Московский комсомолец; 06.10.2005); *Волжане выглядят сейчас, как говорят компьютерщики, саморазвивающейся системой* (Спорт-Экспресс; 16.08.2004); *Лишь один раз в году ему выпадает шанс обновить свое сознание, поднять его на более высокую ступень – как говорят компьютерщики, сделать апгрейд* (Московский комсомолец; 05.02.2007).

Используются и субъязыки гуманитарных наук: *Они меня прельщают только одним: там можно, как говорят филологи, сцепиться языками* (Комсомольская правда; 21.07.2005); *А насчёт различных писательских членских билетов, дипломов об окончании литкурсов и так далее, то, знаете, как говорили филологи, «падежов не надо путать»* (Литературная Россия; 17.09.2004); *Они уверены, что страна развивается в правильном направлении, и имеют осмысленные планы на жизнь, или, как говорят социологи, достигательные стратегии* (Известия (Россия); 10.07.2008); *Все эти вещи – политические расклады, повседневные состояния – даны из переживающего их сознания, или, как говорят философы, – «интенсионально»* (Новый мир; 15.07.2007).

Образные приращения получают лексические единицы и выражения, вы-

шедшие из профессиональные сфер, знакомых широкому кругу носителей языка: Так сказать, и фарс и шоу в одном флаконе, говоря языком рекламы (Комсомольская правда; 19.11.2004); Теперь они, говоря языком рекламы, «ждут до первой звезды» – удастся смягчить приговор или нет (Петровка, 38, Москва; 20.09.2000); Я две недели не пил, писал по 8–10 часов в сутки, закончил большой «цикл работ», как говорят строители, – и очень устал (Знамя; 15.11.2011); Я все люблю делать «под ключ», как говорят строители (Новые известия (Москва); 16.03.2007); По поводу своей формы Кузнецова выражает, говоря политическим языком, сдержанный оптимизм (Российская газета; 15.03.2007); Похоже, в мире нет такого закона, который не научились бы обходить предприимчивые и весёлые русские люди (или, как говорят политики, «дорогие россияне») (Московский Комсомолец; 03.03.2012); При этом бюджет, как говорят чиновники, остается социально ориентированным (Независимая Газета; 03.10.2007).

К профессиональным вариантам примыкают достаточно популярные субъязыки, на которых говорят люди, объединенные в сообщества по определенным интересам: коллекционеры, рыбаки, автомобилисты и др. В текстах СМИ активно используются вкрапления из этих языков: Но это была разминка, как говорят кавээнщики (Магнитогорский Рабочий; 27.10.2000); В июле этого года военнослужащий продал «убитую», как говорят автомобилисты, машину неизвестному кавказской внешности (Вече Твери; 20.10.2006); Да, для многих жителей вверяемой ему территории Никита Белых может стать, как говорят автомобилисты, помехой справа (Новая газета; 15.12.2008); Одним словом, гребу себе помаленьку, по-«собачьи», в «своем» ряду, как говорят автомобилисты, никому вроде не мешаю (Вечерняя Москва; 09.03.2007); Хотел бы пожелать вам, Михаил, осуществления ваших идей и, как говорят рыбаки: «Ни хвоста, ни чешуи!» (Архангельск; 03.09.2003); Во время разливов в воду попадает разная живность, и у пираний просыпается, как говорят рыбаки, «жор» (Комсомольская правда; 25.02.2000); В коллекции Сергея Белова недостает не более 250, самых редких, или «тяжелых» медалей, как говорят коллекционеры (Карелия (Петрозаводск); 25.04.2002).

Особой разновидностью национального языка является субъязык детей [Цейтлин 2000]. Ребенок как языковая личность пользуется автономной детской

речью, отличной от взрослого языкового существования. Дети выступают как самостоятельные субъекты речевой деятельности. Длительное, повседневное, регулярное наблюдение взрослых за речью детей в естественных условиях (в семье, в общении с другими детьми) открывает возможности использования детского контекста в дискурсивном пространстве взрослых. Переход на язык детства соотносится с функцией усиления выразительности и изобразительности речи, так как детская речь придает тексту ту непосредственность, которая характерна для ребенка, она (наряду с речью поэтической) характеризуется свободным и широким творческим подходом к языку [Купина 2013]. Например: *Но, как говорят дети, «почти не считается»* (Ежедневные новости. Подмосковье; 25.06.2005); *Как говорят дети, кто как обзывается, тот так называется* (Завтра; 05.10.2005); *Тот, да не тот, как говорят дети* (Комсомольская правда; 14.02.2003); *Это соперечающих и что-то делающих всегда есть за что притянуть, а молчаливое большинство, как говорят дети, «в домике»* (Комсомольская правда; 08.11.2010).

Детские вкрапления в текст высказывания требуют поиска оппозитивной пары *дети – старики*. Удивительно, но цитирования «стариковской» речи в современном медиадискурсе значительно меньше детской, например: *Главное, как говорят старики, чтобы не было войны* (Трибуна, Москва; 16.12.2000). Демографическая маркированность в данном случае акцентируется отсылкой к автору: *Как говорил старик Конфуций, «если тебе плюют в спину, то это значит, что ты идешь впереди»* (Ветеран; 04.10.2011); *Твардовский так характеризовал вялые стихи: «Как говорит старик Маршак: – Голубчик, мало тяги...»* (Вечерняя Москва; 07.06.2007); *Как говорил старик Маркс, крот истории не знает усталости* (Обозреватель; 15.09.2003). Третий член возрастной парадигмы – молодежь, ссылками на речь которой изобилуют современные СМИ. Продуктивное обращение к молодежной речи объясняется демократизацией современного русского языка, активно поддерживаемой данной возрастной группой россиян. Формирование общего жаргона, новейшего образования современной эпохи [Ермакова, Земская, Розина 1999], единицы которого не принадлежат к какой-либо определенной социальной среде, связано с молодежным субязыком. С помощью молодежного жаргона, в частности, восполняется лакунарность многих тематических сфер (например, сферы интимных отношений).

Проиллюстрируем данное положение: *Как говорит молодёжь, «респект и уважуха» автору за профессионализм* (Аргументы и Факты; 17.02.2010); *Смешно, весело, прикольно, как говорит молодежь* (Итоги; 19.07.2005); *Я никогда не заморачивался, как говорит молодежь, на этой теме* (Комсомольская правда; 16.01.2013); *И мне, как говорит молодежь, глубоко фиолетово, по чьему недосмотру это не делается* (Московская правда; 25.12.2012); *Сегодня музыка больше воспринимается как фон, или ее используют, чтобы, как говорит молодежь, «поколбаситься»* (Московский комсомолец; 23.12.2011); *Главная оппозиционная сила, как говорит молодежь, тоже «жжжжж»* (Независимая Газета; 01.03.2011); *Увы, но авторитет этой правоохранительной структуры сегодня опустился, как говорит молодежь, ниже плинтуса* (Сельская жизнь; 28.05.2009) и др.

Следующая трехчленная парадигма субъязыков может быть выделена по хронологическому основанию: *говоря старинным языком / по-старинному / как говорили в старину — говоря советским языком — говоря современным языком*. Ю.М. Лотман критически относился к модели коммуникативного акта Р. Якобсона, считая ее «технизированной». Он пишет: «Фактически подмена термина «язык» термином «код» совсем не так безопасна, как кажется. Термин «код» несет представление о структуре только что созданной, искусственной и введенной мгновенной договоренностью. Код не подразумевает истории» [Лотман 1992: 13]. Трудно не согласиться с утверждением Ю.М. Лотмана об историчности языка. Безусловно, слово в языке обладает культурной памятью, поэтому оно в сознании говорящего всегда хронологически маркировано. Скоротечность жизни слова часто объясняется эстетической потребностью говорящего к обновлению речи. Эта потребность реализуется в смене формы языкового знака при тождестве содержания. Смена номинации постоянно фиксируется носителем языка, и языковое сознание выполняет в этом случае функцию идентификации, восстанавливая связь времен, через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности. Помещенные в один контекст метаязыкового комментирования временные синонимы способствуют новой интерпретации фактов истории, новому аксиологическому ракурсу. Акт нового называния отождествляется с актом познания, например: *Учредителями этой некоммерческой организации, или, говоря по-*

старинному, благотворителями, стали люди далеко неслучайные в нашем культурном пространстве (Литературная газета; 16.01.2008); А тут вдруг выяснила, что любовь – это когда, говоря по-старинному, занимается дух (Урал (Екатеринбург); 15.03.2007); «Аппаратчик» – неологизм, обозначающий сотрудника государственного аппарата, говоря по-старинному – человека служивого (Тверская 13; 11.11.2008); История Ирана, или, говоря по-старинному, Персии, – это история бесконечных взлетов и падений (Книжное обозрение; 24.05.2004). С другой стороны, многие исторические факты могут быть объяснены современным языком: Говоря современным языком, Пётр I был первым в России инноватором и модернизатором (Аргументы и Факты; 17.11.2010); В 1886 году Перхин открыл свою собственную мастерскую, которая, говоря современным языком, работала под брендом «Фаберже» (Гудок; 22.10.2004); Конечно, язык у Тургенева, а Тургенев, говоря современным языком, деревенский писатель, и у Льва Николаевича Толстого, и у Бунина, совсем другой, чем у Достоевского (Завтра; 14.03.2007); Вронский тоже попал, говоря современным языком (Гудок; 12.08.2011); Все хитроумные, смертельно опасные, рискованные комбинации князь Пожарский-Михалков выстраивает, чтобы опасные революционеры и, говоря современным языком, корруптированные и неэффективные чиновники уничтожали друг друга (Завтра; 22.06.2005); Политик уровня Сталина (кризисный управляющий, говоря современным языком) поневоле руководствуется здравым смыслом и другими вполне обыденными вещами — иначе ничего не защитишь и не построишь (Завтра; 13.05.2003).

Постоянная сопоставительная оценка советского и постсоветского времени типична для современной России. Она спровоцирована концептуальным напряжением, возникающим при перестройке мировоззренческих ценностных установок, переходным состоянием общественного сознания постсоветского человека. Современная речевая реальность регистрирует эти попытки перестройки сознания в виде ссылок на язык советской эпохи: И все-таки, говоря советским языком, точек общепита меньше не становится (Литературная газета; 11.07.2001); А хор ее поддержки, звучащий сегодня на Кавказе, это, говоря советским языком, попросту «одобрямс» (Новые известия (Москва); 22.11.2004); Михаил Юрьевич, не кажется ли вам, что средства массовой информации, говоря советским языком, в большом долгу перед трудящимися? (Эксперт;

09.02.2004); *Без него, видимо, нельзя – страна должна знать своих героев, говоря советским языком – «знатных рыбаков», и защищать свои интересы на море* (Известия (Москва); 23.08.2001).

Особо выделяется круг метаоператоров, с помощью которых носитель литературного языка обращается к территориальным вариантам национального языка. Привязка к тому или иному диалекту укрупняется: территориальная локализованность определяется ориентацией по сторонам света, но не четырехсторонней (юг – север – запад – восток), а двусторонней *как говорят на юге / как говорят на севере*, например: «Тенденция, однако», – *как говорят на Севере* (Известия; 19.05.2000); *На материк, как говорят на Севере* (Литературная газета; 23.01.2008); *Обещать легко, бумага терпит, а добиться реализации обещанного – это, как говорят на юге страны, две большие разницы* (Советская Россия; 17.10.2000); *При этом желательно выбирать, как говорят на юге, «кавунишу» – «арбузную девочку»* (Тамбовская жизнь (Тамбов); 03.09.2003).

Метаоператоры *как говорят на Западе / как говорят на Востоке* комментируют «чужую речь» за пределами России. Ср.: *Ноу комментс, как говорят на Западе (без комментариев)* (Завтра; 18.02.2003); *Для такого – освобождающегося – человека важен и бесценен сам путь («дао», как говорят на Востоке)* (Независимая Газета; 25.03.2008).

Дальнейшая территориальная субъязыковая детализация проходит по крупным географическим привязкам России: *как говорят на Урале / в Сибири / на Волге* и т.д. Например: *С августа, когда щука, как говорят на Волге, отращивает зубы, любители заготавливают живых карасиков для живцов* (Золотое кольцо (Ярославль) 15.08.2008); «Всяко-разно», *как говорят на Урале* (Урал (Екатеринбург); 15.05.2004); «Качули», *как говорят на Урале*, – *это движение от Земли к Солнцу, радостное движение* (Вечерний Екатеринбург; 30.04.2005); *Медведь может идти, как говорят сибиряки, шоркатно (шумно), но может приблизиться тихо и осторожно* (Комсомольская правда; 16.03.2001).

Как показывают примеры, абсолютно специфические единицы нередко привязываются к конкретному локусу. Так, носитель литературного языка часто в своей речи обращается к региональному варианту, получившему название «одесский язык». Лингвистический статус речи коренных жителей Одессы обсуждается в кругу специалистов, но для носителей обыденного сознания бес-

спорен факт, что ссылка на этот субъязык – это поддержка контекста аурой неповторимого одесского юмора, например: *Как говорят в Одессе, «их есть у Леонида»* (Бизнес-журнал, 07.09.2002); *Как говорят в Одессе: будем посмотреть* (Бизнес-журнал, 20.08.2003); *Ну а насчет того, что «с улиц Замоскворечья будут изгонять автомобили»*, как заявлено на сайте управы в Интернете, *то, как говорят в Одессе, не смешите мои ботинки* (Вечерняя Москва; 09.02.2007); *И когда мне какой-нибудь актер заявляет: «У меня 120 ролей», то я, как говорят в Одессе, смеюсь вам в лицо* (Аргументы и факты, 20.03.2002).

Особую группу составляет набор метаоператоров, которые указывают на заимствованные афористические выражения, пополнившие состав русского языка, но не утратившие своего иноязычного облика. Несмотря на то, что эти выражения не порывают со своим этимологическим прошлым (благодаря отчасти метаязыковым сопроводителям), они давно и систематически употребляются в русском языке, являясь его составной частью. Такую группу заимствованных слов и выражений можно отнести к своеобразному интернациональному субъязыку русского языка. Зачастую эти афоризмы становятся метафорами, «которыми мы живем», определенным образом влияя на мировоззрение и поведение членов социума. Вытекающие из этих выражений стереотипные представления о других народах могут сказать нечто об особенностях восприятия русскими страны, из которой пришел тот или иной афоризм. Приведем выражения из французского языка: *Как говорят французы – миль пардон!* (Ветеран; 10.06.2000); *Как говорят французы: «C'est la vie» – такова жизнь* (Вечерняя Москва; 12.05.2009); *Пятьдесят лет протанцевала гениальная балерина в Большом и нынче отмечает свой юбилей – как говорят французы, четыре раза по 20!* (Вечерняя Москва (Москва); 21.09.2005); *Как говорят французы, вы имеете ту любовь, какая есть* (Дружба народов; 15.12.2011); *Когда возникают проблемы, шерше ля фам – советуют французы* (Музыкальная правда; 21.09.2012).

Увлечение русского дворянства французской культурой способствовало формированию стереотипных представлений о Франции и французах. Соответствующие афористические выражения формируют определенные стереотипы: французы – утонченные, галантные мужчины, обожающие женщин; француженки – элегантные, очаровательные женщины, благоухающие изысканными

ароматами; Париж – романтическая мекка для влюбленных. Афористические выражения адаптируются в русском контексте – от четко прописанных ролевых позиций крылатой фразы, когда тексту требуется афористическая поддержка, ср.: *Шерше ля фам*. Известно, что все великие открытия делаются либо ради женщины, либо для женщины (Известия (Россия); 17.03.2009); Присказка *«шерше ля фам»* не на ровном месте появилась: женщины всегда стоят за движениями мужчин (Московский комсомолец; 23.01.2009) до трансформаций афоризма на русской почве, например: *Не шерше ля фам, а шерше мужик* (Дружба народов ; 11.09.2004).

Афоризмы на основе английского создают образ безупречного джентльмена: *Как говорят англичане*: «Разведка настолько грязное дело, что ею могут заниматься только джентльмены» (Завтра; 21.07.2004), любящего порядок и чистоту немца: *Как говорят немцы*: «Was wissen zwei, wisst Schwein» («Что знают двое – знает свинья») (Известия (Россия); 14.12.2006).

Особое место в афористической картине мира занимает восточная мудрость с образными параллелями, нетипичными для славянской культуры, например: *Я смолоду не боялся, как говорят японцы, потерять лицо, потому что опыт, приобретенный даже путем потери лица, важен* (Собеседник; 10.11.2004); *Как говорят китайцы, наркотик умеет ждать, и мальчишек с искалеченными судьбами ему ждать приходится недолго* (Медицинская газета, Москва; 21.09.2001); *Как говорят китайцы, власть – «дракон в тумане»* (Независимая Газета; 04.09.2009) и др.

Подведем итоги. Корпус высказываний с метаязыковыми сопроводителями позволил подтвердить положение о том, что современное языковое существование демонстрирует динамическое многообразие проявлений единого языка с присущей ему социальной и функциональной дифференциацией. Границы между подсистемами языка становятся проницаемыми: полигlossия является типичной приметой современной речи. В естественных коммуникативных условиях мы встречаемся с языковой гетерогенностью носителей литературного языка, которые свободно используют средства разных субъязыков. Расширение границ языковой свободы позволяет создавать тексты, в которых причудливо соединяются социальные, территориальные, этносоциальные и демографические разновидности. При этом корпус рефлексивов, фиксирующих ссылки на

данные сферы бытования языка, является точным диагностирующим инструментом, позволяющим описать особенности функционирования средств разных субъязыков в границах единого национального языка.

Литература

Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности (Доклад на конф.

«Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии). М.: Наука, 1991.

Комлев Н.В. Слово в речи. Денотативные аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1992.

Крысин Л.П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М. : Языки славянской культуры, 2008. – С. 33 – 77.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика русского языка: учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2013.

Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация // Вопросы языкознания, 2013, № 5. – С.3 – 27.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М. : Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000.

Актуальные слова в свете языковой рефлексии

«Хочу сиять заставить заново...», или о прагматическом потенциале негативно заряженных слов¹⁸

– Скажи, почему тогда, много лет назад, ты выбрал филологию?
– Потому что я люблю слова. Меня часто спрашивают, кто я: православный или католик? Отвечаю, что филолог. Когда же вижу круглые глаза, то добавляю: «В начале было Слово...».

Из интервью с польским писателем Мариушем ВИЛЬКОМ

Любовь к слову и отдельно к слову русскому, свобода мысли и живой, гибкий ум, энергичность и наблюдательность, незашоренность и развитое воображение – эти и многие другие качества характеризуют Арто Мустайоки. Они помогают ему выйти победителем из многих жизненных и научных сражений. Я всегда нахожусь в ожидании новых идей и открытий юбиляра. И пусть судьба и близкие берегут его талант, силы и душевное равновесие!

Любовь и ненависть – эти сильные чувства говорящий может испытывать по отношению к слову. Оценочное отношение говорящего или адресата сообщения к описываемой знаком действительности входит в прагматическую информацию о слове, которая в семасиологической практике рассматривается как коннотативный макрокомпонент лексической семантики, как субъективно-модальное приращение к объективному значению слова (Арутюнова 1988; Апресян 1995; Кобозева 2000; Матвеева 2003; Складаревская 2001; Телия 1996 и др.). В работах по лексической семантике выделяют два типа прагматической информации: 1) прагматические компоненты, которые дополняют понятийную информацию; 2) прагматическая информация, которая «впрессована в лексическое значение слова» (Апресян 1988, 21) и не может быть изъята из толкования.

¹⁸ С любовью к слову. Festschrift in honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday: Сб.ст. / Под ред. Й. Линдстедта и др. Helsinki: Yliopistopaino, 2008. (Slavica Helsingia, vol. 35)

Своеобразными маркерами прагматической информации в речи могут являться метакомментарии различного типа, см. об этом: (Вепрева 2002, 179–186).

Разнонаправленное (положительное или отрицательное) оценочное отношение может проявляться по отношению к одному и тому же слову. Цель нашей работы – определить, что скрывается за полярностью оценки семантики слова. От любви до ненависти и наоборот один шаг – эту пословичную истину мы хотим подтвердить нашими наблюдениями за лексическими единицами, которые в современной речи сопровождаются метаязыковыми комментариями, включающими операторы *в хорошем (лучшем, не плохом) смысле (значении) слова*. С помощью данных метаоператоров говорящий пытается кардинально изменить оценочную составляющую прагматически заряженного слова: от негативной характеристики слова к хорошему отношению к нему.

Попытка говорящего выявить положительный потенциал у отрицательно окрашенной единицы созвучна с мыслью А. Мустайоки о необходимости разграничения понятий «ситуация» и «положение дел». Главным в функциональном синтаксисе, по его мнению, является не описываемая ситуация, а «ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ, представляющее то, что говорящий хочет сказать о данной ситуации. Иными словами, положение дел отражает точку зрения говорящего на данную внеязыковую ситуацию» (Мустайоки 2006, 33). Перефразируя автора, мы можем сказать так: главным при употреблении слова является не его узуальное значение, закрепленное в языковой практике, а та коммуникативная роль, которую говорящий «навязывает» данному слову. Материалом исследования послужила выборка контекстов из СМИ за 2007 год, которая проводилась на основе базы данных Интегрума.

Охарактеризуем полученные типы на основании функциональной нагрузки, выполняемой метаоператорами.

1. Функция метавысказывания – *освободить слово от негативных идеологических наращений*.

1.1. В первую подгруппу вошли единицы, называющие советские реалии. Появление негативной оценочной семантики у «советских» слов закономерно. Отрицательная коннотация лексем длительное время накапливалась в недрах общественного сознания советской эпохи. За годы советской власти коннотация приобрела устойчивый характер, что позволило зафиксировать ее в «Толковом

словаре конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г.Н. Складневской (1998), ср.: *советский* — 3. (**неодобр.**) «Свойственное чему-либо в СССР или кому-л. живущему в СССР». Присвоение всему советскому пейоративной коннотации демонстрирует тип мышления языковой личности в эпоху социальных перемен, получившего в социальной психологии название блокадного, которое основано на голом отрицании, резком переполосировании оценок и противопоставленности старого новому (Широканов 1993, 11). Если для 1990-х годов были характерны прямые идеологические, языковые и поведенческие конфронтации с советским опытом, то в 2000-х гг. происходит более органичное складывание новых общественных и идеологических структур. Складывающаяся российская культура формируется из рефлексивного переосмысления традиционной культуры, советского наследия и нового опыта. В новейших общественно-политических условиях современной России наблюдается тенденция к нейтрально-безоценочному употреблению лексем, мы наблюдаем явление «реабилитации» «скомпрометированных» слов:

(1) *Однако сложившийся за вчерашние смотрины в Думе имидж Зубкова как советского человека в лучшем смысле слова имеет и оборотную сторону* (Граница России; 24.01.2007; 003);

(2) *«Мы возвращаемся к плановости в хорошем смысле слова», — подчеркнул депутат* (Единая Россия; 09.07.2007; 026);

(3) *Скажу вам больше, мы проигрываем большинство информационных войн в нашей внешней политике, потому что мы крайне мало уделяем внимания информационному пропагандистскому в хорошем смысле слова сопровождению наших внешнеполитических акций* (Радио Свобода - Программы; 06.08.2007);

(4) *И обрусевшие представители местных наций, воспитанные на советских, в хорошем смысле слова, ценностях и русской культуре* (Московские новости; 03.08.2007; 30).

1.2. В данную подгруппу мы включили высказывания, в которых с помощью метаоператора снимается негативная окраска, которую единицы получили в официальном советском дискурсе. Манипулятивное воздействие на язык, ти-

пичное для советской идеологической системы, привело к маркированию ранее нейтральной лексики и помещению последней на аксиологической шкале. Лексика, номинирующая все «чужое», непролетарское, относящееся к зоне «буржуазное», наделяется отрицательными коннотациями. В условиях постсоветской России происходит очищение слов от прежних идеологических наслоений:

(5) Страна воспринимается как советская, а вот люди какие-то *«капиталистические»* (в хорошем смысле слова) – улыбаются, спокойные, везде чисто и, главное, по уму (Автобизнес - Weekly (Минск); 25.11.1999; 45 (192));

(6) Как любовно они ухаживают за своими садами, как умеют организовать в доме тот *мещанский* – в хорошем смысле слова – *быт*, который и дает человеку настоящее чувство защищенности и покоя (Аргументы и факты / Суперзвёзды; 12.02.2007; 03 (105));

(7) Вы производите впечатление строгого, рафинированного, *в хорошем смысле слова, интеллигента* (Журналист; 21.06.2007; 006).

1.3. В данную подгруппу вошли единицы, получившие негативные идеологические наращения в новейшее время. Так, резко негативное отношение к коррумпированности российских чиновников, восприятие их как наделенных властью аморальных государственных служащих, представление о кастовости привилегированной прослойки чиновников создает условия для употребления слова *чиновник* как негативно-оценочного. Освобождение значения этого слова от оценочности требует специального комментария:

(8) Люди, которые идут в бюджетную сферу, – это, включая такие важнейшие отрасли, как здравоохранение, значит, просвещение, культура, да и чиновники, слово *чиновники*, я употребляю *в хорошем смысле слова* (Телеканал «1 канал», Ночное время, 21.01.2007, 21:00).

Негативно-оценочным в новейшее время стало и заимствованное слово *пиар*. Лексема, попав в русский язык, претерпела семантические преобразования, унаследовала негативную семантику советской пропагандистской системы,

и в обыденном сознании закрепились как единица с размытой семантикой, которая обозначает информационно-пропагандистскую деятельность манипулятивного характера, направленную на формирование общественного мнения о ком, чем-л., чаще всего отрицательного, основанного на ложных фактах. М.А.Кронгауз, подчеркивая отношения преемственности советских и постсоветских идеологов, пишет: «Популярность данного слова, по-видимому, означает осознание всеобщности манипулирования всех всеми, что, впрочем, было характерно для нашего общества и в далекие «допиаровские» (то есть советские) времена» (Кронгауз 2007, 55). Поэтому для употребления лексемы *пиар* в безоценочном значении говорящий вынужден сопровождать единицу положительным метаоператором:

(9) *Но проблемы инвестиций - это еще и тема конкурентоспособности, и, в хорошем смысле слова, пиара* (Телеканал «Россия». Телеканал «Россия», Вести, 11.10.2007, 20:00);

(10) *Скорее это часть пиара – в лучшем смысле слова* (Музыкальное обозрение; 20.09.2007; 009).

2. Функция метавысказываний – *создание нового выразительного употребления слова*. В современном русском языке активно используются метакомментарии при лексических единицах с понятийно-прагматической семантикой, обладающих сильной энергетикой отрицательно заряженного слова. Использование метакомментария при таком слове приводит к аксиологической переориентации слова. Регистрируя переход от отрицания к утверждению, следует сказать, что он происходит на фоне постоянных поисков выразительных речевых средств. Приспособление структуры отдельного значения слова к условиям конкретного коммуникативного акта, к той или иной коммуникативной задаче высказывания приводит к тому, что прагматический компонент значения слова в структуре высказывания выполняет важную функцию, являясь более значимым, чем его понятийное ядро. Метатекстовые ориентиры направляют сознание адресата по нужному пути, определяя информативную ценность слова, указывают, как следует оценивать ту или иную информацию. Своим метакомментарием говорящий сообщает читателю: «Знай, что это слово имеет семантические ком-

поненты, которые оцениваются как плохие. Отметим в слове то, что плохо, и ищи то, что хорошо». Метакомментарий является своеобразной инструкцией, предписывающей, как должно быть распределено внимание адресата при восприятии лексемы. При этом сохраняется сильная энергетика негативно заряженной лексемы, которая парадоксальным образом воспринимается как положительная. Например:

(11) *Когда она поехала в Петербург, тоже учиться в Академию, она в письме родным написала: «Надо эту Академию обобрать поскорей»! Вы понимаете? В хорошем смысле слова! Что там столько знаний, столько богатства, что надо это делать быстро* (Эхо Москвы: Собрание Третьяковки; 04.02.2007)

Словарное значение глагола *обобрать* – «отнять все, что есть, ограбить, разорить» (разг.) (Толковый словарь русского языка 1999, 433). Ср.: *До нитки обобрал* (т.е. совершенно, совсем). Синонимичные глаголу *обобрать* глаголы *отнять*, *ограбить*, *разорить* имеют общий семантический компонент 'насильственное приобщение чужого, не принадлежащего субъекту'. Метаоператор *в хорошем смысле слова* нейтрализует отрицательные смыслы насильственного отнятия чужого, разорения, доведения до нищеты, оставляя при этом у глагола признак 'интенсивное проявление процесса приобщения'. Контекстные условия помогают реализовать положительное значение глагола *обобрать*. В позиции объекта приобщения находится не материальное богатство или какое-либо имущество, а метафорическое богатство в виде знаний. Интенсивное приобщение к знаниям может только поощряться в обществе, поскольку свидетельствует о сильном желании личности учиться, получать максимально возможный объем знаний.

Собранный материал позволяет выделить несколько продуктивных групп, в рамках которых проявляется эффект подобного переполюсирования.

2.1. В данную подгруппу включены агентивные имена, носители признаков, определяющихся свойствами, наклонностями человека.

(12) *Писать им было о чем - прекрасный турнир, море звезд, сума-*

сшедшие (в лучшем смысле слова) болельщики (Родная газета; 01.11.2007; 37-38);

(13) *Наши ученые немножко «с придурью», в хорошем смысле слова* (Мониторинг телеэфира. 3 канал; 04.11.2007);

(14) *Я думаю, что дело даже не в том, что молодой человек, а Инженерно-физический институт – это такой специальный институт, где учатся повернутые на голову, в хорошем смысле слова* (Эхо Москвы: Контрудар; 25.02.2007).

Лексемы *сумасшедший, с придурью* и словосочетание *повернутый на голову* в прямом значении номинируют людей безумных, для которых свойственно крайне неуравновешенное поведение, отличающее их от людей с нормальной психикой, поступающих в соответствии с общепринятыми нормами. Эти единицы объединяются также общим переносным значением, которое формулируется как «крайний, исключительный (по величине, степени)» (Толковый словарь русского языка 1999, 779). Нейтрализация с помощью метаоператора прямого отрицательного значения этих единиц актуализирует значение интенсивного проявления положительных признаков, характерных для поведения болельщиков, ученых, студентов.

(15) *Значит, он для кого-то заноза в хорошем смысле слова* (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. НТВ; 21.04.2007).

Заноза – *задиристый, придирчивый* человек (отрицательная оценка) – *энергичный, настойчивый, тщательно выполняющий свою работу* человек (положительная оценка).

(16) *Зануда в хорошем смысле слова* (Комсомольская правда; 22.02.2007).

Зануда – *надоедливый, навязчивый* человек (отрицательная оценка) – *дотошный (любопытный, во все вникающий)* человек (положительная оценка).

(17) *Лгун – в хорошем смысле слова* (Комсомольская правда; 23.04.2007).

Лгун – обманщик, клеветник (отрицательная оценка) – фантазер, выдумщик (положительная оценка).

(18) *Зиборова в хорошем смысле слова великий скопидом* (Коммуна, Воронеж; 07.03.2000);

(19) *У вас превосходный лидер, прагматик, практик, хозяин, жлоб в хорошем смысле слова, когда речь идет об интересах города и горожан, жителей столицы* (Тверская 13, Москва; 22.04.1999).

Лексемы *скопидом* и *жлоб* являются синонимами и обозначают лиц по негативным личностно-характеризующим качествам, таким, как скупость, которая осуждается общественной моралью: *скопидом* – человек, бережливый до скупости; *жлоб* – скряга, скупец. Скупой – «1. Чрезмерно, до жадности бережливый, избегающий расходов» (Толковый словарь русского языка 1999, 727). Оценочно антонимичными, положительно окрашенными являются признаковые лексемы *бережливый, практичный* (человек).

Подобная противопоставленность лексем по характеру оценки при наличии общего денотата была предметом специального исследования (Эпштейн 1991, Бацевич, Космеда 1999). Отношения между прагмемами, по Эпштейну, не исчерпываются дихотомическими связями. Автор моделирует четырехэлементные структуры (тетрады), которые позволяют структурировать оценочное использование лексики. Так, если взять в качестве архитемы «трата средств», то преобразование ее по правилам тетрады даст четыре оценочных лексемы. В них «будет выражено как положительное, так и отрицательное отношение к обильной трате средств (*щедрость, бескорыстие – расточительность, разбазаривание*), так и положительное и отрицательное отношение к отказу от траты средств (*бережливость, экономность – собственничество, накопительство*)» (Эпштейн 1991, 24).

2.2. К группе агентивных имен тесно примыкает класс негативно-оценочных прилагательных, при употреблении которых с метаоператором *в хорошем смысле слова* работает та же модель переполюсирования оценочной со-

ставляющей при сходстве предметного значения. В современном русском языке в новом положительном значении активно употребляются лексемы *агрессивный, амбициозный*, получившие подробное описание в (Левонтина 2006, Никипорец–Такигава 2006, Пшеничникова 2003). Наш материал также фиксирует частотное употребление этих лексем с положительным метакомментарием. В качестве иллюстрации приведем контексты с другими оценочными прилагательными:

(20) Впрочем, «Балда» представляет собой почти час сплошного удовольствия - музыки удивительно самобытной, легкой и **в хорошем смысле слова нахальной** (Газета (Москва); 25.01.2007).

Оценочная антонимия: *нахальный (бесцеремонный, беззастенчивый) – дерзкий, смелый.*

(21) **В хорошем смысле слова – наглая** (Советский спорт; 08.11.2007).

Оценочная антонимия: *Наглый (дерзко беззастенчивый, бесстыдный) – дерзкий, смелый.*

(22) Он всего в жизни добился **патологическим (в хорошем смысле слова)** стремлением к учебе и самосовершенствованию (Вечерний Новосибирск; 01.06.2000).

Оценочная антонимия: *патологический (болезненно-ненормальный) – настойчивый.*

(23) Разговаривая с ним, обсуждая что-то, а иногда и полемизируя (он, как я уже говорил, человек острый и даже **конфликтный в хорошем смысле слова**), ты всегда ощущаешь в нем не сухого догматика-театроведа, а человека театра (Экран и сцена; 20.09.2007).

Оценочная антонимия: *конфликтный – смелый*.

2.3. В качестве самостоятельной выделяется подгруппа единиц, включающих в свою семантику компоненты, имеющие неоднозначную оценку. Например, противоположную оценку могут иметь лексемы, связанные оппозицией «новое – старое», «новаторство – традиционность». Семантика новизны носит двойственный характер. С одной стороны, новизна обладает признаком современности. Современность вызывает в нашем сознании положительные эмоции и ассоциируется с прогрессивностью, указывает на перемену к лучшему. *Новое* всегда имеет преимущество перед *старым*, вчерашним, негодным, устарелым. С другой стороны, *старое* имеет значение «давний, существующий с давнего времени», а потому надежный и испытанный, ср.: *Старый друг лучше новых двух*. В контексте противопоставления данному значению *новое* – неизвестное, малоизвестное. Последнее значение сопровождается чувством тревоги, неуверенности в новом будущем. В зависимости от целей говорящего метакомментарий может акцентировать положительную семантику каждого члена оппозиции:

(24) По словам Тосуняна, он прекрасно понимал интересы коммерческого банка и в то же время был человеком с государственным мышлением, *консерватором в хорошем значении слова* (Российская газета; 09.10.2007; 224);

(25) И свадьба получилась очень трогательная и *в хорошем смысле слова несовременная* (Московская правда / Кнопка; 09.02.2007; 029);

(26) Татьяна Виноградова, *новатор в лучшем смысле слова* (Ежедневные новости. Подмосковье; 17.11.2007; 214);

(27) Любовь, полноценная, *современная в хорошем смысле слова*, – это и есть альтернатива «бездне» (Литературная Россия; 28.12.2007; 52).

Подведем итоги нашим наблюдениям. Лексемы, содержащие семы отрицательной оценки в ядре лексического значения, обладают особой силой воздействия. Поэтому говорящие стремятся использовать их в своих коммуникативных целях, актуализируя прагматическую информацию с помощью метавысказывания, меняющего пейоративную окраску слова на мелиоративную. Ак-

туализация и мена оценочного компонента в структуре значения необходима говорящему для очищения слова от негативных идеологических наслоений, для создания мощного стилистического эффекта – контекстного приращения положительного характера при нейтрализации негативной составляющей лексической единицы либо для дифференциации положительного и отрицательного признаков, в совокупности присутствующих в семантике слова.

Литература

- Апресян, Ю.Д. 1988. Прагматическая информация для толкового словаря. *Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва. 7–44.
- Апресян, Ю.Д. 1995. Коннотации как часть прагматики. *Избр.тр. Т 2. Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва. 156–177.
- Арутюнова, Н.Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*. Москва.
- Бацевич, Ф.С., Космеда, Т.А. 1997. *Очерки по функциональной лексикологии*. Львов.
- Вепрева, И.Т. 2002. *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Екатеринбург.
- Кобозева, И.М. 2000. *Лингвистическая семантика*. Москва.
- Кронгауз, М.А. 2007. *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва.
- Левонтина, И. 2006. Шум словаря. *Знамя*. 8. 197–207.
- Матвеева, Т.В. 2003. *Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика*. Москва.
- Мустайоки, А. 2006. *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*. Москва.
- Никипорец–Такигава, Г. 2006. Вторичные заимствования в русском языке XXI века. *Integrum: точные методы и гуманитарные науки*. Москва. 87–106.
- Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. 1999. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Пшеничникова, И.И. 2003. Барьеры в межкультурной коммуникации: межъязыковые лексические параллели. *Русский язык как иностранный: Теория. Исследования. Практика*. Вып. VI. Санкт-Петербург. 231–237.
- Скляревская, Г.Н. 2001. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы. *Исследования по славянским*

языкам: *Корейская ассоциация славистов*. Сеул. 6. 177–202.

Телия, В.Н. 1996. *Русская фразеология: Семантический, прагматический, и лингвокультурологический аспекты*. Москва.

Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения, 1998: Под ред. Г.Н.Скляревской. Санкт-Петербург.

Широканов, Д.И. 1993. Ситуация современного мышления: В тисках стереотипов. *Стереотипы и динамика мышления*. Минск. 8–54.

Эпштейн, М.Н. 1991. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса). *Вопросы языкознания*. 6. 19–33.

«Я ненавижу это слово», или о конфликте между словом и человеком¹⁹

Когда лингвист задает себе вопрос, что происходит в современном русском языке, то общим местом в его ответе будет констатация факта о высокодинамическом развитии языка, об обусловленности языковых изменений экстралингвистической реальностью, а именно, демократическими преобразованиями в жизни российского общества. При этом у исследователей XXI века, отметит лингвист, есть уникальная возможность наблюдать фактуру быстротекущей жизни языка на основе данных языковых корпусов, позволяющих с невероятной долей достоверности описать эту динамику и особенности современного состояния языка.

Демократизация российского общества, кроме того, стала фактором «концептуальной, оценочной и языковой свободы» (Стернин 2000: 16). Она стимулировала усиление личностного начала, особенно в публичной речи (Земская 1996), утвердила коммуникативные права говорящего на открытое самовыражение, на «возможность подвергать индивидуально-субъективным оценкам любой предмет речи» (Матвеева 2000: 50). Инфантилизм сознания советского человека, породивший «инфантилизм высказывания» (Капанадзе 1997: 48), сменился особой экспрессивностью публицистического текста.

Искусительная вседозволенность, желание разрушить стереотипы, отвергнуть статику и созерцательность, желание шокировать провоцируют передачу

¹⁹ Инструментарий русистики: корпусные подходы. SLAVICA HELSINGIENSIA 34. Helsinki 2008.

жизненных фактов в их грубом приземленном проявлении, формируют образы, рожденные повседневно-обыденной практикой, обнажающей жизнь без прикрас с ее жесткими законами и острейшими конфликтами. Эпатаж и агрессивность газетного языка служат огрублению и упрощению языкового вкуса, происходит отступление от моральных и эстетических норм. Нарушение этичного коммуникативного стиля приводит к «унижению адресатов информацией», происходит «унижение языком в коммуникативном пространстве современной России» (Шаховский 2007: 31–32). Негативный энергетический потенциал современного публицистического текста отчасти формирует отрицательное отношение коммуниканта к языку, мы наблюдаем, что слово становится предметом антипатии говорящего. Оценочная интерпретация языкового знака проявляется в феномене метаязыкового комментирования, обостренной рефлексии носителя языка (Вепрева 2005). Одной из ярких примет современного дискурса является широкая включенность в языковой контекст метаязыковых высказываний, которые комментируют, интерпретируют, оценивают употребление той или иной лексической единицы.

Цель нашего исследования – выяснить, какая лексика вызывает отрицательную реакцию современного говорящего, с какими словами носитель языка находится в конфликтных отношениях. Единицей исследования является метавысказывание, в котором говорящий крайне отрицательно оценивает употребляемую единицу. Операторами оценки в метакомментарии являются глаголы *ненавижу, терпеть не могу, не люблю* (слово), а также атрибутивные единицы при лексеме «слово»: *ужасное, мерзкое, отвратительное, жуткое* и др. Подобная сенсорно-вкусовая оценка является наиболее индивидуализированной, она «имеет статус неопровержимой субъективной истины» (Арутюнова 1988: 191), не требуя никаких мотивировок. Исследовательский материал был извлечен с помощью базы данных Интегрум. Выборка интересующих фрагментов текста с включенными метаоператорами проводилась за последний 2007 год. На данный период массив источников материала составляет свыше пяти тысяч различных русскоязычных СМИ.

Прежде всего, наш материал дает возможность выделить две группы метавысказываний с опорой на основание оценки. **В первой группе** основанием оценки оказывается предметно-логическое содержание слова. Слово ненавидят, если явление, им обозначенное, представляет собой угрозу для человека и способно вызвать у него состояние страха или тревоги. Поскольку современная журналисти-

ка акцентирует свое внимание на негативной информации, то таких контекстов достаточно много. Например (1–9):

(1) *Детская преступность, разврат, алкоголизм, наркомания, массовые аборты, суицид – эти ужасные слова стали уже привычны нашему слуху* (Православие.Ру; 17.01.2007 13:42);

(2) *Кстати, девочка от нее и услышала впервые ужасное слово – наркоманка*. (Кабардино-Балкарская правда (Нальчик); 26.05.2007; 155);

(3) Многие люди *не любят слово «больница»*. Все очень просто: болеть не хочет никто (Холмогорская жизнь; 21.09.2007; 38);

(4) *Жуткое слово «перелет» пугает даже самых отважных родителей*. (Московская правда, N25; 09.07.2007; 147),

(5) *Я терпеть не могу слово «скандал»*. Если кто-либо предпочел завоевать популярность таким образом, то это его личное дело», – сказала певица. (Все новости Азербайджана, Армении и Грузии; 17.05.2007 23:59);

(6) *Я не люблю слово «диктатор»*. И не думаю, что Караяна можно назвать таковым. Он был требовательным дирижером, и для достижения тех великих результатов, к которым он шел, была необходима максимальная организация оркестра. Я не считаю это диктатурой. Это творческая требовательность (Итоги.Ру; 29.09.2007; 40).

(7) *Кстати, до ужаса не люблю слова «диабетик» и все производные, поэтому стараюсь использовать его как можно реже*. Пустое, серое и старчески унылое. Застревает в горле, будто бы не могу его проглотить (ДиаНовости; 15.09.2007; 9 (132)

(8) *Жуткое слово «радиоактивность» — со дня Чернобыля минуло столько лет!* (OLO.Ru; 20.02.2007);

(9) Маша Косарева из Галича написала в своей работе: *Война – очень страшное, жуткое слово, олицетворяющее разлуку, боль, смерть*. (Северная правда (Кострома); 09.05.2007; 050).

Говорящий в приведенных контекстах переносит на слово те чувства и настроения, которые данный предмет или явление называет: слово *больница* (3)

не любят, потому что никто не любит болеть, слово *перелет* (4) жуткое, потому что говорящему жутко оставлять своих детей в воздухе на борту самолета, слово *война* (9) – страшное, так как явление, с ним связанное, негативно по своей сути и связано с болью, смертью и т.д.

Оценка слова, отражающая его восприятие говорящим, может быть достаточно индивидуальной, присущей только конкретному адресанту, поскольку связана с его мироощущением, событиями в его жизни, особым взглядом на жизнь, например (10–12):

(10) *Не люблю слово «сделать». У нас многие что-то слишком увлекаются прагматикой. А надо по-другому. Все начинается с духовного, с конструктивного отношения каждого человека и к самому себе, и к окружающим, с его желания совершить что-то хорошее, в чем-то помочь людям* (МК на Дону (Ростов-на-Дону); 07.11.2007; 045);

(11) *Так масками розыгрыши не ограничиваются – как-то я подсунул ему в бутсы настоящего рака! С тех пор Баффур ненавидит слово «рак».* (Советский спорт; 06.11.2007);

(12) *Вообще я не люблю слово «надо». Счастливый человек, на мой взгляд, – тот, которому все в кайф. Это положительный, веселый человек, который все, что ни делает, приносит духовное и материальное удовольствие.* (Молодежь Якутии (Якутск); 23.01.2007; 2).

Во второй группе метавысказываний основанием оценки оказывается коммуникативная характеристика языкового знака. Рефлексивно пристрастную помеченность получают лексемы, разноплановые по своей сути. Единственное, что объединяет их вместе, – негативное отношение носителя языка к этим словам. Дальнейшая классификация метатекстов, характеризующих данные лексические единицы, показывает, что причины отрицательной оценки слова лежат в русле общих проблем понимания и общения и являются вневременными либо отражают болевые точки современного состояния русского языка. Рефлексивное осмысление последних помогает диагностировать это состояние и сформулировать насущные проблемы языковой экологии. Обратимся к конкретной характеристике выделенных типов.

1. Негативное отношение к неточному употреблению слова

Понимание речи является продуктом нескольких когнитивных подсистем: помимо знаний, активную роль играют мнения, установки, эмоции, человеческие навыки. Оценки речи в аспекте точности употребления – это своеобразный консенсус производителя и получателя речи, позволяющий им взаимодействовать, и в этом видится своеобразная стихийная конвенциональность и субъективность нормы на уровне речи: что нормативно с точки зрения одного носителя языка, неуместно с точки зрения другого.

Данный тип рефлексивных высказываний представляет собой метаязыковое текстовое пространство сознательных поисков путей самовыражения, что подчеркивает, что спонтанное речепроизводство – «процесс гораздо более творческий, чем это обычно считается» (Чейф 2001: 30). Носитель языка, выступая в роли адресата, достаточно критично оценивает речь отправителя, обращая внимание на неточность в употреблении слов:

(13) *По картинке и по языку «Изгнание» – абсолютно европейская продукция. Вы сознательно ориентировались на мирового зрителя? – Я не люблю слово «продукция». «Продукт» – это что-то, не имеющее отношения к искусству, творчеству, художественной образности. И никакой «ориентации» с моей стороны тоже не было. Я делал кино так, как считал нужным. Таким, каким, по-моему, оно должно быть (MassMedia News ; 18.05.2007 13:12);*

Рефлексивные высказывания, возникающие в ситуации, связанной с выбором точного слова, включают обсуждение близких по семантике слов. Разграничение равнозначных слов связано не только с тем, что они выражают, но и с фактами несодержательного языкового варьирования, с различием индивидуально-вкусовым (14), социальным, территориальным (15), профессиональным (16–19) и т.д. Рефлексивные реплики содержат семантическую характеристику слова, актуализацию семной структуры слова, указывают на причины выбора иного слова (14–19):

(14) *Кстати, Владимир Слуцкер не любит слово «терпимость»*

применительно к межнациональным отношениям, потому что это означает, что ты «терпишь» то, что тебе не нравится. (Парламентская газета, 08.06.2007);

(15) *Терпеть не могу слово «дача».* Что-то в нем барское, такое безделье. И когда сосед, увидев меня, обвешанного сумками, интересуется: *На дачу собрался?* Раздраженно парирую: Да нет. В сад еду. Дача представляется чуть ли не Канарами — лежи себе в гамаке, прихлебывай пиво и радио слушай... А еду туда, где работы прорва, — там что-то перекосилось, емкость для воды течет, опрыскивать деревья пора... Какой тут уж к черту гамак и нега соответственно? (Военный вестник Юга России (Ростов-на-Дону); 30.04.2007; 018);

(16) *Есть более 200 видов вирусов, вызывающих респираторный синдром. Я вообще не люблю слова «грипп»,* потому что у нас часто происходит подмена понятий. Мы говорим: «*грипп* и *ОРВИ*». Первый — тоже острая респираторная инфекция, только одна из наиболее тяжело протекающих (Комсомольская правда в Украине (Киев); 30.10.2007);

(17) *Авиаторы не любят слово «последний».* Предпочитают говорить и слышать «*крайний*». (Красная Звезда; 04.07.2007);

(18) *Наши самолеты не просто должны летать, а корабли ходить (моряки не любят слова «плавать»).* (Известия. Ру; 19.02.2007);

(19) *Например, если вы сейчас возьмете справочник по разрешенным химическим и биологическим препаратам для применения в России (по контролю за численностью насекомых). / Иначе говоря, для борьбы с ними? / Мы, биологи, не любим слово «борьба»,* — поморщился директор института. — Практически всех насекомых уничтожить невозможно. Да и борьба с ними сплошь и рядом приносит не пользу, а вред. Впрочем, как и другая борьба. В истории России борьба заканчивалась не раз плачевно. (Советская Сибирь (Новосибирск); 02.02.2007; 19).

Индивидуальная реакция на предмет порождает субъективное значение слова. Говорящий может вкладывать личностные смыслы в толкование слова. Разгра ничение авторского значения и того языкового, которое представлено в словарях, может не совпадать, поскольку психологическое значение носит индивидуальный

характер. Объективное языковое значение отражает лишь наиболее устойчивую часть составляющих лексическое значение семантических признаков. Конфликт между значением, конвенционально закрепленным за определенным знаком в системе языка, и субъективным значением служит естественным объяснением того факта, что говорящий негативно оценивает то или иное слово. Происходит противопоставление личностного содержания слова его абстрактному языковому содержанию (20–24):

(20) *Отреагировал Янишин бурно: Терпеть не могу слова «болеющий»! Я любитель спорта, поклонник общества «Спартак», а «болеть» оставляю итальянским тиффози. Меня занимает спортивная психология. (Невское время (Санкт-Петербург); 02.11.2007; 194);*

(21) *С этого года в театре начинает работать трехлетняя программа рождения спектаклей – я не люблю слово «детских», правильнее сказать, для семейного просмотра. (Вечерний Петербург (Санкт-Петербург); 20.09.2007; 167);*

(22) *Михаил Златковский не любит слово «кариатура», а определяет жанр своих работ как «смысловая графика». (Казанские ведомости (Казань); 25.01.2007; 15-16);*

(23) *Я не люблю слово «публика», потому что публика ходит в театр коммерческий, в серьезный театр ходит народ. (Республика Татарстан (Казань); 02.06.2007);*

(24) *Еще вчера декоративно-прикладное искусство было в забвении. Я не люблю слово «промыслы» – произведения искусства выставлены в стенах Госдумы. (Парламентская газета, 25.01.2007).*

2. Негативная эстетическая оценка слова

Нормативное оценивание словоупотребления зачастую связано с эстетической позицией говорящего, с понятием эстетического идеала, поскольку отклонение от нормы часто оценивается как некрасивое, а соответствие норме – как эстетически приемлемое, соответствующее представлению о хорошей речи. На первое место выступает такой субъективный фактор языковой нормы, как языковой вкус (целесообразность, мера). Он проявляется в ценностном отношении человека к тому или иному языковому факту, его уместности, в осторожном

употреблении той или иной лексической единицы, в постоянном ощущении тонкости границ допустимого диапазона, в стремлении не выйти за пределы зоны эстетической целесообразности.

Эстетическая оценка может четко проявляться как показатель меры эмоциональной реакции на звуковой облик слова. Работы А.П. Журавлева показывают, что субъективное впечатление от звуков имеют объективную основу, проявляющуюся в общности языковых реакций на звуки-символы (Журавлев 1974). Содержание не безразлично к форме его передачи, она является способом его представления, поэтому форма оказывает значимое влияние на характер восприятия человеком языковой информации. В оценке выражается то впечатление, которое производит на говорящего звуковой комплекс слова, например (25–28):

(25) *Аэропорт, который входит в десятку крупнейших в России, предстоит превратить в региональный хаб (хаб — это мощный пассажирский, грузовой и транспортный узел.) С появлением **хабов** (все-таки это ужасное слово, на русском звучит плохо!) растет известность городов.* (Советская Сибирь (Новосибирск); 05.06.2007; 105-106);

(26) *Говорят, сам Ельцин **терпеть не мог слова «ваучер»**, даже запретил использовать его в своем присутствии. Употреблять следовало лишь более благозвучный для президентского уха синоним — **«приватизационный чек»**.* (Красный Север (Салехард); 21.07.2007; 139);

(27) *Было время, когда Александр Ибрагимов писал свободным стихом (он **не любит слово «верлибр»**, как говорит в «Белом квадрате», оно произошло в результате кровосмешения верблюда и либерала (Кузбасс; 25.05.2007; 91);*

(28) *И всё же, музыка Вагнера — не **вагнерианство**, как музыка Баха — не **бахианство**, а музыка Моцарта — не **моцартианство**... Какие **жуткие слова**, как уродливо их звучание!.. (Дуэль; 25.10.2007; 43).*

Уродливость звучания данных слов объясняется разными причинами: окказиональной, эстетически неприемлемой внутренней формой (27), фонетически неудачным морфемным швом, объединяющим длинную суффиксальную

часть, включающую скопление гласных, с короткой корневой основой (28), фоносемантической сочетаемостью звукокомплексов *хаб* и *ваучер* в (25, 26), создающей неприятное восприятие звукобукв (Прокофьева 1998: 331–333).

В основе эстетического переживания могут лежать индивидуальные ассоциации, вызываемые образом слова, который хранится в языковом сознании индивида, например (29– 35):

(29) *Я не люблю слово «авангардизм», для меня это что-то сродни военному*. (РИА Новости - Поволжье; 11.04.2007 09:38);

(30) *Кстати, я очень **не люблю слово «тусовка»**, ибо оно имеет какой-то приблатнённый привкус*. (Молодежь Дагестана (Махачкала); 07.09.2007; 035);

(31) *От себя добавлю, что по воспоминаниям современников Анна Ахматова (а потом и Марина Цветаева) **ненавидели слово «поэтесса»**, считая синонимом пошлости*. Анна Ахматова именвала себя «поэт». (Независимый литературный портал «Решето»; 12.09.2007 17:59);

(32) *Если честно, я всегда подчеркивал, что **не люблю слово «оппозиция»**, оно как-то унизительно звучит, и тем более не считаю наших борцов за идею о создании гражданского общества - оппозиционерами*. (Центр экстремальной журналистики; 30.01.2007);

(33) *Однажды я тоже ляпнула: «красивое стихотворение», на что получила его протест: «Красивых или некрасивых стихов нет, есть плохие или хорошие». И еще – **не люблю слово «прекрасно»**. Прекрасные женщины, прекрасные стихи... приторно, как неразбавленный сироп. Там русский дух. Там Русью пахнет (Вельск-инфо; 02.07.2007; 53);*

(34) *Я еще в предвыборную кампанию обещала им клуб для общения. Мы назвали его «Мечта». Сами ветераны сперва назвали его «Надежда», но я переубедила их, переориентировала на «Мечту» Почему? Вообще **не люблю слово «надежда»**... Оно звучит слабо, безынициативно. Причем связывается со словом «последняя». (Костромские ведомости (Кострома); 08.05.2007; 019);*

(35) И. Губерман: *Я не люблю слова «ментальность»*. / К. Ларина: *А чем Вы его заменяете?* / И.Губерман: *Оно происходит от слова*

*«мент», неужели Вы этого не слышите?/ К. Ларина: Чудо какое. А чем Вы его заменяете? Давайте по-русски скажем. / И. Губерман: Я его ничем не заменяю. / К. Ларина: Ну, как это? / И. Губерман: Слово «духовность» еще хуже. Моя покойная теща, Лидия Борисовна Лебединская, необыкновенный человек... Так вот она про слово «духовность», говорила: лучше я пять раз услышу слово «ж*па», чем один раз «духовность». А у нее был вкус на слова, на звучание. (Стенограммы пресс-конференций радио "Эхо Москвы"; 21.05.2007).*

Мы можем сказать, что эстетическая позиция говорящего проходит сквозным мерилom через все текстовое пространство, составляя оценочное приращение, которое трудно обособить и выделить в качестве отдельного, поскольку сознание всегда имеет нравственно-эстетическую природу, не исчерпываясь «абстрактно-рациональной целесообразностью предмета» (Петров-Стромский 2000: 158).

Следующие типы метаязыковые высказывания выступают как чуткие индикаторы когнитивных и языковых процессов, происходящих в современной России.

3. Негативная оценка прямых номинаций

В данном типе метавысказываний раскрывается осознание говорящим несоответствия имени называемому явлению. Речь идет об эвфемистических заменах. Условия общественной жизни могут накладывать запрет на употребление прямых наименований, употребление которых представляется говорящему неприличным, грубым или нетактичным в данной конкретной ситуации. Проблема коммуникативной толерантности лежит в русле вопросов, связанных с категорией вежливости, регулирующей отношения в цивилизованном обществе. Толерантность повседневного общения ориентирована на создание положительной эмоциональной атмосферы. Для успешного взаимодействия коммуниканты используют целый набор тактик вежливости, следуют правилам коммуникативного поведения (Стернин 2003). Среди гармонизирующих тактик толерантного поведения одна из основных – употребление эвфемизмов.

Механизм эвфемистических замен состоит в поиске и актуализации лексических коррелятов, «смягченных» единиц, маскирующих суть явления по са-

мым разным причинам. В литературе, посвященной этому вопросу, эвфемия получает многостороннее теоретическое осмысление (Ларин 1977; Виндлак 1967; Варбот 1979; Шмелев 1979; Крысин 1994, 1996; Шейгал 2000; Москвин 1999, 2001).

В то же время необходимо отметить, что эвфемизмы в силу смягченного наименования табуированных слов искажают или маскируют сущность обозначаемого объекта действительности. В эвфемизмах, особенно политической сферы, часто находит свое проявление ложь политической выгоды. Поэтому эзопов язык советской эпохи в силу своей информативной двуплановости (завышения имени по сравнению с понятием) приводил к искажению информации о денотате, скрывал остроту социальных проблем и воспринимался носителями языка характерным проявлением тоталитарной системы. Гласность 1980-х помогла открыть запретные темы, убрать советские эвфемизмы, перейти на политический и экономический язык, принятый во всем мире.

Общий взгляд на современную культурно-речевую ситуацию дает возможность увидеть, что стремление говорящего называть вещи своими именами привело к эффекту сильной экспрессивной подачи информации. Стремление газетных изданий говорить много и открыто о пугающе запретном создало в СМИ тональность тревожности и страха. Процесс детабуизации приводит к росту употребления пласта «запретной» лексики, включающей в свою семантику темы «опасности», «жестокости», «враждебности», которые несут в себе заряд агрессивности. Эту лексику мы назвали тревожной (Вепрева, Мустайоки 2006: 141–150), поскольку ее употребление вызывает у людей чувства тревоги, страха, ожидание опасности, приводит к подавленности и социальной пассивности.

Анализ метавысказываний данного типа показал, что говорящий осуждает употребление «слов-разоблачителей», связанных с традиционным сокрытием. Обычно в современных языках не принято говорить прямо о смерти (43, 44), тяжелой болезни (36–39), возрасте (41), интимных сторонах жизни (40), необходимо избегать напоминаний о тяжелых, неприятных вещах (42):

(36) *Сегодня я впервые отважилась сказать прямо: господин доктор, я **глохну**. До сих пор я употребляла выражения вроде: я плохо слышу, у меня шум в ушах и т. п. В этот раз я решилась произнести это **ужас***

ное слово, и доктор ответил мне резко и грубо, как хирург. И так, я никогда не вылечусь. (Топос ; 15.09.2007);

(37) Александр Жариков *терпеть не может слова «инвалид»* и не стесняется одергивать людей, когда они пытаются так его назвать (Первая Крымская; 22.06.2007; (179);

(38) *Осталось только для колясочников (не люблю слово инвалид) подъездные пути сделать до остановок!* (Калининград); 01.11.2007; 062);

(39) Лечим любые психические расстройства, — успокаивает профессор. Бухановский *не любит слово «маньяк»*. В психиатрии «маниакальное состояние» — это состояние крайнего возбуждения, эйфории, повышенной деятельности. Это слово отпугивает психически больных людей. Они чувствуют себя еще большими изгоями. (Московский комсомолец в Томске; 16.05.2007; 20);

(40) При всем при том резко обостряются чувства. Любовь становится мучительно напряженной, причем это касается всех ее сфер. *Не люблю слова «секс»* или словосочетания «*половые отношения*». В русском языке нет эквивалента этим дурацким словам. Любовь, и все тут. (Новый мир; 15.05.2007; 5)

(41) С интересом слушала рассказ самой *пожилой (не люблю слово «старый»)* адыгейки о её прошлом, о незабываемых событиях и её жизни, и истории всей Адыгеи. (Майкопские новости (Майкоп); 21.04.2007; 086-088);

(42) Здесь *не любят слов «неблагополучная семья»*. Здесь никогда не назовут неудачником человека, на которого неумолимая судьба обрушивает удар за ударом (Люберецкая газета; 22.06.2007 НР: 23);

(43) Я заметила, вы *не любите слово «смерть»*, называя это «*переходом*»

(Новый Петербург (Санкт-Петербург); 05.04.2007; 15 (829);

(44) Ради забавы я ни одно животное не убил. Стоп, *не люблю слово «убил»*. *Не добыл* — так мы, охотники, говорим. Все, что добываем, — съедаем. Не понимаю людей, которые охотятся ради забавы. Стреляют тысячами! (Все новости Санкт-Петербурга (CitySpb.ru); 04.04.2007 06:28).

Кроме традиционно запретных слов, в список табуированной лексики попадают единицы нового времени, оскорбляющие прямым наименованием. Они позволяют выделить темы, которые тревожат сегодняшнего говорящего. Это могут быть темы, связанные с новыми военными конфликтами (45), с экономическими преобразованиями в стране (46) и с новыми типами отношений, возникших в постсоветской России (47–51):

(45) Наши миротворцы просто удерживают ситуацию в статусе-ко в зоне пока что неурегулированных конфликтов! **(Я не люблю слово «замороженный» конфликт.** Это – неурегулированные конфликты, **слово «замороженный» оскорбляет** как абхазцев, так и грузин, ведь это – человеческие трагедии, и применение силы в решении этих вопросов должно быть исключено! (ИА Новости - Грузия; 22.05.2007 12:45);

(46) Один подчиненный министра мне как-то объяснял, почему Сергей Борисович так **не любит слово «реформа»**. По его, Иванова, убеждению, слово это вызывает у человека военного депрессию и чувство тревоги. Как, скажем, у коров падают надои, если при них произносится слово «мясокомбинат». Тонкое наблюдение. Вот так, щадя психику офицеров, Иванов и радовал их разовыми подарками, не касаясь ржавых основ системы. (Грани.Ру; 16.02.2007);

(47) Адаптируем женский вариант отдыха: совместный **шопинг**. Он может быть приятным не только для женщины, но и для мужчины, если при нем не произносить это **ужасное слово** и назвать все происходящее, например, **воскресной прогулкой**. Вы просто прогуляетесь, а по ходу движения зайдете в пару магазинов. (Курьер Карелии (Петрозаводск); 21.06.2007; 96);

(48) Кто был вашим первым известным клиентом? – **Не люблю слово «клиент»**, даже ставлю двойки студентам за это. У меня нет клиентов. Только **доверители**. Со многими мы стали друзьями. Никаких усилий для того, чтобы заключить договоры с известными людьми, я не предпринимал. Это как-то само собой вышло. Я практикую с 1991 года. И если говорить о видоверителях, то первым был Сергей Лисовский в

1996 году (знаменитое «дело о коробке из-под ксерокса», которую вынесли из Белого дома, набитую долларами) (Собеседник; 12.02.2007; 151);

(49) *Не люблю слово «конкуренты», предпочитаю говорить «коллеги по бизнесу», ведь в Санкт-Петербурге сформировался цивилизованный рынок продаж запасных частей, и уже нет борьбы, скорее взаимовыгодное сотрудничество* (Бизнес сегодня (Санкт-Петербург); 01.10.2007);

(50) *Я не люблю слово «спонсор», – говорит Тамара Александровна. – У нас всегда были и есть хорошие и преданные друзья. Кто-то оплатит трехдневную экскурсию для наших воспитанников, кто-то поможет с ремонтом, кто-то – с подпиской на журналы и газеты. Мы благодарны за любую помощь. И очень ценим наших друзей, которые идут с нами по жизни уже много лет. Есть такая профессия помогать людям.* (Вести (Санкт-Петербург); 09.03.2007; 046);

(51) Алексей *не любит слово «домохозяйка»*. Предпочитает словосочетание «*домашний менеджер*». Любовь к бизнес-терминологии не случайна, Алексей в прошлом предприниматель, владелец мебельного заводика в Сергеевом посаде. (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. Ren TV; 10.06.2007 19:00:00).

Острых и злободневных социальных проблем в современной России немало, что свидетельствует, что рост новых эвфемизмов неизбежен и, получается, необходим.

4. Негативная оценка идеологически окрашенной лексики

Наиболее активно оценочные акценты расставляются у номинации тех понятий, которые не принимаются современным говорящим. Главной приметой нашего времени, творческой стратегией пишущего / говорящего является глобальное недоверие к советскому прошлому (52–56):

(52) *В нашей Нижегородской области показали колхоз, полностью обновивший молочное стадо, оборудование фермы ныне соответствует европейским стандартам, компьютеры, корма, проверяемые аж по 29 параметрам. Живи - радуйся, крестьянин. Нынешние журналисты тер-*

петь не могут слов «товарищ», «колхозник». Поэтому я колхозников назвал крестьянами, хотя ежу понятно: фермеру все это было бы не поднять, кишка тонка. (Советская Россия (Москва); 02.08.2007; 105);

(53) Я не люблю слово «революция», потому что в этот термин вкладывается смысл крови, переворотов, потрясений. (Политическая жизнь Северо-Западного региона; 13.04.2007 18:21);

(54) Организаторы не любят слово «лагерь», предпочитают называть двухнедельное действо «форум». (ТВ Центр; 17.07.2007 18:1)3;

(55) Насколько церковь в принципе нуждается в кинопропаганде? Я не люблю слово «пропаганда», тем более, когда это вонючее слово оказывается в связи с любимым мною православием. (Профиль; 08.04.2007; 13);

(56) И. Губерман: Я не люблю слова «патриотизм», Ксения. / К.Ларина: Ну а что это? Это проявление патриотизма. Если человек хочет отдать жизнь за свою родину.../ И. Губерман: Преданность. Преданность стране. Слово «патриотизм», слово «романтика» настолько испаханы комсомольскими деятелями, что слово скомпрометировано. Должно пройти некоторое время, оно оживет снова. Оно прекрасное слово «патриотизм». Но сегодня вот просто меня лично оно режет. Это некая преданность стране... (Стенограммы пресс-конференций радио "Эхо Москвы"; 21.05.2007).

Идеологическая переориентация концептов политической и экономической сфер происходит непросто. Мена аксиологических оценок в смысловой структуре слов-идеологем часто представляется в виде оценочного размывания (Купина 1997: 138). Границы между поляризованными явлениями, сведенными в едином про-странстве, нередко становятся идеологически амбивалентными. Различное отношение к идеологическим концептам проявляется не только на уровне разных социальных групп, но и в сознании отдельной личности. Столкновение прототалитарных и антиталитарных тенденций в обыденном сознании постсоветского человека придает современной эпохе драматический характер. Современная реальность по-прежнему свидетельствует о диссонансе «между официально проповедуемой ценностной системой и разнообразием частных, личностных ценностей и нрав-

ственных императивов» (Korzeniewska–Berczynska 2001: 29). Чертой современной речи является подвижность оценочного идеологического компонента (56–60):

(56) *Может быть, секрет неудач в том, что у нас полстраны **ненавидит слово «социализм»**, а другая половина – понятие «**демократия**»?* (Гудок; 23.04.2007);

(57) Ранний Мамлеев, написавший, кстати, предисловие к книге-альбому. А из этого – *«Я **ненавижу слово «мы»**. / Я слышу в нем мычание стада, / Безмолвье жуткое тюрьмы / И гром военного парада»* – выпили и все остальные. (Московские новости; 07.09.2007; 35);

(58) *Мне со всеми интересно работать, кто не поднимает планку звездности, кто не является, не начинает: «Я, я, я...». Я **не люблю слово «я»**. Как меня в детстве мама учила, "я" – последняя буква в алфавите. Для меня важен партнер на площадке, и все мои коллеги, они замечательные люди, я ни о ком не могу сказать никакого плохого слова, потому что у нас единая семья.* (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. Ren TV; 01.09.2007 12:30:00);

(59) *Я вообще **ненавижу слово «карьера»!*** (Кієвскій телеграфЪ (Киев); 04.05.2007; 18 (364);

(60) *Левикин **не любит слово «фермер»**. Бизнесменом мелким тоже именоваться не хочет. Нашел для себя особое звание – белорусский **крестьянин**. Старается с честью его нести. Не посрамить память предков, рода своего, который с Браславициной крепко-накрепко повязан.* (Белорусская нива (Минск); 20.01.2007; 015-016).

5. Негативная характеристика стилистически неуместного слова

Современная речь изобилует большим количеством метаязыковых оценок, связанных с нормативно-стилистическим выбором единиц, поскольку нормативно-стилистические качества речи – это то, на что люди обращают внимание в первую очередь, то, что вызывает оценочную реакцию.

Живые стилистические процессы, происходящие в современном русском языке, связаны с двумя взаимосвязанными явлениями: процесс стилистического понижения взаимодействует с вымыванием высокого стилистического яруса. Пропорциональные стилистические отношения между разнородными языковы-

ми стихиями в прошлом разграничивались знаменитой ломоносовской теорией «трех штилей». Система трех стилевых уровней языка способствовала постоянному созданию новых слов среднего стиля. По мнению В.В. Колесова, произошел процесс смещения стилистических уровней языка (Колесов 1998). Усиление разговорности в литературном языке связано прежде всего с утратой высокого стиля, в результате которой трехстилевая система сократилась до двухмерной. Ироническое, негативное отношение к высокому стилю поднимает средний стиль до высокого. Средний стиль, включающий нейтральные языковые средства, которые составляют основу кодифицированного литературного языка, заполняется сниженной лексикой. При этом утрата высокого стиля связывается с реакцией на советский официоз, на лжевысокий стиль тоталитарного времени, а активное пополнение литературного языка сниженной лексикой объясняется его демократизацией.

Рефлексивные высказывания отмечают сдвиги в общей стилистической структуре современного русского языка, изменение вкусового отношения к стилистическим сферам сниженной и высокой лексики. Резкие отступления от норм, нарушающие относительно подвижное равновесие, активизируют отрицательную оценочную деятельность современных носителей языка по поводу этих нарушений.

Употребление в речи образованного носителя языка сниженной лексики обязательно получает отрицательный метаязыковой комментарий:

(61) К.Ларина: *Может быть. Но сиськи они не клали себе в за пазуху и юбки не надевали* // И.Петровская: **Ненавижу слово, которое ты сейчас употребила** // К.Ларина: **Сиськи?** И.Петровская: *Да, в публичной речи.* К.Ларина: *Сиськи есть, а слова нет?* // И.Петровская: *Просто не люблю. Лучшие «грудь». Я, правда, не люблю употребление таких совсем сниженных слов.* (Эхо Москвы: Человек из телевизора; 13.01.2007);

(62) *Я не люблю слово «отвали». Это очень не хорошо. Можно сказать, идите дальше ребята.* (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. 3 канал; 11.09.2007 18:15:00)

Стилистическим диссонансом воспринимается употребление в тексте слов

высокого стиля (63–66), а также негативно оценивается стилистический контраст, возникающий в результате немотивированного соединения разностилевых слов в условиях одного контекста (67):

(63) *Ненавижу слова «забота о братьях наших меньших».* (Смена (Санкт-Петербург); 12.02.2007; 024);

(64) *Мы оба с ним не любим слова «гений», но, думаю, с определением «великий» он согласится... со временем.* (НГ – Ex Libris"; 14.06.2007);

(65) *Цирк Юрия Никулина сделал подарок Курску - его артисты участвуют в праздновании Дня города. Также в планах благотворительные спектакли. Но сам Максим Никулин не любит слово «благотворительность». «Затиражировано оно», — говорит, считая, что давать возможность посмотреть настоящий цирк тем, у кого ее нет, — его обязанность. И подарок - 2000 билетов детям-сиротам и ветеранам — не пафос. «Люди, далекие от столицы, тоже должны видеть все самое лучшее. Поэтому мы и здесь», — говорит Максим Никулин.* (Хорошие новости (Курск); 18.09.2007; 038);

(66) *Я не люблю слово «aura», просто чувствую страдания людей, особенно когда здесь прохожу.* (Молодой Дальневосточник (Хабаровск); 31.10.2007; 44);

(67) М. Г анапольский: *Значит, мы вас позиционируем — употребляю такое жуткое слово — как домохозяйку.* (Эхо Москвы: Ищем выход; 07.03.2007).

Таким образом, рефлексия реализуется и как способ функционирования нормативно-стилистического контроля. Отрицательное восприятие письменных и устных текстов, содержащих отступления от стилистических норм литературного языка, свидетельствует о динамике нормы в рамках синхронной системы языка.

6. Негативная оценка модного слова

Под модным словом носитель языка обычно понимает актуализированную высокочастотную единицу, обладающую яркостью формы, престижностью

употребления, экспрессивностью новизны, достаточно широким и часто неопределенным значением, имеющую временный характер популярности.

Употребление модного слова может быть обусловлено обычными коммуникативными потребностями: данное слово – лучший способ для выражения определенного смысла. Частотное употребление метаязыковых высказываний по поводу модной единицы говорит, однако, о том, что модное слово выделяется из основной массы слов. При анализе интересующих нас контекстов обращает на себя внимание негативная аура, которая окружает модное слово. В нашем предыдущем исследовании (Мустайоки, Вепрева 2006) удалось выявить несколько причин пейоративной оценки данного класса единиц: новизна модной единицы говорит о семантической неусвоенности значения слова носителями языка (72), отчужденность, яркость модного слова может определяться его иноязычным происхождением (рефлексивные высказывания текущего момента отражают приоритетный характер русского слова перед иностранным) (73, 74). Массовое подражание какому-либо модному образцу часто осознается как недостаток, говорящий, желая противостоять большинству, выбирает традиционный способ номинации (68–71):

(68) *Сотрудники Института проблем регистрации информации (ИПРИ) НАН Украины взялись за решение проблемы по переносу записей (не люблю модного слова «оцифровка») на современные носители. (Зеркало недели (Киев); 23.02.2007; 8 (637)*

(69) *Не люблю модное слово «тусовка», просто люблю проводить свободное время со своими друзьями, если оно есть. (TUT.BY; 31.05.2007 16:01)*

(70) *В конце концов, и вчера, и сегодня "Чёрный кот" - это не только фестиваль танца, но и тусовка...— Я не люблю слово «тусовка». Скажу так: «Кот» - это хороший повод для того, чтобы старые друзья собрались в одном месте в одно время. (Совет директоров (Рязань); 19.03.2007; 012)*

(71) *Впрочем, предваряя это событие, председатель областной Думы А.А.Зеликов сказал, что не любит модное слово «презентация», и призвал провести теплую встречу друзей, знакомых и почитателей та-*

ланта Николая Стефановича, которых собралось немало в зале. (Смена (Белгород); 28.02.2007; 16);

(72) *Но с другой стороны, в нашей стране, наверное, без системы квот мы женщинам широкую дорогу не откроем. У нас еще психология. Я не люблю модное слово «менталитет». Оно малопонятное для многих людей.* (Эхо Москвы: Без дураков; 18.01.2007);

(73) *Мы не любим модное слово «спонсор». Есть такое хорошее старое русское слово «меценат». Так вот у нас есть меценаты. Это и крупные бизнесмены, и депутаты. Нам помогают не обязательно деньгами. Кто-то автобус организует для команды, кто-то ещё что-то.* (Вечерний Челябинск; 08.11.2007; 211);

(74) Михаил Алдашин, режиссер-мультипликатор: *Гэги... Гэги – я слово это модное не люблю, слово американское – «шутка». Но шутками это не назовешь, это именно гэги, да, такой цирковой, клоунадный мультипликат. Он встречался, может быть, у Диснея.* (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. Россия; 23.07.2007 20:00).

Модное слово является ярким социальным сигналом своего времени. В языковом сознании современных носителей языка модное слово приобретает коннотативный оценочный фон. Признак семантической неясности при броскости формы превращает модную лексическую единицу в сознании говорящего в такое слово, которое может сопровождаться отрицательной оценкой.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Отрицательная маркировка целого ряда языковых фактов (наряду с положительной, не рассмотренной нами в данной работе) говорит об амбивалентном отношении говорящего к современному состоянию языка. Стоит заметить, данная амбивалентность не противоречит отношению традиционной русской культуры к языку, находящему свое отражение в пословичном фонде: с одной стороны, *Язык мой – враг мой. Язык до добра не доведет*, с другой стороны, *Язык – стяг, дружину водит. Язык царствами ворочает* (Даль 1993: 185). Рефлексия по поводу употребленного слова рисует портрет современного говорящего. Его небеспристрастное отношение к слову интерпретирует его как заинтересованного субъекта, для которого важно, что происходит с его родным языком. Существующий конфликт между словом и

человеком напрямую связан с межличностными отношениями, этическими нормами, с динамикой социальных процессов, происходящих в современной России, с сознательно-культурным началом в языке.

Литература

- Арутюнова, Н.Д.: 1988, *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*, Москва.
- Варбот, Ж.Ж.: 1979, *Табу, Русский язык: Энциклопедия*, Москва.
- Вепрева, И.Т.: 2005, *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*, Москва.
- Вепрева, И.Т., Мустайоки, А.: 2006, *Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика, Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*, Екатеринбург, 141–155.
- Виндлак, С.: 1967, *Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля, Этимология 1965*, Москва.
- Даль, В.И.: 1993, *Пословицы русского народа, Т.2*, Москва.
- Журавлев, А.П.: 1974, *Фонетическое значение*, Ленинград.
- Земская, Е.А.: 1996, *Активные процессы современного словопроизводства, Гл.3, Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*, Москва, 90–141.
- Капанадзе, Л.А.: 1997, *Развитие речевых жанров в русском языке, Гл.2, Русский язык, Орле, 45–60*.
- Колесов, В.В.: 1998, *Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра*, Санкт-Петербург.
- Крысин, Л.П.: 1996, *Эвфемизмы в современной русской речи, Гл. X, Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва, 384–408.
- Крысин, Л.П.: 1994, *Эвфемистические способы выражения в современном русском языке, Русский язык в школе, 5, 76-82*.
- Купина, Н.А.: 1997, *Идеологическое состояние лексики русского языка, Русское слово в языке, тексте и культурной среде*, Екатеринбург, 134–145.
- Ларин, Б.А.: 1977, *Об эвфемизмах, Б.А.Ларин, История русского языка и общее языкознание. Избранные работы*, Москва, 101–114.
- Матвеева, Т.В.: 2000, *Нормы речевого общения как личностные права и обязанности, Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии*, Барнаул, 46-55.
- Москвин, В.П.: 1999, *Эвфемизмы в лексической системе современного*

русского языка, Волгоград.

Москвин, В.П.: 2001, Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования, *Вопросы языкознания*, 3, 58–70.

Мустайоки, А., Вепрева, И.Т.: 2006, Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды, *Русский язык за рубежом*, 3, 45–62.

Петров-Стромский, В.Ф.: 2000, Три эстетики европейского искусства. Проблема эстетического, *Вопросы философии*, 10, 155–170.

Прокофьева, Л.П.: 1998, Понятие позиции звукобуквы в аспекте звукоцветовой ассоциативности, *Семантика языковых единиц. Доклады У1 Международной конференции. Т.2.*, Москва, 331–333.

Стернин, И.А.: 2003, Толерантность и коммуникация, *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности*, Екатеринбург, 331–344.

Стернин, И.А.: 2000, *Что происходит с русским языком? Очерк изменений в русском языке конца XX века*, Туапсе.

Чейф, У.Л.: 2001, Память и вербализация прошлого опыта, *Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики*, Москва, 3–41.

Шаховский, В.И.: 2007, Какими словами «оплодотворяют» людей российские СМИ?, *Русистика, Вып. 7*, Киев, 29–32.

Шейгал, Е.И.: 2000, *Семиотика политического дискурса*, Москва – Волгоград.

Шмелев, Д.Н.: 1979, Эвфемизм, *Русский язык: Энциклопедия*, Москва, 402.

Korzeniewska-Berczynska, J.: 2001, *Obraz człowieka w kontinuum publicystyki. Образ человека в континууме публицистики*, Olszyn.

Лексема мигрант: о формировании негативного стереотипа²⁰

Формирование представления о новой социальной реальности происходит обычно в рамках стереотипов, т.е. в границах упрощенного представления «о социальном объекте, субъекте, процессе или явлении» [4, 83]. Главной функцией стереотипа является, прежде всего, поддержание идентификации личности. Важными процессами, происходящими в современной России, являются иден-

²⁰ Język. Człowiek. Dyskurs / Red. M.Hordy, W.Mokienko, H.Walter. Szczecin, 2007.

тификационные процессы современного российского общества. Наряду с глобальными идентификациями (идеологическими, гражданскими, этническими), в России возрастает значимость более конкретных, индивидуальных – *беженец, безработный, бомж* и др. Эти процессы идут в направлении освоения новых ценностных установок, большей артикулированности оценок. В новых условиях постсоветский человек вынужден в какой-то степени самостоятельно ориентироваться в изменившихся условиях, определять свое отношение к ряду новых реалий, появившихся в нашей жизни. Безусловно, на формирование его ценностной картины оказывают влияние СМИ, которые в подаче материала тоже не свободны от стереотипизации явлений. Стереотипный подход СМИ к формированию обновленной картины мира важно осознать, так как одной из функций стереотипа является нацеленность стереотипа на «оправдание возможных негативных установок по отношению к другим социальным группам (личностям» [4, : 87]. Свою роль сыграли средства массовой информации в формировании новых смыслов лексемы *мигрант*. Рассмотрим специфику семантической модификации этого слова в постсоветских условиях.

Современные толковые словари определяют лексическую единицу слова *мигрант* и однокоренные с ним единицы как лексемы с нулевой коннотацией: *мигрант* – тот, кто совершает миграцию; *миграция* – переселение, перемещение (напр., населения внутри страны или из одной страны в другую) [2, 436]. В современной речевой практике закрепляется негативный оценочный смысл этого слова. Приведем типичные для современной речи метаязыковые высказывания, интерпретирующие это слово: *Я неодобрительно отношусь к слову «мигрант»*; *все негативно воспринимают слово «мигрант»*; *для меня звучит унижительно слово «мигрант»*; *зачем превращать слово «мигрант» в синоним слова «преступник»*; *«мигрант» – гнусное слово* и т.д. Возникает закономерный вопрос – что способствовало формированию отрицательного отношения к актуальному в последние годы слову.

Активные миграционные процессы внутри страны становятся новым для постсоветской России явлением. Распад СССР спровоцировал вынужденное переселение многих русских из национальных республик в Россию. На психологическом уровне «миграция – это, прежде всего, стремление покинуть “зону неуважения”» [3, 27]. Тяжелая экономическая ситуация в бывших республиках

СССР побудила жителей этих новых государств искать лучшей доли в России. Этот «переселенческий бум» поддерживается напряжением, существующим в современной общественной системе России: слабостью внутренних связей, дефицитом национального самоуважения, разорванной коллективной идентичностью. Усиление национально-государственного комплекса идентификации приводит общество к инкарнации внешнего врага. Это могут быть и террористы, и Запад, и американцы, и НАТО, и кавказцы, и прочие инородцы.

Образ врага как один из атрибутов политической мифологии активно используется для национального самоопределения, чтобы носителем вины непременно оказывался кто-то чужой. Чужое всегда воспринимается как угроза своему. Отсюда возникают прагматические категории оценки, эмоциональности, экспрессивности. Выявление чужого в период тотальной неопределенности способствует сплочению вокруг «антивражеской» идеи.

Образу врага свойственно меняться. Внутренними врагами, теми, кто повинен в бедствиях и страданиях русского народа, могут разные объекты – власть, Горбачев, Ельцин, мафия, олигархи, демократия и др. Одним из таких врагов становится **мигрант**. В формировании отрицательного социального портрета мигранта СМИ играют немалую роль. Суждения о мигрантах и миграции передаются разноаспектно. Отметим некоторые из аспектов.

1. В средствах массовой информации миграция обсуждается как явление, которому дается оценка с точки зрения полезности или вреда для принимающего общества, взгляд самих мигрантов обычно не представлен. У вынужденных переселенцев возникает кризис идентичности, осознание собственной ненужности и невостребованности в той стране, которую считали Родиной. Возникший у русских переселенцев на прежнем месте жительства кризис социальной и этнической идентичности, выраженный в переживании чувства «чужой среди чужих», трансформируется в новый кризис – «чужой среди своих» [1, 125]. Переселенцы пишут в газеты о переживаемом сложном процессе с чувством горечи: *Я не могу никак привыкнуть к слову «мигрант», для меня унижительно ходить по кабинетам за бумажками, очень дорого обходится заверять их у нотариуса* (АИФ, 2003, янв.).

2. Мигранты – это люди, чаще всего противопоставленные требованиям закона. О них журналисты упоминают обычно в криминальных хрониках, на-

пример: 23-летний нелегальный мигрант имел при себе газовый пистолет и при задержании оказал злостное сопротивление (КП, 2004, март). Языковая репрезентация поддерживает напряженность и негативный характер этого слова в газетных текстах: слово *мигрант* появляется в одном ряду со словами *бомж*, *преступник*, *безработный*, *спекулянт*: *Слово мигрант стало ассоциироваться чуть ли не со словом преступник* (ИА <Фергана> (г. Москва); 07.12.2006); *Для большинства обывателей слово мигрант звучит тревожно* (Новотульский металлург (Тула); 02.11.2006).

3. Газетные публикации обсуждают поведенческие стереотипы мигрантов, соотнося их с принципами общества и часто приписывая негативные черты их речеповеденческому типу. В результате переезда у большинства из них модели поведения и сложившиеся представления являются неадекватными условиям и требованиям новой среды. Миграция со страниц газет предстает как источник проблем для российского общества, несущий угрозу. Типично характеризующие предикаты этого явления – *стихийность*, *неуправляемость*, *бесконтрольность* – формируют в обыденном сознании массовую неприязнь, в противопоставленную пару к своему выстраивают оппозицию чужого, мигранта-врага.

4. Мигранты обычно привязаны к этнической характеристике: это могут быть не только русские переселенцы, но и таджики, кавказцы, дагестанцы и т.д. Им приписываются определенные национальные стереотипы как положительные, так и отрицательные. В массовом сознании сформирован этнический стереотип, согласно которому именно инородцы заметно влияют на криминогенную обстановку, несмотря на уверения органов МВД, указывающих на интернациональность преступных группировок.

Глухое чувство собственной ущемленности было благодатной почвой для рождения нового концепта «лицо кавказской национальности». К его появлению относятся с осуждением, как к неудачному канцеляризму, который, обезличивая национальную принадлежность, настраивает людей на негативное отношение к выходцам с Кавказа, к миграции как таковой. В печати мы встречаем попытки объяснить появление новой номинации: *Мы часто пишем о правонарушениях, совершаемых русскими, украинцами... Но когда речь заходит о выходцах с Кавказа, очень трудно определить — кто он: осетин, грузин, армянин или абхазец. К сожалению, когда совершается преступление, у нас имеется*

только описание преступника. И мы, работая над материалами, *осторожно указываем*: «лица кавказской национальности с такими-то приметами». А когда правонарушение совершают русские, *мы пишем*: «лица славянского типа» (МК-Урал, 2004, дек.)

Обсуждение концепта с канцелярско-уголовным уклоном проходит чаще всего в той аудитории, где собеседниками оказываются эти самые «лица» — грузины, армяне, азербайджанцы, которые являются известными и уважаемыми людьми в России, и отнесение их к категории преступных «лиц» воспринимается особенно остро: *Мне глубоко неприятно произносить «лицо кавказской национальности»* (ОРТ, Тема, 22.10.98); *Нормальные человеческие лица превратились в оскорбительную советскую кличку — лица кавказской национальности* (Лит. газета, 1994, май); — *Как вы относитесь к понятию «лицо кавказской национальности»?* — *Я уже говорил: когда есть лицо, это хорошо* (А. Разбаш — Р. Абдулатипову, ОРТ, Час пик, 13.05.98); — *Испытывали ли Вы на себе термин «лицо кавказской национальности»?* — *Я никогда себя не ощущал лицом кавказской национальности* (А. Разбаш — Р. Балаяну, ОРТ, Час пик, 12.05.98); — *Армен Борисович, вы вообще встречались с таким выражением — «лицо кавказской национальности»?* — *Конечно. Но как к нему можно серьезно относиться?* — *В какой степени сильна ваша связь с армянской культурой?* — *Я все-таки причисляю себя к культуре русской* (беседа корреспондента с А. Джигарханяном, АИФ, 1996, март).

Семантически устойчивое, сложившееся негативное представление о мигранте как человеке нерусском, переехавшим жить в русский регион, подтверждается на примере антигрузинской кампании, которая проходила осенью 2006 года. Все началось с того, что 27 сентября в Тбилиси по обвинению в шпионаже были задержаны российские офицеры. 2 октября они были освобождены и вернулись в Россию, однако конфликт не только не закончился, но и распространился на повседневную жизнь тысяч людей: Россия прекратила выдачу виз грузинским гражданам, транспортное и даже почтовое сообщение с Грузией. Начались массовые депортации грузинских «нелегальных иммигрантов», среди которых было множество беженцев из зоны конфликта в Абхазии и Южной Осетии, много лет живущих в России по советским паспортам. Жертвами антигрузинской истерии стали и российские граждане — этнические грузины. Нача-

лись массовые демонстративные проверки коммерческих предприятий, руководимых этническими грузинами, выявление школьников и студентов «с грузинскими фамилиями».

Громадный вклад в нагнетание антигрузинской истерии внесли российские масс-медиа. Уже на следующий день после задержания офицеров начали появляться материалы, направленные не только против Грузии как внешнеполитического оппонента, но и против этнических грузин. При этом печатные СМИ сразу же разделились на два лагеря – принявших «заказ» на антигрузинскую пропаганду («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Твой день» и другие) и не принявших его. Одним из важнейших рычагов антигрузинской пропаганды стало упоминание этноса в криминальных сводках. К примеру, газета «Твой день» опубликовала в одном номере четыре заметки на «криминально-грузинскую тему», в которых фигурировали *«грузинская диаспора»*, *«грузинские криминальные авторитеты»* и *«грузино-абхазские головорезы»*. Таким образом, продолжает действовать один из важнейших механизмов формирования негативного этнического стереотипа мигранта – это упоминание этничности в криминальных сводках. Гонения на этнических грузин стали знаковыми, как первая в истории современной России дискриминационная кампания, открыто санкционированная на самом высоком уровне. Надо сказать, что значительная часть печатных изданий не только не приняла антигрузинской пропаганды, но и выступила против нее. Последнее наиболее удачно было сделано журналом «Власть», опубликовавшим под рубрикой «Националистические страницы» варианты того, как еще можно «бороться» с соседями. Например, при конфронтации с Японией рекомендовалось *«разъяснить населению, что президент России в первую очередь мастер глубоко национального самбо, а дзюдо было временным увлечением»*, при напряженности в российско-норвежских отношениях – *«запретить въезд в Россию всем лауреатам Нобелевской премии мира»*, а в случае трений с Казахстаном – *«провести неудачное испытание ракеты-носителя на Байконуре»* (Власть. 2006. 23 октября).

Массовое сознание, осваивая новую проблему современной России – миграцию, демонстрирует расщепленность коннотаций актуальной лексики *мигрант*, амбивалентное отношение к этому понятию, например, *Я неодобрительно отношусь к слову «мигрант», будь то грузин, азербайджанец, казах, узбек*

(отрицательная коннотация); *Надо снять отрицательный привкус у слова «мигрант», заменить его нейтральным. На мой взгляд, «антропоток» – понятие славное уже тем, что снимает эту гнусность. Ведь сейчас каждый тридцатый житель России и каждый десятый житель Москвы – мигрант, которого нужда заставила уехать со своей родины в поисках лучшей жизни* (КП, 2002, февр.) (положительная коннотация).

Абсолютизация «своего» приводит к отверганию всего инородного, приводит к бездушию современного общества по отношению к тем, кого мы называем *мигрантами*, за плечами которых (особенно мигрантов постсоветского пространства) стоит личная трагедия, социальное бесправие и психическая уязвимость, тяжелое бремя материальных проблем. Задача сегодняшних СМИ – вырабатывать и осуществлять на практике толерантное отношение к нашей миграции. Успешное преодоление кризиса социальной идентичности переселенцами возможно только при сохранении позитивного отношения к людям иной этно-социокультурной принадлежности со стороны коренного населения, при доминировании «неоценочного» подхода к миграции.

Литература:

1. Гриценко В.В. *Анализ кризиса идентичности вынужденных переселенцев из ближнего зарубежья в России*, [в:] Идентичность и толерантность. М., 2002, s. 120–132.
2. Крысин Л.П. *Толковый словарь иноязычных слов*. М., 2001.
3. Лебедева Н.М. *Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ*. М., 1997.
4. Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек*. М., 2001.

Слово революция: социокультурные настроения и семантические преобразования²¹

В течение XX века в России дважды менялся тип государственного устройства: в 1917 году после победы Октябрьской революции и в 1991 году после распада Советского Союза. В языке государственные перевороты, которые лик-

²¹ Известия Уральского государственного университета. Сер.2. Гуманитарные науки. Вып.13. 2007, №49.

видируют предшествующий общественно-политический строй и устанавливают новую власть, называются *революцией* (СОШ, 1999, 672). Но если в 1917 году революция была названа *Великой*, то во втором случае революция, по мнению экспертов, «чрезвычайно не хотела не только называть себя революцией, но даже осознавать себя революцией. Более того, может быть, если бы она так осознала и назвала себя, она бы не произошла» (Итоги и перспективы..., 2002, 20). В чем причина неприятия данного слова в 1990-х?

Идеологемы, к числу которых относится слово *революция*, представляют собой законченные суждения, субъективно характеризующие денотат. Идеологическое отражение действительности на уровне языкового знака проявляется в наличии прагматического компонента, оценочного по своей природе. При этом «предметные и оценочные значения предстают как бы склеенными, жестко впаянными» (Эпштейн 1991, 19) в структуре слова. Семантика лексемы *революция* обладает сильной энергетикой, имеющей амбивалентный характер. С одной стороны, революция утверждает новую онтологию (полностью обновленный мир), отвергая отжившее, мешающее развитию нового. С другой стороны, слово *революция* ассоциируется с кровавыми боями, смертью за «идею» и поэтому находится в одном ряду с такими негативно заряженными единицами, как *смута*, *мятеж*, *заговор*, *вражда*, *переворот*. И только романтизация революции в политическом дискурсе позволяет нейтрализовать негативную семантику слова.

Причина табуирования слова *революция* в ходе радикальных изменений существующих экономических, политических и социальных институтов в 1990-х, на наш взгляд, кроется, во-первых, в общих причинах эвфемизации политической лексики (Шейгал, 2000, 196–218), а во-вторых, в дискредитации лексемы *революция* в общественном сознании. Об этом свидетельствуют, например, рефлексивные высказывания по поводу слова *революция* в средствах массовой информации: *От слова «революция» сегодня всех тошнит* (ОРТ, Однако, 9.06.2001); *Долгое время слово «революция» воспринималось как ругательное* (Полит.Ру: Публичные лекции; 08.05.2006); *Само слово «революция» очень опасное* (Наследие отечества; 09.01.2007); *Ценности революции (радикальных и быстрых изменений) в настоящее время в молодежной среде непопулярны, напротив, у 60% респондентов само слово «революция» вызывает отрицательные эмоции* (Независимая Газета; 21.03.2006).

Причин негативной оценки данной идеологемы несколько.

Будучи главной идеологемой-событием советского идеологического сверткста, слово *революция* обладало коннотацией высокого, входя в словосочетание *Великая Октябрьская социалистическая революция*. Идеологема *революция* использовалась как символ свободы. Вокруг «Октября-события» комбинировались «многочисленные факты, мотивированные революционной целесообразностью» и связанные так или иначе с идеями насильственного уничтожения и созидания (Купина, 1995, 61). При этом факты разрушения регулярно представлялись в свертксте как условие созидания, например, в речи Сталина: «XVI съезд есть съезд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (цит. по: Купина, 1995, 62). Факты утверждения «твердынь социализма» целенаправленно внедрялись в общественное сознание и мифологизировались. Официальный язык советской эпохи со своим набором речевых стереотипов, использующих высокую лексику, занял нишу высокого стиля и чаще всего восхвалял не только реальные, но и мнимые достижения социалистического общества. Языковая ситуация советского времени может быть определена как «идеологическая диглоссия» (Ворожбитова, 2000, 25). Советские люди являлись по существу двуязычными: наряду с официальным – советским языком (см.: Седов, 1993) существовал обыденный – человеческий язык, который отражал раздвоенное сознание советского человека. Ложь, двоемыслие была привычным состоянием общественного сознания (см.: Гусейнов, 1998), поскольку одной из важнейших особенностей советской нормативно-ценностной системы была принципиальная невыполнимость предъявляемых к человеку и обществу требований. Лишенный возможности сопротивляться, человек молчаливо соглашался с императивными предписаниями и настойчиво искал лазейки, чтобы их обойти. Так шло формирование на советский манер не только «человека лукавого» (Левада, 2000, 17), но и лицемерного общественного строя. Существовало два слоя общественного сознания: в первом действительность отражалась в свете официальной идеологии, т. е. в положительном ключе; второй слой представлял собой «зеркальное» отражение, передающее отрицательное отношение к советской действительности (Савицкий, 1996, 156). К началу 90-х годов советский режим был дискредитирован, а слово *революция* было жестко привяза-

но к отвергаемому политическому строю. Оно было приватизировано советским дискурсом.

В период кардинальной смены социальных устоев произошла резкая идеологическая переориентация. Изменение идеологической оценки в конце 1980-х – нач. 1990-х годов шло по линии линейной причинно-следственной связи: старое, уходящее оценивалось со знаком «минус», новое, развивающееся – со знаком «плюс». Поэтому связанная с советской действительностью идеологема *революция* тоже приобрела отрицательную коннотацию.

Социальные преобразования последней четверти XX века определялись поразному. Вначале говорили об *ускорении темпов экономического развития*, затем речь пошла о *перестройке*. После выхода России из СССР наиболее употребительной номинацией стали *реформы* (чаще в составе словосочетания *радикальные реформы*). Субъективная неосознанность объективно случившейся революции создала ту психологическую среду, в которой проводящиеся преобразования в политической и экономических сферах инициаторы называли достаточно обобщенно *реформами*. Данный концепт оказался ключевым в определении тех преобразующих процессов, которые начались с попытки изменить советскую государственную систему.

Если мы обратимся к словарному определению основного значения данной лексемы, то увидим, что в его основе лежит такое «преобразование, изменение», которое не затрагивает основ существующего государственного строя» (СОШ, 1999, 678). Однако, поскольку изменения, свершившиеся в стране, носят радикальный характер, касающийся всех существующих институтов государства, экономических, политических и социальных, то в данном случае нельзя говорить о *реформах* в традиционном словарном понимании. В современной трактовке лексема приобретает новый смысловой признак «*интенсивного, существенного изменения*» – глубоких, коренных преобразований, требующих иногда конституционного оформления. Массовое сознание отмечает данную смысловую модификацию концепта: *На Государственном Совете специально отказались от слова «реформа», чтобы у общественности не сформировалось ощущение, что все будет сломано* (АИФ, 6.03.2001); *...если те не из числа новых устроителей светлого будущего, тех, кто рушил СССР, тех, кто грабил каждого из нас, прикрываясь словом «реформа»* (Отечество, 19.08.2000); *Мы*

должны забыть слова **реформа, революция, переворот** в образовании (Учительская газета, 27.06.2000); Если бы реформа здоровья имело место столетие спустя, то слово **«реформа»**, наверное, было бы заменено словом **«революция»** (Здоровье, 25.10.1998).

Трудности реформирования российской экономики, неудачи при проведении новых реформ являются основной причиной появления негативной окраски у лексемы **реформа**. Устойчивость коннотативного компонента **«неодобр.»** подтверждается большим массивом метавысказываний, встречающихся на страницах периодической печати: *Гайдаровские реформы – это чан с дерьмом, в который нас бросили; на исходе 90-х у народа и у его элиты сформировалась стойкая идеосинкрязия на слово «реформа»; произнести слово «реформа» – это все равно что ругнуться матом; сегодня слово «реформа» в массовом сознании превратилось в страшилку; сейчас слово «реформа» в устах многих звучит ругательством* и т.д. Социологи, проводящие анализ разнонаправленных перемен в России 90-х гг., считают, что одной из причин негативных оценок проводящихся реформ является «сама новизна, непривычность многих позитивных явлений в противоположность привычной традиционности того, что теряется» (Гордон, Клопов, 2000, 34).

Один из возможных путей снятия негативной оценочности понятия – переименование «старого». Контекстные материалы последнего времени фиксируют стремление инициаторов преобразований в любой области деятельности уйти от номинации **реформа**, дискредитирующей положительный смысл результата изменений: *Авторы условились не употреблять слова «реформа», мол, надо говорить не о коренном реформировании образования, а о его модернизации; Слово «реформа» изгнано из словаря Центра стратегических разработок Германа Грефа; Предшествовавший опыт научил россиян бояться слова «реформа», поэтому имеет смысл говорить о «качестве продуктов и услуг»; Собрали в Подмоскowie представителей регионов, и они голосованием решали, применять ли в тексте доклада слово «реформа» или писать «модернизация». Решили, что слово «реформа» писать не следует; если хочешь провести реформу, никогда не говори слово «реформа»* (Электронные СМИ).

Текущий политический момент дает новую единицу, номинирующую смысл 'социальные и экономические преобразования' – словосочетание *национальный*

проект. Высказывания по поводу новообразования иллюстрируют осознание носителями языка преемственности номинаций: *Говоря о том, как наши сограждане воспринимают суть национальных проектов, стоит отметить, что 44% опрошенных считают, что таковыми являются «обычные программы решения давно назревших социальных проблем, которым дали новое название»* (СМИ.Ру, 26.01.2006); *Большинство людей даже в деревне воспринимают непривычное слуху словосочетание «национальный проект» как те же куриные яйца, только «в профиль»* (Трибуна (Сыктывкар, 3.02.2006). Показательно, что контексты содержат типичную для россиян критичность и иронию по отношению к термину, введенному «сверху»: *Следующее поколение российских людей будет жить при национальных проектах* (Деловое Повольжье (Волгоград, 27.03.2006); *Само словосочетание «национальный проект» звучит как пропагандистский термин* (Краснодарские известия, 25.07.2006); *Словосочетание «национальные проекты» действуют на многих россиян, как мулета на быка в корриде* (Новости-online, 21.08.2006).

В современный политический дискурс вернулась лексема *революция*. На политической арене появился целый спектр «разноцветных» революций. В отличие от радикальных русских революций с их девизом «до основания...», новый тип революций политолог Г. Павловский назвал «эраза-революциями». Идея новой революции реализуется через лексему *революция* с атрибутивными определителями (*бархатная революция, оранжевая революция, тюльпановая революция, революции роз, гвоздик, кедров, каштанов и т. д.*). Смысл атрибутивных слов заключается в нивелировании памяти о кровавом революционном насилии. Новые революции репрезентируют себя как, в первую очередь, *бескровные*. Данная модель образования новых номинаций обладает высокой продуктивностью и порождает окказиональные образования, например: *Гиоргадзе пообещал добиваться ухода со своих постов нынешнего руководства Грузии и проведения свободных выборов с помощью «революции крапив»* (Кавказский узел; 08.01.2007); *Галуст Саакян добавил: «Правда, в Грузии произошла «революция роз», но в Армении «революции картошки» не будет* (Кавказский узел; 11.01.2007); *И только грянувшие холода отодвинули на неопределенный срок революционные планы экс-министра внутренних дел пана Луценко, которые сильно охладевшие к «оранжевым» героям киевляне сразу же окрестили «рево-*

люцией на бруньках» по аналогии с настоящей на весенних березовых почках водкой (Литературная газета; 07.02.2007).

Новый тип «бархатных» революций не несет смену социально-экономической формации и заключается в частичной смене элит на постсоветском пространстве. Часто события, которые произошли в последние годы в Украине, Грузии и Киргизии, политологи называют *«верхушечной революцией»* или правительственным переворотом. Такой механизм работает в странах с неразвитыми демократическими институтами, концентрацией власти в руках нескольких элитных групп, которые не позволяют другим конкурирующим группам проводить ротацию правящих элит с использованием стандартных демократических процедур.

Российские политологи в последнее время заговорили о возможности «бархатной» революции в России. Постоянное укрепление вертикали власти, фактическая назначаемость губернаторов, совмещение в один день выборов разных уровней, формирование законодательных органов только по партийным спискам и другие новации делают возможным российский вариант «бархатной» революции как механизма смены властных элит. В оценках экспертов присутствуют опасения о *«коричневом»* цвете будущей революции.

Взросшая активность слова *революция* в XX–XXI вв. поддерживается постоянным функционированием этого слова во вторичном значении для обозначения «коренных изменений в какой-либо области знания, в технике, искусстве и т. п.» (МАС. Т. 3, 1983, 693). Атрибутивные характеристики показывают сферу применения радикальных изменений: революция может быть *цифровой, информационной, индустриальной, технологической, компьютерной, архитектурной, джинсовой, сексуальной, культурной, научно-технической, высокотехнологической, валютной, нефтяной, демографической, режиссерской, медийной, зеленой, кадровой, в энергетике, в международных знакомствах, в телевидении, в области использования мобильного Интернета* и др.

Итак, семантика слова *революция* в течение XX века претерпела ряд изменений. Во-первых, мы наблюдаем тенденцию к аксиологической неустойчивости, свидетельствующей об идеологической растерянности общественного сознания, к «переполосированию» положительной оценки лексемы на отрицательную. Во-вторых, текущий политический момент провоцирует процесс смысло-

вой деривации семантической структуры слова *революция*: появилось новое значение, сформированное на основе политических событий, происходящих в XXI веке на постсоветской территории: «смена руководящей власти без смены общественно-экономической формации».

Обновленное слово *революция* снова стало частотным в русском политическом языке. Его используют представители разных политических сил. Если еще пять–шесть лет назад слово *революция* повсеместно имело негативный оттенок значения и считалось неполиткорректным, то сегодня российские интеллектуалы говорят и спорят о революции. В России многие политические силы вновь объявляют себя революционными, откликаясь на модные тенденции.

Литература

Гордон Л., Клопов Э. Динамика условий и уровня жизни населения (разнонаправленные тенденции 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5.

Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000.

Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. 1989. № 11.

Итоги и перспективы современной российской революции («круглый стол» ученых) // Общественные науки и современность. 2002. № 2.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность. 2000. № 6.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Савицкий Н. П. Позитивное и негативное отражение общества в языке // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Седов К. Ф. «Новояз» и речевая культура личности (становление языковой личности) // Вопросы стилистики. Вып. 25. Проблемы культуры речи. Саратов, 1993.

СОШ – Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., Волгоград, 2000.

Эпштейн М. Н. Идеология и язык: (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

СОШ – Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999.

Креатив *креатива*, или о функционировании лексемы *креатив* в современном русском языке²²

Название конференции «Лингвистика креатива», тематика которой послужила основой создания данного сборника, спровоцировало обращение к осмыслению места лексемы *креатив* в современном русском языке. Материалом для исследования послужила выборка из российских СМИ, собранная с помощью поисковой базы данных Интегрум.

Заимствованное слово *креативный* и производное от него *креатив* являются новыми в современном русском языке, быстро вошедшими в активный оборот. Зафиксирован момент вхождения слова *креатив* в русский лексикон. Впервые лексема встретилась в начале 90-х в статье Натальи Кротовой «Группа “Менатеп”»: Покупай все российское!»: *Раньше упаковки для “Колосса” изготавливала финская компания.... Сейчас комбинат работает с российскими производителями упаковки, у которых **креатив** находится на весьма невысоком уровне*. Спустя месяц слово *креатив* взяли на вооружение журналисты «Коммерсанта».

Слово *креативный* вошло в русский язык раньше, но употреблялось только в качестве термина в научном обороте, например: *Ученые пишут об «агонистическом» (т. е. состязательном) стиле жизни античного общества — стиле, в котором ведущей и всепроникающей характеристикой является неукротимая и **высоко креативная** по своему эффекту жажда самоутверждения индивида в соревновании с равными себе* (Полис; 01.02.1991); *В МОСКВЕ НАЧАЛ*

²² Лингвистика креатива: колл. монография. Отв. ред. Т.А. Гридина, Екатеринбург: Урал.гос.пед.ун-т, 2009

РАБОТУ ВСЕМИРНЫЙ **ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС**. Митрополит Питимирим, выступление которого председательствующий Э. Агацци представил как свидетельство новых веяний и возможностей в современной России, говорил о необходимости синтеза, включающего науку, которая дошла до пределов аналитического, разлагающего подхода к миру и должна быть заменена **креативным** подходом, философию и религию (как выражение проявления человеческого духа. (Агентство PostFactum (Постфактум), Москва; 23.08.1993).

Войдя в широкий речевой обиход наряду с массой других новых слов, единицы *креативный*, *креатив* приобрели статус модных, т.е. высокочастотных и престижных в своем употреблении, ср.: *Из игры медленно и верно уходит то, что сегодня принято называть модным словом «креатив»* (Итоги; 10.07.2006).

Как всякие модные единицы, эти слова оказались окруженными, с одной стороны, аурой неодобрения, осуждения, неприятия, с другой стороны, они характеризуются привлекательностью, помимовольной свехупотребительностью [см. о модном слове: Мустайоки, Вепрева 2006]. Приведем ряд рефлексивных высказываний, которые иллюстрируют спектр оценочного восприятия носителем языка данного слова.

1. Неприятие модного слова как иностранного: *Да я не против того, чтобы языки взаимно обогащались! Просто у меня критерий такой: если есть нечто, для чего в русском языке обозначения не существует – надо использовать иностранное слово. «Компьютер» же по-русски не скажешь? Но если что-то можно сказать по-русски – говори по-русски. «Креативный» – это «творческий». От слов «творение», «творить». А «креативный» – что-то от «кретина» слышится; Если поганым словом западным сказать: я креативил, занимался креативом; В русском языке есть хорошее слово. Такое русское слово, которое мы заменили не очень хорошим западным словом «креатив». А в русском есть «придумка».*

2. Неприятие престижно-прагматического характера модного слова:

Слова «интеллектуальный» и «**креативный**» вообще, кажется, выполняют теперь ту же функцию, что «элитный» и «эксклюзивный» в 90-е: *они помогают срубить бабла; Если к дизайну сделать маленькую приставку «креатив» – креативный графический дизайн, то цена поднимается много-*

кратно.

3. Массовость употребления модного слова: *«Креатив»*, «позиционирование» или слово «бренд», такие слова, которые омерзительны совершенно. Не нравится *оккупация этого новояза*; Мы придумываем и создаем оригинальные события и праздники «под ключ», занимаемся тем, что называется *почти устаревшим словом «креатив»*; Вообще производных от слова «креатив» тут почему-то столько же, сколько от известного заборного слова в живом русском языке.

Массовое подражание какому-либо модному образцу часто осознается как недостаток: «мы и можем получать удовольствие, одновременно мы и глубоко страдаем от связанного с этим распада рациональности, когда разум попадает во власть простого, чистого чередования знаков» [Бодрийяр 2000: 170].

4. Привлекательность модного слова: *И скажу я честно, долго очень объяснять, что я графический дизайнер, когда я это раз объяснял, понял, что не понимают люди, а вот креативный директор – это всем понятно, что это человек, который рулит креативом; Это сладкое, это загадочное модное слово «креатив»*.

Притягательной силой модности обладают преимущественно новые заимствованные слова, которые в соединении с субъективным ощущением новизны придают слову эстетическую модальность необычности слова. «Русская ментальность воспринимает такие слова как слова высокого стиля речи – необычные, часто непонятные и почему-то важные – ритуально. Это тысячелетняя традиция русского языка» [Колесов 2005: 245].

Обратимся к английскому языку, который оказался источником заимствования лексемы *креативный*. В языке-доноре словообразовательное гнездо с вершинным словом *create* [криейт] – *творить, создавать* – достаточно разветвленное: оно включает отвлеченное отглагольное существительное *creation* (создание, творение), прилагательные *creative, creatural*, существительное со значением лица *creator* и ряд отвлеченных существительных *creature, creationism, creativity* (в этом ряду мы не приводим термины и сложные слова с этим корнем) [Webster's new universal unabridged dictionary 1996: 472–473].

Из гнезда было заимствовано два слова: прилагательное *creative* – *креативный* и *creator* – существительное со значением лица *криэйтор*. Но

очень скоро в русском языке наряду с прилагательным *креативный* появилась усеченная форма прилагательного – существительное *креатив*, которое, пожалуй, становится употребительнее, чем исходное прилагательное. Модель, по которой образовано слово *креатив*, относится к продуктивным моделям образования отадективных существительных с помощью нулевого суффикса, и производные единицы этого словообразовательного образца имеют, по мнению авторов Русской грамматики-80, окраску разговорности и неофициальности. Например: *серьезный* – *серьез*, *интимный* – *интим*, *примитивный* – *примитив*, *позитивный* – *позитив* и др. Производные существительные имеют «значение отвлеченного признака»: о чем-то серьезном, интимном, примитивном, позитивном и т.д. [Русская грамматика 1980. Т.1.: 225]. Таким образом, слово *креатив* является отвлеченным существительным и имеет значение «творческое начало, творческий подход, творческая идея».

По данному продуктивному образцу образованы многие актуальные единицы современного русского языка. При этом новообразования в речевом употреблении могут реализовать разные значения. Например, существительное *корпоратив* закрепилось в языке в значении «корпоративное мероприятие развлекательного характера, обычно с целью отдыха», например: *А звезды тем временем здесь же, в Витебске, распевают по корпоративам* (МК; 14.07.2008); *Он так ей и объяснил: «На все мероприятия - презентации, банкеты, корпоративы, – чтобы достойно представлять меня, мне нужна молодая жена»* (МК; 07.11.2008). Другие производные этого типа, помимо отвлеченного значения, могут вести себя как аналитические прилагательные, по терминологии М.В.Панова, являясь компонентом сложного слова, например: *Стремление сильного пола к эксклюзиву сегодня распространяется на нижнее белье так же, как на видимые приметы стиля – часы или авто* (Известия; 04.08.2006); *Есть массовые марки, парфюм для среднего класса, люксовые и эксклюзивы* (Известия; 1.10.2008), ср.: *Это игрушка-эксклюзив: сделана в одном экземпляре и обладает собственным номером* (Известия; 01.09.2006). М.В.Панов отмечал, что «складывается новый разряд слов – аналитических прилагательных, которые, выполняя функцию определителей при существительном, не имеют обычной для прилагательных морфологической оформленности. Выражая признак в отвлечении от форм рода, числа и падежа, такие прилагательные свою соотне-

сенность к имени выражают простым примыканием. Для одних при этом характерна постоянная препозиция, другие всегда постпозитивны» [Русский язык и советское общество. Словообразование... 1968:105]. Или: *Наоборот, случилась лишь душевная близость, а до интима так и не дошло* (Комсомольская правда; 06.09.2008). Ср.: ряд сложных слов с первым компонентом *интим-*, выступающих в роли несклоняемых прилагательных: *интим-клуб, интим-услуги, интим-салон, интим-служба, интим-девушки, интим-юноши* и др.

Заканчивая разговор о словообразовательном потенциале слова *креативный*, можно сказать, что слово хорошо укоренилось на русской почве. Выборка материала позволила выявить целый ряд производных. Во-первых, группу существительных со значением лица: помимо указанного *криейтора / креатора*, зафиксированы *креативщик, креативица, креативист*; глаголы *креативить / скреативить*, отвлеченное существительное *креативизм*, уменьшительная форма к *креативу* – *креативчик*, наречие *креативно* и целый ряд сложных существительных, в которых *креатив* может выступать как в качестве первого, так и второго компонента композита: *креатив-шоу, креатив-массаж, креатив-гель, авангард-креатив, триш-креатив, креативИнтерьер* (название магазина), *КреативИмба* (агентство). Производные единицы, входящие в словообразовательное гнездо с вершинным словом *креативный*, пополняют все знаменательные части речи: глаголы, существительные, наречия, напоминая словообразовательную судьбу многих заимствованных единиц [см. о словообразовательном потенциале лексемы *пиар*: Вепрева, Кутенева 2008]. В контексте языковой системы появление новых производных – это «своего рода восстановление нарушенного иноязычным влиянием равновесия между своим и чужим, производным и непроизводным» [Никитина, Казкенова 2003: 414].

«Карнавализация» (В.Г.Костомаров) языка СМИ, являясь одной из примет современного состояния языка, способствует превращению речи в поле для словообразовательных экспериментов. Лексема *креатив* попала на сайт www.udaff.com и оказалась включенной в языковую игру с орфографическим обликом слова: в языке подонков *креативом* называют нарочито искаженный в орфографическом плане текст. В этом языке слово *креатифф* (через два *эф* в конце) означает литературное произведение. Суть существования подонков сводится к написанию, чтению и обсуждению креативов. Аудитория после прочте-

ния организует критику написанного [см. об языковой игре в Интернете: Вепрева 2007].

Обратимся к содержательной стороне обсуждаемых языковых знаков. Заимствованная лексема *креативный* и производное от нее *креатив* появились в языке, дублируя известные русские слова *творческий*, *творчество*, при этом выполняя эстетическую потребность носителя языка в обновлении языка, смене формы знака при тождестве содержания. Подтверждение этому мы находим в контекстах, в которых авторы осмысляют семантику заимствованного слова, например: *Русский аналог слова «креативный» — «творческий»* (БОСС; 15.10.2002); *Творчество всегда присутствовало в человеческой деятельности. Теперь его зачастую обозначают иностранным словом «креатив»* (Вопросы экономики; 23.05.2007).

Обычно контексты подтверждают синонимичность данных единиц. Материал подтверждает сходство и формальной сочетаемости сопоставляемых единиц, ср.: *склонность к креативу (творчеству)*, *заниматься креативом (творчеством)*, *способность к креативу (творчеству)*, *нет предела креативу (творчеству)*, *возможности креатива (творчества)*, *уровень креатива (творчества)* и т.д.

Мы обнаружили в нашем материале уникальный факт речевой избыточности, своеобразное лексическое приращение, которое усиливает смысловой эффект употребления данных единиц в речи, например: *Творческий креатив*; *Креативный она человек все-таки, творческий*; *Роднянский в большей степени человек творческого и креативного плана*; *Его любимая – самая креативная и творческая девушка на свете*; *Вы креативный, общительный и творческий интеллект*; *Если у русских атмосфера душевно-домашняя, то у них – скорее креативно-творческая*; *Короче говоря, там живут абсолютно творческие и креативные люди* и др.

Производные единицы с корнем *твор-* входят в словообразовательное гнездо с вершинным глаголом *творить*, основное значение которого 'творчески создавать' [Ожегов и Шведова 1999: 791] имеет стилевую помету «высок». Ощущение высокого, заданное культурной традицией, в соответствии с которой творческий труд оценивается как высокое достижение «чистого» духа, отчасти распространяется не только на производную лексику с корнем *твор-*, являю-

щуюся стилистически нейтральной, но и на синонимичную заимствованную лексику *креативный*. В высказываниях и текстах с данной лексемой значение, связанное с ценностной категорией из сферы высокого, поддерживается лексическими партнерами, несущими положительную коннотацию: *Радио в России самое креативное, самое яркое, самое масштабное, самое творческое; Действует с размахом, на редкость изобретательно*, или как нынче принято говорить, *креативно*; *Меня привлекают яркие, креативные личности*; *Самая ценная, креативная часть общества*; *Женщины, которые активны, креативны*; *Очень креативный и энергичный аспирант*; *Сейчас российская политика куда более креативная и гибкая*; *Самые креативные и одаренные школьники*; *Медаль Столыпина получают самые верные и креативные госчиновники*; *честная и креативная конкурентная борьба*.

В то же время современный речевой быт обнаруживает неприятие пафосной лексики. Отрицательная оценка высокого слова, вымывание высокого стиля, возможно, одна из причин появления синонима-заимствования. «В бытовой речи нам присуща боязнь громких слов» [Колесов, 1998: 216]. Мы избегаем их, так как хотим сохранить высокие слова для тех моментов, когда они окажутся уместными в речи. При дальнейшем сопоставлении единиц *креативный* – *творческий*, *креатив* – *творчество* видна стилевая дифференциация этих слов. В слове *творчество* нет той семантики прагматизма, которая есть в слове *креатив*. Высокое слово *творчество* требует осторожного употребления с ним, и по-настоящему творческие люди не любят говорить о своей деятельности как о творчестве, их коробит высокий стиль. В качестве иллюстрации к высказанному положению приведем фрагмент диалога журналистов и дизайнера:

Елена Фанайлова: *Я маленький комментарий себе позволю. Слово «креатив» ведь означает всего-навсего слово «творчество». Но почему-то для русского уха слово «креатив» звучит примерно так же, как и слово «гламур». В этом есть что-то такое новенькое, сладенькое и гламурненькое.*

Сергей Серов: Из одного и того же исторического периода.

Аркадий Троянker: *Творчество – тоже какое-то плохое слово, потому что когда говорят «я в своем творчестве», я готов схватиться за пистолет. Работа, есть работа, есть процесс. Какое творчество, извините?*

Сергей Серов: *Это Аверинцев еще в свое время отрефлексовал, что у*

нас есть один Творец. Мы занимаемся в лучшем случае сотворчеством.

Елена Фанайлова: *А он был дизайнером? Если следовать логике Аверинцева, главный Творец был дизайнером?*

Сергей Серов: *А как же.*

Аркадий Троянker: *Да, таким тотальным.*

Елена Фанайлова: *Он сотворил свет и тьму* (Радио Свобода 16.10.2005).

Творческая личность часто отказывается как от высокого слова *творчество*, так и от разговорного *креатив*. Приведем еще один эпизод обсуждения этих слов (вопросы задаются дизайнеру Алексею Логвину, автору известного плаката «Жизнь удалась»: надпись черной икрой по фону из красной икры):

Алексей Логвин: *Моя область называется модным словом «креатив», что в переводе на русский язык означает просто «творчество». Это все, что можно придумать. Вот я все и придумываю. В общем, мы занимаемся всем чем угодно.*

– *А ты себя считаешь дизайнером или скорее художником?*

– *Это для меня давно вопрос решенный. Очень смешно один мой приятель на меня наехал, когда мы обмывали премию. Он посмотрел медальку и говорит: «То, что ты делаешь, это же нельзя назвать ни литературой, ни искусством». А мне все равно. В сущности, чем Леонардо да Винчи занимался? Такой же байдой, если разобраться. Он делал коммерческие заказы. А в перерывах какие-то сумасшедшие проекты.*

– *Но есть же традиционное восприятие. Дизайнер – это человек, который делает функциональную вещь или функциональный плакат. То бишь вы – креативная личность.*

– *Слово «креатив» запрещено у нас в студии. Отвратительное слово «креатив», им, как правило, прикрывают кучку в лесу...*

– *А какое разрешено?*

– *Делаем, думаем... работаем* (Коммерсант-Власть. 26.06.2001).

Таким образом, при освоении русским языком анализируемых заимствований слова *креативный*, *креатив* воспринимаются двояко: с одной стороны, как синонимы лексемам *творческий*, *творчество*, с другой стороны, как стилистически сниженные, сленговые варианты русским словам высокого стиля. Отсюда – расширенная сочетаемость *креативный*, *креатив* по сравнению со сло-

вами *творческий, творчество*. См., например, сочетаемость прилагательного *креативный*: *креативная мысль, креативный замысел, креативная энергия, креативные способности, креативное начало, креативные сыщики, креативный продюсер, креативная обложка, креативная кухня, креативные сэндвичи, креативное меню, креативные часы, креативные маечки, главная креативная часть мужского организма* и др. Широкая сочетаемость позволяет выявить у слова *креативный* дополнительные оттенки значения: 'нестандартный, небанальный, свежий, талантливый'.

Мы наблюдаем, что при усвоении анализируемых слов за ними закрепляется определенная (профессиональная) сфера употребления. Креатив – это творческая составляющая в разработке рекламной кампании. Чаще всего слово *креатив* употребляется для обозначения творческой (визуальной и звуковой) части рекламного сообщения. Кроме того, большинство российских рекламистов используют лексику *креатив*, когда подразумевают творческую идею, при этом предполагая обязательное присутствие оригинальных, самобытных, своеобразных, творческих моментов. Креативом же в PR принято называть нестандартные решения тех или иных задач. Креатив рассматривается скорее как творчество в бизнесе.

Этому специализированному значению способствовало и появление романа «Generation П» В.Пелевина, герой которого в определенный момент получил предложение войти в штат известной компании:

–Кем? – спросил он. – **Кризйтором**. – Это творцом? – переспросил Татарский. – Если перевести? Ханин мягко улыбнулся. – Творцы нам тут не нужны, – сказал он. – Кризйтором, Вава, кризйтором.

Кроме указанных выше профессиональных областей, нам удалось выявить еще две сферы специализированного употребления данных слов:

1) парикмахерское дело: Лучшими в номинациях «**Женская стрижка с креативным окрашиванием**» и «Вечерняя прическа из длинных волос» были признаны работы тулячки Ирины Королевой; Зато мужскую стрижку с креативным окрашиванием лучшие всех сделала калужанка Наталья Корнеева. Существуют и профессиональные композиты-номинации с этим словом, например, **креатив-гель** сверхсильной фиксации.

2) спортивная сфера: Игру футболистов комментаторы оценили как

креативную.

Подведем итоги нашим наблюдениям. В русском языке наряду с синонимичным употреблением слов *креативный* – *творческий*, *креатив* – *творчество* формируется специализированное значение, закрепленное за определенными профессиональными сферами употребления, прежде всего, в рекламном деле. Креативом называют прикладное творчество, ограниченное рамками поставленных целей. Многообразие оценочных обертонов, ирония, нередко сопровождающая употребление заимствования, рост однокоренных образований – все это свидетельствует о национально специфическом освоении актуальных слов *креативный*, *креатив* в русском языке и общественном сознании.

Литература

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.

Вепрева И.Т. Игровые манипуляции с орфографией в Интернет-общении // Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». Т.1. Новое в системно-структурном описании современного русского языка. Речевая деятельность: современные аспекты исследования. София. 2007. С.298–302.

Вепрева И.Т., Кутенева Т.А. Лексема *пиар*: к вопросу о деривационном потенциале заимствованных слов // Современная языковая ситуация в свете лингвокреативной деятельности: Материалы Междунар. науч. конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», 24 – 26 апреля 2008 г. Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2008. – С. 35 – 44.

Колесов В. В. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998.

Колесов В. В. Риторические основы президентской речи (Послесловие к послесловию) // М.В. Гаврилова Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина) СПб, 2004. С. 242–246.

Мустайоки А., Вепрева И.Т. Какое оно, модное слово: о вопросе о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006, №2. С.45–62.

Никитина С.А., Казкенова А.К. Заимствованное слово в словообразовательной системе современного русского языка // Русское слово в мировой культуре. Мат-лы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб, 30 июня–5 июля 2003 г. Пле-

нарные заседания: сб. докл. В 2-х т. Т.1. СПб, 2003. С. 413–419.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. М., 1999.

Русская грамматика. Т.1. М., 1980.

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского языка / Под ред. М.В.Панова. М., 1968:

Webster's new universal unabridged dictionary of the English Language. New York. 1996:

Авгиевы конюшни политической лексики, или о феномене грязного слова в современном русском языке²³

Противопоставление чистого слова словам грязным не ново в русском языке. Современная культура речи определила коммуникативные качества хорошей речи, в ряду которых присутствует качество *чистоты речи*. Чистой, прежде всего, является речь, свободная от «элементов, чуждых литературному языку по нравственным и эстетическим соображениям» [Матвеева 2003: 397]. Аномальным является грязное слово, унижающее достоинство адресата. К грязным словам относится так называемая обценная лексика, подвергающаяся в русской культурной традиции запрету на открытое употребление, особенно в письменной речи. В эту лексику входят скатологическая лексика в ее прямых значениях (табуированные номинации, связанные в своем первичном употреблении с обозначениями телесного низа и его физиологических функций) и русский мат.

Современный политический дискурс дал повод продолжить традиционную метафору. Существует расхожее мнение, что политика – это грязное дело. Негативная характеристика политической деятельности указывает на ее связь с неблагоприятными поступками и нечистоплотными делами людей, вовлеченных в политический процесс, см., например: *Нередко наше «кучерявое лицо реформ», как прозвали Немцова в народе, бранится более определенно: «Говорят, политика – грязное дело, политика – говно и политики – тоже»* (Литературная газе-

²³ *Eigenes und Fremdes in der Slavia: Festschrift für Ewa Komorowska zum 50. Geburtstag / Hrsg. Ursula Kantorczyk, Harry Walter. Greifswald, 2007.*

та, 09.02.2005; 5).

В последние годы в средствах массовой коммуникации появились призывы *смыть политическую грязь, очистить политическую речь от грязных и обидных слов, отмыть слово, добавить в политическую грязь немного чистоты*. Помимо критики непорядочной деятельности политиков, эти требования эксплицируют критику политической речи, которая изобилует лексемами обценного жаргона, несущими примитивность, ненависть и агрессию. Кроме того, высказывания об очистке политического языка не просто фиксируют стилистическое снижение современной речи, а говорят о семантических процессах, которые происходят в русской политической лексике: *Мы за последние годы ухитрились замусолить, лишить смысла, подарить разного рода радикалам и проходимцам многие очень важные слова. Патриотизм, либерализм, память, демократия, консерватизм... Так, может быть, хватит? Может быть, пора уже отмыть ключевые понятия нашего гражданского словаря от налипшей на них политической грязи? И именно с этого начать воссоздание положительного образа России* (Советская Россия, 22.05.2003).

Что представляют собой слова, которые требуют «стирки»? Прежде всего, это слова-идеологемы, обладающие спецификой смысловой структуры, а также лексические единицы, получившие в ходе своего употребления в политическом дискурсе идеологические негативные приращения. Идеологическое отражение действительности на уровне языкового знака проявляется в наличии прагматического компонента, оценочного по своей природе. При этом «предметные и оценочные значения предстают как бы склеенными, жестко впаянными» [Эпштейн 1991: 19] в структуре слова. Идеологемы представляют собой законченные суждения, субъективно характеризующие денотат. «Отмывание» политического слова представляет собой процесс идеологической деидентификации и сводится к новому оцениванию идеологем, ставших проблематичными, к формированию новых прагматических смыслов либо к их полной редукции.

Выделим две группы слов политической сферы, семантика которой имеет «грязную» негативную нагруженность.

В первую группу входят идеологемы советского периода. Будучи составляющими советской идеологической системы, они дискредитировали себя в период кардинальной смены социальных устоев. Резкая идеологическая переори-

ентация, изменение идеологической оценки в конце 1980-х – начала 1990-х годов шло по линии линейной причинно-следственной связи: старое, уходящее оценивалось со знаком «минус», новое, развивающееся – со знаком «плюс». На современном этапе развития страны демонстративное отрицание прошлого сменяется осмыслением старых политических номинаций с позиций человека нестабильного общества. Особое место в переосмыслении отводится ностальгии по прошлому. Когда исчерпана энергия разрушения, но не решены принципиальные проблемы общественного и государственного устройства переосмысление ценностных установок становится более сложным. Современная действительность заставляет признать многофункциональную роль идеологии в общественной жизни, без которой нельзя определить стратегию общественного развития. Сегодня говорят о дефиците новой идеологии, объясняющей мир и позволяющей в нем жить. Метаязыковые высказывания последнего времени все чаще констатируют факт нейтрализации отрицательной оценки многих советских идеологов. «Отмыванию» подвергается и сама ключевая лексема *идеология*. Ср. рефлексивы 1990-х: *Слово «идеология» превратилось в ругательное; Есть в нашем лексиконе ставшее почти бранным, неприличным слово «идеология»; Мне не нравится слово «идеология» - от него попахивает старой марксистско-ленинской лексикой, что несет отрицательный заряд энергии;*

– рефлексивы текущего момента: *Должна быть в стране идеология российская! Коль скоро нам предрек Господь свой особый путь, значит, у нас и идеология должна своя быть. Воспитывать в первую очередь патриотизм и любовь к Родине – главное; Пора прекратить с отвержением отворачиваться от слова «идеология». Пора признать, что без этого понятия нет государства; В наши дни удалось «сиять заставить заново» это величественное слово идеология.*

Во вторую группу включаются лексемы, ставшие «грязными» по разным причинам уже в новое время. Обратимся к характеристике некоторых политических терминов современной России. Проанализируем две «грязные» единицы, которые надо «отмыть». Речь пойдет о лексемах *реформа* и *демократия*. О запачканности этих слов свидетельствуют многочисленные метаязыковые высказывания: *Идея демократии (вместе с самим словом) была присвоена и употреблена теми, кто был умнее Егора Лигачева и Нины Андреевой. Новому*

поколению приглянулись свободолюбивый триколор и слово «демократия». Лет еще пять назад нам бы не привиделось и в страшном сне, что слово «демократ» может стать ругательством. Не экспрессивом, как какое-нибудь «дерьмократ», а устало-равнодушным, нейтрально-пародийным. Нейтральное ругательство – это и есть самое страшное. Умерщвленные слова дурно пахнут. Слово "демократ", став маскхалатом чиновничества, обречено было превратиться и в ветошь, в половую тряпку. *Можно ли ее отстирать в XX веке и вновь превратить в знамя надежд новых поколений, никто не знает* (Новая газета, 20.01.2000); *Что стало с испачканным словом «демократия»?* (Радио Свобода, 14.06, 2005); *Надо ли отмывать слово «реформа»?* (Комсомольская правда, 16.06.2006); *Сейчас слово «реформа» в устах многих звучит ругательством, если не получится отмыть это слово, то надо заменить его более чистым* (Солдат удачи, 06.10.2004).

Рассмотрим процесс смысловой модификации актуальной лексической единицы «реформа». Данный концепт оказался ключевым в определении тех преобразующих процессов, которые начались с попытки изменить партийно-советскую систему. Современные социальные преобразования в России определялись по-разному. Вначале говорили об *ускорении темпов экономического развития*, затем речь пошла о *перестройке*. После выхода России из СССР наиболее употребительной номинацией стали *реформы* (чаще в составе словосочетания *радикальные реформы*).

Необходимо отметить, что на протяжении всего хода радикальных изменений в России эти преобразования не назывались *революцией*. Хотя революционными эти события осмысляются в силу масштабности катастрофы, которую вынуждена пережить страна. Причина табуирования термина *революция* кроется в дискредитации лексемы в общественном сознании России, поскольку романтический идол Революции исчерпал свои возможности в социальной памяти: *От слова «революция» сегодня всех тошнит* (ОРТ, Однако, 9.06.2001). Тем не менее, термин публично артикулируется высшей политической элитой: *Любая революция, даже такая бархатная, как у нас, связана с разрушением* (В.Путин, ОРТ, Время, 8.10.2002).

Субъективная неосознанность объективной революции создала ту психологическую среду, в которой проводящиеся преобразования в политической и

экономические сферах инициаторы называли достаточно обобщенно *реформами*. Если мы обратимся к словарному определению основного значения данной лексемы, то увидим, что в его основе лежит признак «преобразование, изменение чего-л., не затрагивающее основ существующего государственного строя». Поскольку изменения в стране носят радикальный характер, касающийся всех существующих институтов государства – экономических, политических и социальных, то в данном случае нельзя говорить о *реформе* в традиционном ее понимании. В современной трактовке лексема приобретает новый смысловой признак **«интенсивного, существенного изменения»** – глубоких, коренных преобразований, требующих иногда конституционного оформления. Массовое сознание отмечает смысловую модификацию концепта: *На Государственном Совете специально отказались от слова «реформа», чтобы у общественности не сформировалось ощущение, что все будет сломано* (АИФ, 6.03.2001); *...если те не из числа новых устроителей светлого будущего, тех, кто рушил СССР, тех, кто грабил каждого из нас, прикрываясь словом «реформа»* (Отечество, 19.08.2000); *Мы должны забыть слова реформа, революция, переворот в образовании* (Учительская газета, 27.06.2000); *Если бы реформа здоровья имело место столетие спустя, то слово «реформа», наверное, было бы заменено словом «революция»* (Здоровье, 25.10.1998).

Трудности реформирования российской экономики, неудачи при проведении новых экономических реформ являются основной причиной появления еще одного смыслового оттенка – негативной окраски у лексемы *реформа*. Устойчивость коннотативного компонента **«неодобр.»** подтверждается большим массивом метавысказываний, встречающихся на страницах периодической печати: *Гайдаровские реформы – это чан с дерьмом, в который нас бросили; на исходе 90-х у народа и у его элиты сформировалась стойкая идеосинкразия на слово «реформа»*; *произнести слово «реформа» – это все равно что ругнуться матом*; *сегодня слово «реформа» в массовом сознании превратилось в страшилку*; *сейчас слово «реформа» в устах многих звучит ругательством* и т.д. Социологи, проводящие анализ разнонаправленных перемен в России 90-х гг., считают, что одной из причин негативных оценок проводящихся реформ является «сама новизна, непривычность многих позитивных явлений в противоположность привычной традиционности того, что теряется» [Гордон, Клопов

2000: 34].

Один из возможных путей снятия негативной оценочности понятия – переименование «старого» новым именем. Такой процесс мы наблюдаем со словом *реформа*. Контекстные материалы последнего времени фиксируют стремление инициаторов преобразований в любой области деятельности уйти от номинации *реформа*, дискредитирующей положительный смысл любых изменений: *Авторы условились не употреблять слова «реформа», мол, надо говорить не о коренном реформировании образования, а о его модернизации; Слово «реформа» изгнано из словаря Центра стратегических разработок Германа Грефа; Предшествующий опыт научил россиян бояться слова «реформа», поэтому имеет смысл говорить о «качестве продуктов и услуг»; Собрали в Подмоскowie представителей регионов, и они голосованием решали, применять ли в тексте доклада слово «реформа» или писать «модернизация». Решили, что слово «реформа» писать не следует; если хочешь провести реформу, никогда не говори слово «реформа»* (Электронные СМИ).

Текущий политический момент дает новую единицу, номинирующую смысл 'социальные и экономические преобразования' – словосочетание *национальный проект*. Высказывания по поводу новой лексики иллюстрируют осознание носителями языка преэминентности номинаций: *Говоря о том, как наши сограждане воспринимают суть национальных проектов, стоит отметить, что 44% опрошенных считают, что таковыми являются «обычные программы решения давно назревших социальных проблем, которым дали новое название»* (СМИ.Ру, 26.01.2006); *Должен заработать национальный проект «Развитие АПК»*. Впрочем, большинство людей даже в деревне воспринимают непривычное слуху словосочетание «национальный проект» как *те же куриные яйца, только «в профиль»* (Трибуна (Сыктывкар, 3.02.2006). Кроме того, контексты содержат типичную для россиян критичность и иронию по отношению к термину, введенному властью, а, следовательно, потенциально содержащему негативную коннотацию: *Следующее поколение российских людей будет жить при национальных проектах* (Деловое Поволжье (Волгоград, 27.03.2006); *Само словосочетание «национальный проект» звучит как пропагандистский термин* (Краснодарские известия, 25.07.2006); *Словосочетание «национальные проекты» действуют на многих россиян, как мулета на быка*

в корриде (Новости-online, 21.08.2006).

Еще один из процессов, связанных с эволюцией смыслов в современном обыденном сознании, который привел к «загрязнению» слова, мы покажем на примере лексемы *«демократия»*. Данный концепт для российского общества является заимствованным из чужого опыта, и поэтому появление новых смыслов в семантической структуре слова связано с адаптацией понятия на российской почве.

В чем специфика демократии по-русски? Почему лексема в сознании современников осознается негативно: *Сейчас слово «демократия» стало ругательством, а раньше в перестройку было гимном* (А.Макаров, Радио 101, 17.12.1998); *слово "демократия" в нашей стране стало ругательным, никто уже, наверное, не воспринимает сегодня слово "демократия" как нечто стоящее внимания* (Эхо Москвы, 19.01.2004)? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к характеристике процессов общественной жизни, которые скрываются за смысловым дрейфом лексемы *демократия* в обыденном сознании, о трансформации эмоционально положительного восприятия слова на прямо противоположное. Любое новое понятие, особенно абстрактного характера, получающее в речемыслительной практике широкое распространение, обладает смысловой размытостью, неясностью, поэтому оно стремится закрепиться в массовом сознании на основе ассоциативной связи с усвоенным понятием.

В семантической структуре лексемы «демократия» выделяется два слагаемых: во-первых, мировоззренческое, понимаемое как принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное и равноправное участие в ней всех членов коллектива, и, во-вторых, понятие демократии как способа управления государством, как политический строй, основанный на признании принципов народовластия. Для советского человека на пороге перестройки демократия осознавалась скорее в мировоззренческом смысле, чем в политико-правовом. Слово «демократия» было знаком отрицания репрессивного общественного порядка. В позитивном плане демократия ассоциировалась со *свободой* как свободой слова и самовыражения, свободой места проживания внутри страны, свободой передвижения, выбора профессии и т.д. И, действительно, с распадом СССР произошла либерализация, государство конституционно закрепило целый ряд свобод. Но либерализация оказалась не подкре-

пленной политико-правовой реорганизацией общества. Поэтому либерализация на российской почве обернулась анархией, которая номинировалась в современной разговорной речи в чрезвычайно частотную лексическую единицу *беспредел*, означающую крайнюю степень беззакония, беспорядка.

Демократическое общество в первую очередь – это правозаконное сообщество. Система норм и запретов обеспечивают общественную дисциплину в демократическом государстве. К этому была не готова душа постсоветского человека, которая, осознав отсутствие коллективно-репрессивной общественной дисциплины, отбросила все внутренние контрольные механизмы. Демократические свободы в русском сознании трансформировались в анархические принципы: «все можно», «все позволено». Такая анархическая свобода, которая пришла на смену тоталитарному режиму, стала вызывать неприятие: *Казалось, пришла долгожданная свобода, стоит на пороге. Вот сейчас она сорвет белый платок и обнажит свое прекрасное лицо. Она его обнажает, а там какой-то мерзкий гад, качок, который на тебя делает вот так пальцами, какие-то ларьки угадываются, бандиты, первая Чечня – и ужас: какая свобода? Зачем? Забирайте ее обратно* (А.Герман, Телемир, 2.09.2002).

Растущей угрозе беспорядка общественное сознание противопоставляет порядок. Но этот порядок в сознании увязывается уже не с демократией, а с законностью сильной власти, с «хорошим правительством» в рамках «справедливого» общества. Приведем один из типичных рефлексивов: *Не надо бояться слова «цензура» – это не собака злая. Учитывая менталитет народа, власть должна быть жестче. Мы не можем жить без кнута и пряника. Мы же азиаты, не надо нам этого стесняться. Народ царя видеть хочет! Это было, есть и будет* (А.Розенбаум, АИФ, 9.09.2002). В этом видится непрекращающаяся драма русской истории: разрываться между требованием демократии, которая перерождается в анархию, отсутствие порядка, и столь же постоянным и противоречащим первому требованию стабильности, которое, в свою очередь, склонно перерасти в авторитаризм.

Еще одной из причин семантического дрейфа концепта *демократии*, который привел к необходимости «отмывания» слова, являются иждивенческие, патерналистские ожидания общества в отношении к государству. Для русского государства типична опекунская политика, держащая общество в незре-

лом состоянии по принципу «мы – ваши отцы, вы – наши дети». Большинство россиян пассивно, и их неудовлетворенность жизнью сохраняется лишь на «настроенческом» уровне в форме хронического, безадресного, «фонового» недовольства.

Исторически сложившиеся отношения россиян с государством привели к тому, что большинство граждан изначально связывает ценности демократии не только с политическими свободами, но и с материальным благополучием. Убежденность в том, что демократическое государство обеспечит экономическое процветание, делало миллионы людей приверженцами демократических ценностей. Понимание демократии в обыденном сознании представляется в виде власти, находящейся в руках демократов, которые являлись бы блюстителями справедливости, знакомыми с нуждами народа. Естественно, при таком понимании демократии разочарование в ней было вызвано беспрецедентным экономическим спадом, который произошел при правительстве, именуящем себя демократическим. Неудивительно, что слово *демократия* стало бранным словом. Недоверие к демократии, к политике в целом усиливается из-за коррумпированности политической элиты, для которой становится характерной неспособность защитить граждан от произвола.

Такой особый амбивалентный тип русской ментальности, сочетающий в себе противоречивые черты свободолюбия и покорности, подданничества и гражданственности, явился решающим при эволюции смысла концепта *демократия*. Отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре является основной причиной трансформации значения лексемы *демократия*.

Подведем итоги. В русском языке новейшего времени процесс смысловой эволюции актуальных слов политического словаря привел к своеобразному «социокультурному хиазму» [Полонский 2003: 244] – «переполюсованию» положительной оценки лексемы на отрицательную. Появившийся тип единиц с негативной нагруженностью порождает общественную потребность в реабилитации актуального политического слова. Эксплицированная в метаязыковых высказываниях потребность в «отмывании» слов свидетельствует об укреплении тенденции оценочной нейтрализации политического лексикона.

Литература

Гордон Л., Клопов Э. Динамика условий и уровня жизни населения (разнонаправленные тенденции 90-х годов) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000, №5.

Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.

Полонский А.В. Русская «орк-культура»: модификация концепта «человек» // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста. Материалы Международного симпозиума. Волгоград, 22–24 мая 2003 г. Часть 1. Научные статьи. Волгоград, 2003.

Эпштейн М.Н. Идеология и язык: (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

«Мы их и в сортире замочим», или штрихи к риторическому портрету В.В.Путина²⁴

Один из излюбленных политических ходов экс-президента России Б.Н.Ельцина – выдвижение на высшие руководящие посты кандидатов, неизвестных широкой российской общественности. Так было с С.В. Кириенко, так произошло и с В.В.Путиным, занявшим пост премьер-министра, а позже ставшим исполняющим обязанности президента России. Неожиданное появление на политической арене малоизвестных политических фигур создает сложную ситуацию в общественной жизни страны. Общество получает руководителя, личность которого сравнивают с белым листом бумаги и с черным ящиком. На сегодняшний день самым частотным высказыванием о преемнике Б.Н.Ельцина является фраза «Мы ничего не знаем о Путине».

Поэтому успешный путь социализации политика должен быть интенсивно кратким и эффективным. «Незнакомец» не имеет права на ошибки, которые может позволить себе политик со сложившимся реноме. Коммуникативная стратегия политика – «понравиться народу» – осуществляется в рамках самопрезентации своего «я» другим и находится в прямой зависимости от того, как складываются взаимоотношения коммуникантов в диалоге.

²⁴ Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания 22 апр.2000. М., 2000. С.43-45; Политический дискурс в России. 1996–2006. Хрестоматия. М., 2007.

Моделирование имиджа предполагает выделение доминанты, поскольку в сознании масс срабатывает прежде всего самый простой из механизмов взаимопонимания – механизм стереотипизации, т.е. формирования устойчивого и упрощенного образа другого как результат обобщенного личного опыта индивида. На формирование доминантного признака имиджа В.В.Путина изначально повлияли два факта: во-первых, биографический факт службы В.В.Путина в ФСБ, во-вторых, прямая связь в сознании масс имени политика с событиями второй чеченской войны. На основе этих признаков смоделирована доминанта Сильной руки, жесткого, требовательного человека, скупого на слова, с превалирующим рационально-эвристическим типом поведения.

Политическая власть держится на управлении людьми разной политической ориентации, осуществляемом через слово. 16 сентября 1999 года в самом начале своей политической карьеры премьер-министра произошел небезызвестный широкой общественности эпизод: в официальной обстановке на одном из брифингов В.В.Путин на вопрос журналиста об отношении премьер-министра к чеченской войне ответил фразой, ставшей визитной карточкой политика: *«Мы будем преследовать террористов везде... Вы меня извините, в туалете поймает – мы их и в сортире замочим»*. Реакция адресата была мгновенной и долгосрочной – с 17 сентября и по сей день это высказывание в разных контекстных вариантах не сходит со страниц печати при упоминании имени В.В. Путина. Задача нашего сообщения – попытаться ответить на вопрос: является ли это высказывание коммуникативной удачей или неудачей В.В. Путина?

Охарактеризуем анализируемое событие с точки зрения коммуникативно-этических норм. Встреча с журналистами проходила в рамках официальной ситуации, которая опирается на риторические критерии нормативности и эффективности и включает комплекс средств, выражающих категорию официальности:

1. Строго прогнозируемый характер коммуникативных ситуаций.
2. Совпадение границ официального общения с границами социально-статусного общения.
3. Выбор нейтральных языковых средств общения.

4. Учет аудитории, четкая коммуникативная цель, ясно сформулированный предмет обсуждения и т.д.

Перечисленный набор признаков официальной ситуации позволяет сделать вывод, что В.В. Путин нарушает практически все критерии официальности. Понятна его стратегия нарушения официальных рамок – причина кроется в отторжении ритуальных рамок официального общения тоталитарного общества, внутренний протест сформировал речевую тактику личностно ориентированного общения. Понятна коммуникативная цель – усилить эффективность высказывания, при этом выбран самый простой способ аффектации речи – употребление «сильной» лексики из языка деклассированного класса. В.В.Путин реализовал право говорящего на выбор двух возможных стилистических видов – нейтрального и маркированного. Но, с другой стороны, «акт предпочтения одного языкового средства другому – так же, как степень его осознанности – это и есть сам говорящий, «образ автора» данного высказывания» (Т.В.Винокур, 1989, 18). В.В.Путин не вышел за рамки своего образа Сильной руки, аудитория ждала жестких слов от политика. Тем не менее говорящий не добился желаемого результата. Полученный коммуникативный диссонанс объясняется тем, что В.В. Путин использовал стратегию, конвенционально недопустимую в данной коммуникативной ситуации. Носитель элитарного типа речевой культуры, представитель высшего эшелона власти, используя обороты из языка уголовников, демонстрирует раскованность в ущерб чувству меры, что характерно для инвективной речевой стратегии, которая отражает эмоционально-биологические реакции языковой личности. В.В. Путин в желании приблизить к себе адресата использовал сильный прием, нарушив при этом нормы риторического этикета, – унизил достоинство адресата, обращаясь к нему на языке уголовников, тем самым понижая всю российскую аудиторию до говорящих на этом языке. И это, безусловно, коммуникативная неудача В.В. Путина.

В.В. Путин не учел дифференциации современного социума по интеллектуальному капиталу. В России по-прежнему значимо общественное мнение людей, для которых важны традиции престижа знания и культуры. Именно эта часть общества, приходя в себя после коммуникативного шока, в качестве реакции самозащиты превращает реплику В.В. Путина в его визитную карточку, тиражируя его высказывание в рамках иронических текстов, используя как эле-

мент языковой игры, придумывая анекдоты, одним словом, делает уголовный фразеологизм высокочастотным речевым стереотипом.

Таким образом, знаменитая фраза В.В. Путина сработала четко на ядро в структуре имиджа (правда, с не совсем желательным эффектом). Но ядро должно обогащаться периферийными микрополями, понятие имиджа не исключает, а предполагает динамику в соотношении реальных качеств личности с моделируемыми. Периферийные микрополя выстраиваются благодаря продуктивной работе СМИ – очерчивается роль отца и мужа (публикации в «Комсомольской правде» о теще и семье и.о.президента, интервью В.Леонтьева в программе «Однако» с В.В. Путиным в неофициальной обстановке), формируется реноме непредсказуемого путешественника (репортажи в новостийных программах по телевидению). К схематическому портрету В.В. Путина добавляются человеческие черты – честность, скромность, работоспособность, простота и т.д. Эйфория любви набирает обороты, как сказал журналист в последних «Итогах» на НТВ от 13 февраля 2000 года. Эффективность работы по формированию имиджа В.В.Путина определяют результаты выборов президента России 26 марта 2000 года.

